

26.325
П58
1378054

**ОДИССЕЯ
ВАСИЛИЯ СЕНЮКОВА,
ИЛИ
КОРОЛЬ НЕФТИ И ГАЗА**

АЛЬБЕРТ КОЛОВ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-во пред. выдач.

16/11/18

З ТМО Т. 3.600.000 З. 3837—89

асл

26.325.4(2)
1758

Альберт Попов

ПРЕДПОСЛОВИЕ

ОДИССЕЯ ВАСИЛИЯ СЕНЮКОВА, ИЛИ КОРОЛЬ НЕФТИ И ГАЗА

документальная повесть

1907-1975

1378054

ГБУ РК «НБРК»
Пожертвования
от Коми землячества
«___» _____ 20__ г.

*«Работать, учиться, учиться, работать, вечно в труде,
больше пользы принести на благо нашей любимой
отчизне и высоко нести знамя нашей Коммунистической
партии, быть примером на производстве, в учёбе и в науке
— эти черты сопровождали и сопровождают органически
всю мою жизнь...»*

(Из дневника В.М. Сенюкова)

АБОНЕМЕНТ

Государственное бюджетное учреждение
Республики Коми
«НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ КОМИ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

«...и углубиться в сладкую тяжесть воспоминаний, где смешаны реки, холмы, пот, холод, кровь, усталость, мечты и святое чувство нужной работы. Чтобы в минуту сомнения тебя поддерживали прошедшие годы, когда ты не дешевил, не тёк бездумной водичкой по подготовленным желобам, а знал грубость и красоту реального мира, жил, как положено жить мужчине и человеку».

Олег Куваев «Территория»

Э то было давно, ещё в юности, когда я зачитывался романом Фёдора Пудалова «Лоцман кембрийского моря». Уже тогда я знал, что буду геологом, так увлекал меня образ Зырянова – главного действующего лица повествования. Предполагаю, что был не одинок в своих мечтах, так как многие мои сверстники из 50-х воспитывались на примерах романтических героев прочитанных художественных произведений, выбирая свой путь в профессию. Много позднее мне стало известно, что в образе Зырянова описана судьба известного советского геолога, крупного учёного, доктора геолого-минералогических наук, профессора, трижды лауреата Сталинской (Государственной) премии СССР, лауреата многих орденов и медалей Союза, заслуженного деятеля науки и техники Коми и Якутской автономных республик Василия Михайловича Сеньюкова, уроженца села Онежье Княжпогостского района Республики Коми.

И вот в моих руках документальная повесть с названием «Одиссея Василия Сеньюкова, или Король нефти и газа» под редакцией А.И. Попова. Книга посвящена памяти В.М. Сеньюкова и переиздана в связи со 110-летним юбилеем выдающегося геолога и учёного.

Удивительно бурной была его жизнь. Неуёмная страсть к учёбе, потрясающая энергия и целеустремлённость привели к непостижимым результатам. В девятнадцать лет впервые сел за парту в семилетке

после третьего побега из дома, так как отец был ярким противником учёбы, а в 30 – лет уже доктор геолого-минералогических наук. В 32 – профессор. Не родился под счастливой звездой северного края, где природа уже сама по себе куёт «людской булат», страна могла бы потерять Гения, предсказавшего, обосновавшего и реализовавшего целый ряд направлений в геологической науке и народном хозяйстве страны.

Потрясающая география мест геологической деятельности, так или иначе связанных с Василием Михайловичем: Прибайкалье, Якутия, Восточная и Западная Сибирь, Поволжье, Прикамье, Ставрополье, Урал, Центральные районы СССР, Тимано-Печора, Кировская область, Узбекская ССР, Кавказ, Крым, Украина и, конечно же, стольный град Москва.

68 лет – столько прожил Василий Михайлович. Срок для истории весьма малый, но значительный для отдельно взятой личности. Невольно проникаешься уважением к человеку, связавшему свою деятельность с тесным соприкосновением с природой, особенно на первых порах студенческо-научной работы в Прибайкалье и Якутии, её постоянными новыми тайнами и неожиданными эволюционными процессами. Тем более, что мне довелось ознакомиться лишь с небольшой толикой научного наследства учёного. К тому же в основном по научно-популярным изданиям его трудов и биографических брошюр.

Не единожды молодой геолог одерживал победы в жесточайшей научной полемике, будь то в аудиториях с корифеями геологической науки или с хозяйственниками в высоких правительственных кабинетах И.В. Сталина, С. Орджоникидзе, Л. Кагановича.

Все годы Василий Михайлович, наряду с напряжённым трудом по основной специальности, выполнял огромную массу общественных поручений и, тем не менее, его также не миновала участь многих талантливых людей. Незадолго до смерти Иосифа Сталина он был арестован, ему вынесли смертный приговор, санкционированный Берией, но по требованию САМОГО был освобождён. Казалось бы, человек должен был надломиться. Но нет, он с удвоенной энергией продолжает следовать генеральной линии Коммунистической партии, воплощая в жизнь свои научные идеи, которые в различные годы помогли стране решать сложнейшие проблемы экономического развития. Будь то обеспечение Москвы природным газом, моторным топливом военную технику в годы Великой Отечественной войны, научного обоснования опорного бурения для глубинного картирования всей территории СССР до идеи беструбных подземных газонефтепроводов. Потрясающий кругозор!

От гипотезы кембрийской нефти на студенческой практике в При-

байкалье (1932 г.) до завершения земного пути на Введенском кладбище в Москве прошло всего 43 года, но как же глубока «борозда», оставленная этим человеком в науке, экономике, строительстве геологической службы страны. Такие люди – фундамент мировоззрения нашего общества. Чередой научных идей, должностей и результатов его работы с трудом поддаётся осознанию. Не каждому даётся так славно прожить свою жизнь.

Это предисловие хотел бы завершить словами Василия Михайловича Сениюкова, сказанными своим оппонентам: «Как можно допустить искусственное получение жидкого топлива из углей, когда Сибирь вся плавает в нефти! Неверие в неё непостижимо уму! И, уверен, они будут найдены. Что до Сибири – меня от неё не открепить никакими силами. Я костыли лягу, но добыю своего!» Как был мужественен и чистосердечен Василий Михайлович Сениюков – САМОРОДОК Земли Коми.

Заслуженный геолог России, заслуженный работник Республики Коми, доктор геолого-минералогических наук

А. Боровинских

A handwritten signature in dark ink, appearing to read 'А. Боровинских'.

СЛОВО ВСТУПИТЕЛЬНОЕ: ОТ СЛАВЫ К ЗАБВЕНИЮ

«Я бы охотно молчал и жил в покое, да боюсь наказания от всемогущего промысла, который не лишил меня дарования и прилежания в учении и ... дал терпение и благородную упрямку и смелость в преодолении всех препятствий к распространению наук в Отечестве, что мне всего в жизни моей дороже».

М.В. ЛОМОНОСОВ

«Жизнь, соединенная с легендой, уже есть «Житие».

АЛЕКСАНДР БЛОК

«Немногие знают, как много надо знать, чтобы знать, как мало мы знаем».

«ИЗ КОПИЛКИ МУДРОСТЕЙ»

Нравится то кому или нет, но Её Величество Госпожа История не признает сослагательного наклонения – если бы, да кабы... И безусловно жалкими предстают перед богиней Клио те, кто зачастую по-лакейски услужливо «кроит» хронику событий в угоду тому или иному «сиюминутному» царю или вообще – власти предержажим. Время, рано или поздно, неизбежно расставляет всё по своим местам.

Когда мы, к примеру, говорим – «Штурм космоса», то прежде всего подразумеваем – «Королёв». С этим именем навсегда и неотделимо связывают люди пионерские шаги в практическом освоении околоземного пространства, запуск первого искусственного спутника, первый успешный полет человека в космос. Сопутствовавший нам долгие десятилетия магнетизм клича-стремления – в чем бы то ни было, но обязательно «быть впереди планеты всей!» – разумеется, не мог не иметь оборотной стороны. В виде то ли неременной всенародной эйфории и массового восторга, то ли щедро одариваемых «верхами» почестями тех, кто этот клич воплощал в явь. Сегодня «литавры и фанфары» всё больше начинают уступать место трезвой, логичной рассудительности. И всё-таки на заданный любому россиянину вопрос, кто такой Королёв, вполне резонно услышать ответ: «Ну как же! Это же наш выдающийся ученый, академик, многожды лауреат, дважды Герой Труда!» К слову, доживи он до юбилейных 60 или 70 лет, оставаясь и далее зашифрованным за таинственным двусловием «Главный Конструктор», можно не сомневаться, что, как в те годы повелось, не миновать было ему как минимум еще двух Золотых Звезд Героя. Хотя этому не суждено было произойти, Родина и так «по-космически» воз-

высила имя «Королёв», воздав ему должное по всей справедливости, чести и достоинству.

Что вопиет и против здравого смысла, и логики Истории: совершенно иначе, почти с точностью до наоборот, обошлись верховные власти государства с фамилией «Сенюков». Потому сегодня лишь единицы подразумевают, что это не кто иной, как Генеральный Конструктор и вдохновитель великих побед, правда, в деле прямо противоположном и несравненно менее «звонком» – в штурме антикосмоса. Иными словами, в разведке, завоевании и освоении пространств не за пределами, а внутри, в глубинах Земли-матушки. Но речь о Человеке, для науки, экономики и народа несомненно куда более значимом, нежели восславленный академик Королёв. Человеке, сполна отдавшем себя той сфере прогресса, где, как, пожалуй, нигде больше, особенно показателен один из невероятных, но очевидных парадоксов современности. Состоит он, этот великий и досадный парадокс, в том, что гомо сапиенс, научившись «легко забрасывать» исследовательские аппараты на сотни и сотни тысяч миль от поверхности своей планеты, до сих пор не сумел заглянуть в её нутро глубже чем на 8–10... километров.

Вообще неизвестно, как скоро людям удастся «прошить» всю, примерно 35-километровую, толщу земной коры, хотя в сравнении с радиусом всего «шара» она гораздо тоньше, чем, скажем, скорлупа по отношению ко всему яйцу. Тайной за бесчисленными замками остается подстилающая эти пласты мантия, которая непробиваемо твердой оболочкой-прослойкой в 3 тысячи километров окутывает центр Земли – её ядро. А что собой представляет оно, ядро Земли, – абсолютно точно ведомо лишь одному Богу. Да еще, согласно промелькнувшей в январе 1997 года газетной публикации, ученым Колумбийского университета (США). Судя по сообщению, американцы недавно «представили строгое доказательство, что в самом центре Земли находится твердое внутреннее ядро – сфера размером приблизительно с Луну, которая свободно вращается внутри расплавленного внешнего ядра». Того самого, что, как давно и привычно считается, уже и заточено «в объятиях» кристаллической мантии, в свою очередь запеленатой в «одеяло» земной коры.

Отнюдь не так важно, насколько веско и как долго продержится утверждение американских ученых. Куда бесценнее уже само по себе другое – неистребимое желание человека узнать, что находится у нас под ногами, как и из чего сложена наша планета Земля.

Избранная профессиональная стезя открывала перед Сеньюковым неограниченные возможности для «просто познания» Земли как одной из планет Вселенной. Уже одно это, таящее бездну увлекательного и интересного, могло стать достойным всяческого уважения и преклонения поприщем, способным захватить воображение и восхищать фантастическими картинами Её Древности. Но как раз «одно это» его и меньше всего устроит. Лишь едва прикоснувшись к азам наук о «телосложении» Земли, он сразу обнаружит свое призвание в другом. В том, чтобы, раскрывая ее древние «письмена», находить еще и ключи к сокровищам, накопленным Природой за миллионы, десятки, сотни миллионов лет. А главное – как можно скорее поставить их на службу Родине, на службу людям.

Уроженца тайги, его на этом пути никак не могли остановить ни дальние по расстояниям походы, ни непролазные дебри, ни непроходимые болота. Но вряд ли он даже отдаленно представлял, какими опасностями и испытаниями, помимо природных, будет чревата Дорога, на которую он смело и решительно отважился ступить, чтобы затем следовать по ней всю жизнь. А уйдя из нее, фактически оказаться преданным глухому забвению. Напрочь исчезнувшим и вычеркнутым из официальной летописи и Науки, и Экономики. А тем более – из памяти человеческой, которая и впрямь несовершенна.

Будь то в Москве или Южно-Сахалинске, Тюмени или Калининграде, в Ставрополе или Иркутске, в Ташкенте или Салехарде, в Таллине или Якутске, сегодня почти не найдете тех, кто мог бы дать более или менее вразумительный ответ на вопрос, кто такой Сеньюков и чем он славен. Хотя и названные, да и многие другие города и края непосредственно и долго находились в его поле деятельности. На столько масштабном по широте охвата, что вряд ли удастся назвать еще кого-либо, кто мог бы здесь встать вровень или соперничать с ним как ученым. Его – так и было – с одинаковым почетом привечали в Прибалтике и Туркмении, на Сахалине и Украине, в Узбекистане и ныне Республике Саха (Якутия), в Сибири Восточной и Западной, на Кавказе и Дальнем Востоке, в Краснодаре и Газли, в Астрахани и Саратове. Не одна зарубежная фирма почитала за высокую честь получить у него научно-деловую консультацию.

Сейчас же свидетельства этой и впрямь уникальной популярности Сеньюкова можно найти, пожалуй, только в запасниках Музея революции в Москве, где волею случая оказалось сохраненным для потомков довольно немало материалов о его жизни и деятельно-

сти. И в том числе – кипа восторженных приветственных адресов и благодарственных посланий, стекавшихся в Москву со всех концов бывшего Союза в дни прижизненных юбилеев Сенюкова, «золотого» и «платинового». Под словами искреннего, надо полагать, признания и преклонения – подписи весьма именитых академиков и докторов наук, руководителей высоких властных структур и ведущих научных учреждений, министерств и ведомств, известных деятелей науки и экономики. Даже тех, кто чуть ли не всегда оставался с юбиляром, мягко говоря, в бескомпромиссном противостоянии или долгие годы относился к нему отнюдь не с уважением – больше со снисхождением.

В посланиях, врученных имениннику в те дни, как и в выступлениях по случаю торжеств, содержалось множество лестных и справедливых слов о его действительно выдающихся заслугах перед наукой и экономикой. Однако мало кто догадывался о такой немаловажной, наперед спланированной «детали»: обо всем как о само собой разумеющемся тогда суждено было узнать и услышать лишь тем, кто находился в стенах аудитории, где проходило чествование. И – никому больше. Иначе говоря, всему «славословию» и в одном, и другом случае был заведомо и не бесцельно придан «камерный», кулуарный характер. По крайней мере, ни одна из центральных или, на худой конец, столичных московских газет «не снизошла» до того, чтобы откликнуться к юбилеям ученого хотя бы мало-мальской публикацией под авторством любого из именитых подписантов «елейных» посланий. Но, скорее с ведома или по указке вождя масс – «ленинского» ЦК, а, возможно, просто его высокопоставленных холопов-прислужников – было сочтено, что этим массам как непосвященной публике ни к чему, да и незачем даже что-либо знать о Сенюкове. Так что своеобразное табу на имя ученого было наложено Центром Союза уже при жизни. Потому не приходится удивляться, что ни научная общественность, ни пресса Москвы вообще никак не почтили память этого человека позднее в связи с 70-, 75-, 80- и 90-летием со дня его рождения. Будто ТАКОГО УЧЕНОГО вовсе не существовало в природе.

Больше 30 лет веду я как литератор поиск и сбор документов и материалов о Сенюкове. И, вопреки всему и вся, они дают мне право абсолютно уверенно засвидетельствовать: он безусловно принадлежит к той редкой и великой когорте подвижников и сынов Отечества, которые всем своим существом старались, по выражению Петра Первого, «находить славу государству чрез искусства и науки». Для меня он не просто «академик академиков», а подлинный рыцарь науки

во благо людей, ставшей его религией. Неповторимейшая Личность.

Как известно, Христофору Колумбу достаточно было, плывя в Индию, случайно наткнуться на берег Америки, чтобы потом навечно прославиться благодаря своему великому географическому открытию и удостоиться за него воистину величественных памятников, поставленных в его честь благодарными потомками.

Сеньюкова, уверен, меньше всего заботили лавры такого выдающегося путешественника типа того же Колумба. Хотя дело, которому он себя беззаветно отдавал, было немислимо без дальних, порой мучительных, смертельно опасных походов. В этом смысле он скорее всего видится достойным восприемником земляков-пращуров, без страха преодолевавших в далеком прошлом расстояния в тысячи и тысячи километров от родного северного края и оставивших памятный след о себе во множестве городов и весей и Сибири, и Дальнего Востока, и Средней Азии. И вовсе не из соображений польстить будущему – со временем – адресованы эти слова:

«Знаем Вас как прямого наследника славных российских землепроходцев, не отступавших перед трудностями и не ведавших преград. С Вашим именем связано столько ярких героических легенд, что будущему историку науки придется немало потрудиться, вшивая их в канву повести о Ваших подвигах».

Но Сеньюков был не просто замечательным землепроходцем. А таким, кому суждено было совершить фундаментально важное геологическое открытие. Открытие, которое, как мне рассказывал академик Андрей Трофимук, породило среди московской молодежи середины 30-х годов молву о счастливом выпускнике вуза, ухитрившемся благодаря одному студенческому исследованию не только получить диплом, но и стать всемирно известным ученым. Правда, добавлял академик, кое-кто говорил об этом из зависти, а многие – с восхищением. И – всерьез. Особенно те, кто понимал, какого лиха стоило Сеньюкову исследование, приведшее к открытию, которое наповал сокрушало все общепринятые каноны и теории и в один миг стало мировой сенсацией №1. Оно, как тогда считали, сделало бы честь любой национальной Академии наук планеты, будучи золотыми буквами вписано в её скрижали. Только тщетно искать его в реестре достижений, которыми вправе гордиться Академия наук бывшего СССР, а значит и России. Ибо оно, то открытие, поначалу принесшее Сеньюкову славу «Колумба геологии», довольно скоро оказалось прочно «закрытым» и для сведущих, и – тем паче – широкого круга непосвященных.

И все-таки не будь того открытия, неизвестно, состоялись бы в последующем или нет многие-многие другие замечательные открытия и новаторские начинания Сенюкова. А ведь практически все они имели настолько важное и бесценное народнохозяйственное значение, что их судьба, как правило, решалась на самом высоком государственном уровне. Потому что главным делом его жизни со студенческих лет стала «одна, но пламенная страсть» – разведка и поиск таких подземных сокровищ, как кладези нефти и газа. Справедливо названных «кровью» и «воздухом» современной экономики. То есть тем, без чего жизнь просто невысказима.

В своей книжке «Дорога к кембрию», вышедшей тридцать лет назад, я, признаться, взял грех на душу – слукавил, написав: «Имя Сенюкова известно у нас в стране и за рубежом». На это, слава богу, никто и не обратил внимания, во всяком случае публично это никем не оспаривалось. Тем не менее, пусть с солидной задержкой, но приношу извинения за свой тогдашний грех минимум двум тысячам читателей – таков был тираж издания. Ибо волею обстоятельств это имя и ПОНЬНЕ продолжает оставаться безвестным не то что за рубежом, но и в России вкупе со всем СНГ.

Однако тогда я несколько не погрешил против Истины в главном. В том, что Сенюков несомненно принадлежит к славной плеяде ученых, прямо причастных к рождению, становлению и взлету Большой Индустрии нефти и газа бывшего Союза. И не только. Он непосредственно помог людям в подборе верных, незаменимых «ключей» к подземным кладовым золота и алмазов, меди и никеля, бокситов и урана, железных и марганцевых руд, других важнейших полезных ископаемых в недрах планеты. По признанию академика Д.И. Щербакова, благодаря свершениям, направленным «на изучение тайн земных глубин и умножение народных благ», Сенюков, независимо ни от кого и ни от чего, уже воздвиг «памятник себе нерукотворный». А вот надлежащего рукотворного – не удостоится никак...

Сегодня, когда воскрешаются «закрытые» некогда и забытые имена, не спеша восстанавливается Правда Истории, правомерен вопрос: чем же объяснить столь стойко и с упорством, достойным лучшего применения, поддерживаемый ореол умолчания вокруг имени Сенюкова? Как случилось, что оказалась сваленной в пропасть забвения такая «глыба», каковой всецело и по праву является он для науки? И, разумеется, для экономики тоже. Почему же он остается безвестным среди и широкой публики, и «жрецов учености»?

Кое-кто всерьез склонен усматривать источник всех зол... в непокладистости характера Сенюкова. Да, немало предредило

чуть ли не самое главное его призвание – возмутитель спокойствия. Он на дух не переносил рутины и косности в высших эшелонах власти как в науке, так и в экономике. Чем, ясно, сильно мешал очень многим из служивого люда жить «нормально» – в спокойствии и благоденствии. Потому они постарались – и небезуспешно! – всё сделать для того, чтобы Сеньюков, став в 30 лет доктором наук, так и застрял на этой научной ступеньке. Между тем прожил он ни много ни мало еще почти 40 лет, до краев наполненных бесценными, триумфальными творческими дерзаниями, открытиями и идеями. Неизменно следуя известному девизу: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!».

Как известно, широкая общественность достаточно хорошо осведомлена насчет былых противоборств, скажем, в области кибернетики. Или агронауки с её развенчанной «лысенковщиной». Зато практически никто из массовой аудитории и ведать не ведает, ценой какой долголетней и бескомпромиссной борьбы создан тот невиданный, мощный топливно-энергетический потенциал, которого бывший Союз достиг. Между тем она была исполнена здесь беспрецедентного, фатального накала. Однако десятки лет продолжавшиеся эти отнюдь не безболезненные и даже небескровные «сшибки» мнений и принципов происходили за закрытыми дверями и оказались тщательно отгороженными от взгляда посторонних. Теперь же о том вообще предпочитается не вспоминать. Потому что вспоминать – значит выставить в неприглядном свете тех профессоров и академиков, кто рьяно и бездумно отстаивал тормозившие прогресс и потому не избежавшие провала гипотезы и теории и всё делал, чтобы те были реализованы вопреки здравому смыслу на практике. Вспоминать – значит непременно назвать имя Сеньюкова, уже по одному складу характера с самых первых шагов в науке непременно находившегося на самом острие былых баталий и схваток. Куда проще и удобнее несведущих так и оставлять в неведении насчет имевших место жесточайших междоусобиц или делать вид, будто ничего такого не было и в помине.

Действительно, какой, мол, смысл вводить рядовой люд в курс того, вокруг чего «ломались копыя» и что предопределяло собой весь, граничивший порой с шекспировскими трагедиями драматизм ситуаций при выборе, а значит и финансировании, верных направлений поиска и разведки подземных сокровищ. Или зачем, мол, массам знать, из пластов какого возраста, скажем, вырвался наружу очередной мощный фонтан нефти или газа. А как раз тут-то больше всего и требовались и проявлялись бойцовские качества Сеньюкова, шла непримиримая, мало кому известная «вражда взглядов».

Просто не могли пройти бесследно для участи Сенюкова перипетии, связанные с тем, что наряду с другими дела нефтегазовые в стране долгие годы напрямую курировал лично Берия. Едва уцелев после смертоносного противоборства с этой одиозной фигурой, Сенюков потом не один десяток лет по инерции – чем дальше, тем больше – отодвигался в тень и лишался возможности проявить себя адекватно масштабам научного мышления, знаний, эрудиции и таланта. По воле тех, занимавших высокое иерархическое положение ученых, функционеров и аппаратчиков-«партайгеноссе» (так и напрашивается сказать – прямых и косвенных адептов Берии), для кого какая-то там Истина в науке являлась ничем иным, как пустым звуком, а главная цель жизни состояла прежде всего в стремлении как можно ближе устроиться к госкормушке, или же делании карьеры и получении высоких регалий и званий любой ценой. Отлучение же от главного дела жизни для таких, как Сенюков, было равносильно смерти. Поэтому вполне логичными кажутся услышанные мной еще лет тридцать назад от писателя Федора Пудалова слова о Сенюкове: «Надломленный гений». Кстати, именно так в недавнем прошлом говорили и о великом Шостаковиче.

Словно бы о Сенюкове сказал другой писатель, Юрий Трифонов: «На каждом человеке лежит отблеск истории. Одних он опалает жарким и грозным светом, на других едва заметен... История полыхает, как громадный костер... (Он) стоял близко к огню. (Он) был одним из тех, кто раздувал пламя: неустанным кочегаром революции, одним из истопников этой гигантской топки».

Ученый подлинно «космического полета», но слишком близко «стоявший к огню», Сенюков, хотя и не раз попадал в подвалы-изоляторы Лубянки, только чудом избежал юдоли покорного узника архипелага ГУЛАГ.

Не удалось избежать другого – черной неблагодарности со стороны государства, которое он великодушно одарил баснословными богатствами.

Хотелось бы ошибиться, но, как мне порой сдается, Сенюков оказался отверженным и «затертым» еще при жизни и по той причине, что он был «какой-то там коми-зырянин», «чужак» среди «своих», словом – инородец. Поначалу увенчанный государевыми лаврами в виде Сталинских премий и поднятый «на котурны», потом, со временем, он был – за ненадобностью или по чьей-то прихоти – безжалостно и беззастенчиво сброшен с них. А из-за своей простоты – и внешней, и внутренней – чем дальше, тем больше переставал вписываться

в среду немалочисленной и потому довольно влиятельной московской, научной и прочей псевдоинтеллигенции, отнюдь не избавленной от наклонностей элементарных шовинистов. Тем более, когда выяснялось, к примеру, что присущий Сеньюкову речевой акцент имел вовсе не то, многими ошибочно предполагаемое национальное происхождение. А сам он являлся прототипом главных героев не одной беллетризованной книги – романа или повести, как, видимо, мало кто даже из крупнейших ученых, не говоря уже о десятках «балластных» московских академиков и их коллег рангом пониже.

С горечью убеждаясь в полнейшем ПОКА безразличии и высоких центральных, и московских властных, да и прочих ведомственных, акционерных и иных структур к делу достойного увековечения памяти ученого, святое бремя «возвращения героя народу» решило взвалить на себя – больше и впрямь никому недосуг! – московское коми-землячество. В рамках столичного коми национально-культурного общества «Парма» учрежден специальный некоммерческий Фонд профессора В.М. Сеньюкова, призванный придать данной миссии методичный, целенаправленный и системный характер.

В противовес Москве заботы Фонда, как и ожидалось, уже начинают встречать понимание и поддержку в регионах России. По-настоящему сердечный отклик нашли они на предприятии «Севергазпром» (г. Ухта, Республика Коми) и прежде всего у его генерального директора В.Г. Подюка. Благодаря оказанной им финансовой помощи Фонду была изготовлена и торжественно открыта в августе 1996 года оригинальная по дизайну (худ. А. Неверов) памятная стела в честь Сеньюкова на его родине – в г. Емва Республики Коми. Кроме того, добротнo, с любовью оформлена экспозиция в помещении Княжпогостского районного историко-краеведческого музея, развернутая в связи с исполнившимся в январе 1997 года 90-летием со дня его рождения. «Севергазпром» учредил стипендию имени В.М. Сеньюкова для лучших студентов Ухтинского индустриального института. Площадка в г. Емва, где установлена стела, по решению руководства Республики Коми отныне будет называться «Сквер В.М. Сеньюкова».

Насколько мне известно, имя Сеньюкова намерены присвоить одной из улиц в столице Республики Саха (Якутия) одному из судов речного флота на Лене, а также новому крупному алмазному самородку.

Думается, к судьбе впервые учрежденного в Москве Фонда Сеньюкова не окажутся безучастными другие республики, края и области России и всего СНГ.

Как одну из своих важных целевых акций рассматривает Фонд

выпуск этой, предлагаемой вниманию читателей книги. Книги о Человеке, в чьей судьбе многое кажется неправдоподобным и непостижимым, ибо в ней причудливо и неразделимо переплелись легенды и быль, взлеты и падения, подвиги и аскетизм, бесстрашие в рискованных походах и одержимость делом, лихо закрученные житейские коллизии и дар находить выход из, казалось бы, безвыходных, безнадежных ситуаций, смелость и упорство в отстаивании собственных взглядов и в преодолении препон на пути к поставленной цели, горечь поражений и радость побед.

По выходе в свет прежней книжки «Дорога к кембрию» мною было получено немало писем. Их отправители соглашались далеко не со всем, что в ней нашло отражение. И это естественно. Но часть писем была интересна тем, что содержала «живые свидетельства», наносившие в портрет Сенюкова по-своему любопытные штрихи. Такие, что отмечены, к примеру, П.И. Моговиловым, старшим научным сотрудником института ВНИГРИ из тогдашнего Ленинграда. «Я, – писал он, – впервые встретился и познакомился с Сенюковым в 1954 году, когда он приезжал на Ярегу (вблизи г. Ухта – А.П.) и мы вместе отбирали пробы тяжелой нефти для микробиологического анализа. Нас было трое – молодых, романтично настроенных геологов, только что окончивших Горный институт. Работали мы в Коми по направлению от ВНИГРИ. Конечно, вначале мы смотрели на Сенюкова как на легендарную личность. Но вскоре он предложил нам... выпить пива с водкой и за короткий миг раскрылся полностью, во всей своей простоте. Да он, видимо, никогда и не носил масок. Конечно, общение с Василием Михайловичем стоит того, чтобы об этом писать отдельно. Но самое забавное я и тогда, и потом увидел, пожалуй, в том, что никто из знакомых мне геологов не обладал столь моторным характером, которому позавидовал бы любой авантюрист и лихой флибустьер. Оченьгодились бы способности В.М., избери он стезю шамана. В его воздействии на людей было что-то оккультное».

Иного плана письмо тридцатилетней давности от бывшего главного геолога Восточно-Сибирского георазведтреста В.С. Карпышева: «Сенюков безусловно заслужил того, чтобы о его жизни и деятельности стало известно как можно шире... Он отличался большой трудоспособностью, огромной энергией, последовательностью и настойчивостью в осуществлении своих идей. Его роль как первопроходца в открытии нефтяных и газовых месторождений в Сибири несомненна... В свое время перспективы нефтеносности этого региона... официаль-

ным руководством Центра оценивались весьма низко, и требовалось много усилий для того, чтобы пробить этот щит недоверия...»

Не могу не привести выдержки из случайно попавшего мне в руки дружеского письма, отправленного 17.01.1975 г. кем-то, похоже, из близких московских коллег Сеньюкову, когда он находился на родине – в Сыктывкаре.

«...Осведомил ты меня, Василий, о своей неутомимой работе – лучше некуда, – говорится в письме пока неустановленного адресанта, – приходится только удивляться и в душе радоваться за таких людей, как ты. Я бы за все твои заслуги поставил вечный памятник еще при жизни... Твое письмо так подействовало на меня, что я не выдержал и решил написать личное обращение в Президиум Верховного Совета СССР, наградной отдел, описал все твои заслуги перед Родиной и всё, что я знаю о тебе. Просил не забыть Сеньюкова и присвоить ему звание Героя Социалистического Труда ко дню 30-й годовщины разгрома фашистской Германии – за всё, что сделано тобой в период войны. Написал, что если они обратятся к Н.К. Байбакову, то он поддержит... Так ли будет, не знаю, но раз ты теперь в контакте с ним, что видно из твоего письма, то думаю, что он должен поддержать. Может быть, ты будешь ругать меня, что в твоей натуре, но я не мог поступить по-другому. Ведь никто в Министерстве геологии и других ведомствах не подумает официально представить и оценить твои заслуги...»

Не обратились. Не поддержали. Не подумали официально оценить и представить... А до ухода из жизни Сеньюкову отмерено было лишь чуть больше полугода.

Кто-то недавно заметил: Россия сегодня скатилась на жутчайший уровень неуважения к себе. Добавлю от себя: движение это под уклон началось не сегодня и не вчера и вряд ли прервется, покуда мы будем и впредь «Иванами, не помнящими родства». Покуда не осознаем, что сохранять достойную память о выдающихся деятелях науки или культуры, таких, как Сеньюков, – святая обязанность любого цивилизованного сообщества. Наверное, не иначе как кощунством можно назвать тот факт, что Сеньюков, вручив, по существу, несметное бесценное наследство не одному поколению россиян, да и республик бывшего Союза, пока лишен подлинного, заслуженного признания. И всё-таки верится: не за горами время, когда История поставит всё на свои места и воздаст наконец должное Сеньюкову, как одному из славных, замечательных, великих сынов России.

Мне не раз доводилось слышать от Сеньюкова: «Моя родина –

езде, где я действую. А действую я по всему Союзу». Потому лишне спрашивать, какому региону страны он отдавал наибольшее свое предпочтение и расположение. Затруднительно сказать и какому всё же ведомству «служил» он больше всего. Академии наук? Мингеологии? Минатому? Миндрагцветмету? Миннефте- или Мингазпрому бывшего СССР? Пожалуй, ни одному в отдельности. И – всем вместе. А если быть точнее – он всего себя без остатка отдавал на откуп одной Госпоже – Её Величеству Большой Науке во имя расцвета Большой Экономии Отечества. Ради этого он появился на божий свет. Это стало сутью и смыслом его на редкость многотрудной, по-своему феноменальной одиссеи.

Одиссеи, уходящей своими истоками в мало чем приметное, бревенчатое Онежье – селение на северной речке Вымь. В селение, где Сенюков каждому знаком – как здесь повелось искони – больше по другому, складному имени – ДОР МИКОЛ МИШ ВАСИЛЬ. Дор (Дорофей) – так звали прадеда, Микол (Николай) – деда, Миш (Михаил) – отца, Василь (Василий) – его самого.

1378054

НАЧАЛО НАЧАЛ

«За общую пользу, особливо за утверждение наук в Отечестве, и против отца своего родного восстать за грех не ставлю».

М.В. ЛОМОНОСОВ

«Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства».

Ф. ЭНГЕЛЬС

«...Человек должен погрузиться в кипящие пучины общественного бытия, а этого можно добиться, лишь поставив себя на службу обществу, находящемуся в движении и борьбе».

РОМЕН РОЛЛАН

На Выми-реке, несущей свои воды в Вычегду, а дальше – в Северную Двину, нет другого селения, раскинувшегося по-над ней так высоко, как Онежье с его приселками Козловкой и Катыдпомом. Потому, пожалуй, оно было некогда названо еще и иначе – Турья-ыб или Турья-гора.

Под самым Онежьем уклон не так крут, как долог. И этот откос крестьяне давно облюбовали себе под огороды. Только схлынет полая вода и чуть отойдет, подсохнет земля, здесь сразу закипает жизнь: селяне – раньше, чем на равнинных полях – начинают копошиться на клочках пашни, доставшейся онежцам, как исстари подметили соседки-козловцы, без пота и крови: сами были обойдены таким «божьим даром» – берег у них уходит вниз почти отвесным обрывом, а от его кромки избы отступают на считанные метры.

В погожий день или в белые ночи окрестности с Онежского угорья просматриваются широко и далеко – на десятки верст. Как на ладони виднеются отстоящие километров на восемь отсюда избы Турьи, раскиданные по обе стороны главной улицы, изогнутой чуть спрямленной дугой вдоль речной излучины. Еще выше по Выми, будто рядом – деревня Кони со своей неказистой церквушкой, в которой годами будет располагаться местный клуб.

И уже мало кто из здешних жителей догадывается, «откуда есть пошло» двойное название их родного селения. Тем более еще и в непременной, и давно ставшей обиходной привязке с соседней Турьей. Оказывается, за этим скрыта небезынтересная страница далекой истории.

В седой древности Привымье населяли предки современных карелов и вепсов. На их языке слово «турья» означает «север,

северная окраина». Как раз оно и показалось им наиболее подходящим для наречения места на приземистом всхолмье правого берега Выми, где они поставили свои первые жилища. Новому же поселению, что закладывалось на высокой живописной поляне левого берега Выми, напротив Турыи, они присвоили имя Онежье. Как родовой знак – напоминание об отчей земле, схожести с ней здешних мест, где также вдоволь встречалось и бурливых водных перекаатов, и гремящих речных порогов.

Что не менее любопытно, в глуби времен не раз менялось название самой реки Вымь, пока однажды она не обрела надолго имя Кай или Птица. Именно ему на смену и пришло и закрепилось впоследствии теперешнее Вымь, а по-местному Емва. По-разному толковался его смысл. Из самых распространенных, хотя и ошибочных, мнение, будто река названа так за столь хрустально прозрачную и чистую воду, что в ней без труда можно разглядеть иголку даже на самой большой глубине: «ем» в переводе с коми – «игла», «ва» – «вода». И лишь сравнительно недавно удалось уточнить, что слог «ем» своим появлением в этом слове обязан не кому-либо, а пращурам современных хантов, некогда постоянно рыбачившим и промышлявшим здесь зверя, птицу. И означает он «святой, священный». То есть выходит, Емва – это не что иное, как «святая вода», «святая река». Подобное определение более чем правомерно и оправданно, если иметь в виду, что ниши в береговых утесах, пещеры и гроты, поляны в таежной глухомани, ельники и березняки чуть ли не сплошь изобиловали бесчисленными, выдолбленными из дерева или камня изваяниями божков-идолов. То были «святые лики», которым поклонялся здешний люд. И вопреки всему и вся не изменив своей исконной языческой вере даже тогда, когда сюда со временем проникло православие.

Вумах и душах селян и то, и другое уживалось в мире и согласии. И кто знает, может, так оно и продолжалось бы вечно, не произойди в последующем то, что порушило всякое вероисповедание.

Но деды и прадеды Сеньюкова, как и их отцы и деды, не отрекаясь от почитания извечных своих кумиров и ритуалов, исправно ходили вместе с домочадцами молиться и в православную церковь Богородицы Рождественской, что высоченным белокаменным кораблем поднялась в незапамятные времена в Онежье и чья знатная колокольня, сверкая позолоченным куполом, казалась словно парящей над селением под облаками в небе, а в ведро или белые ночи виднелась на многие-многие версты окрест.

И, что потом долгие десятилетия придется скрывать как

глубочайшую, смертную тайну, здесь, в онежской церкви Богородицы, будет крещен и новорожденный сын Михаила Сенюкова Василий. Родившийся наутро после рождественского богослужения 25 декабря года 1906-го или 7 января года 1907-го (по новому стилю).

Любому, даже самому завзятому провидцу не дано было хоть отдаленно предугадать, что было написано на роду, что ждало в будущем крестьянского сына Василия, явившегося на белый свет при «святой реке», да еще в святой день Рождества. Ошибется и сам отец, когда, горделиво любуясь таким же, как у себя высоким лбом и крутым подбородком младенца, обронит на радостях:

– Будет теперя у меня надежный помощник по хозяйству. Наследник по всем статьям!

Но поначалу, казалось, ничто не предвещало, что Василий когда-нибудь может свернуть с торной дороги предков, всё шло своим чередом. Подрастая, он ничем особенно не отличался от сверстников. Как и вся деревенская ребятня, весной и летом бегал босиком, месил грязь на улицах. И, конечно, как и другие, старался как можно больше собрать в близлежащем лесу грибов и ягод к домашнему столу. Зимой, как водилось, играл в снежки, катался с горки на санках. С младых ногтей, вместе со старшими сестрами Анной и Марией, как мог помогал по хозяйству матери. Лет с четырех-пяти бегал на рыбалку, а вместе с отцом ходил на охоту или по звериным тропам – ставить капканы на зайцев и лис, силки – на тетеревов или рябчиков.

С годами, хотя и медленно, но всё больше застраивалось Онежье, заново вставая из руин после беды, нагнавшей сюда с засушливым летом года за два до рождения Василия. Так случилось, что пожар тогда спалил здесь дотла все избы, лепившиеся одна к другой. Уцелели только черные баньки, что теснились поодаль – в стороне от усадеб, по склонам горки. Покуда исподволь, урывками ставились срубы новых жилищ, велась «стройба», сельчане вдоволь намыкались, живя в курных баньках да в каморках-временках, сколоченных на скорую руку. И учтя «божье упреждение», наученные горем горьким, строили дома уже «елико возможно» подальше один от другого. Перед парадными церкви они ровно расступались как по струнке в два ряда вдоль широкой улицы. Сторонний глаз не мог не приметить и на редкость просторные проулки между избами с их подворьем.

Двор Сенюковых притулился на самом отшибе – у нижней околицы села. Пятистенок, рубленный в лапу, победнее соседских, что и с летней, и зимней горницами, но смастеренный добротнo. С хлевом

и поветью, с некрытым крылечком в десяток ступенек, с оконцами в немудреных наличниках, глядящими на главную улицу деревеньки – «волость», да на буераки и поля и перелески сразу за ним.

Долгое время на передке избы висела дощечка с выколотой на ней надписью «Михаил Николаевич Сеньюков», прибитая руками, которыми перехватано, окорено, обтесано, прилажено каждое бревнышко – от подпола-гольца до крыши, по самую охлупенку.

Дом многое отнял у Михаила Николаевича, усугубил и так непокрытую бедность. Изведенный нуждой, надломленный пожаром, он всё больше вынужден был выбиваться из сил, чтобы как-то прокормить семью, в которой под одной крышей жили еще и деды, и отцы родителей Василия. И уж никому не давал спуска, никто из детей не знавал от него поблажек, не мог позволить никаких шалостей. Крутой, суровый нрав отца выказывал себя во всем. Сполна познавший горькую цену куску хлеба, Михаил Николаевич не прощал, когда, к примеру, оказывалась не подобранной со стола или – упаси Боже! – оброненной кем-либо на пол даже малая хлебная крошка. Тогда провинившемуся и уличенному не избежать было крепкого щелбана отцовской ложкой по лбу.

Трудно было винить его, ожидать отцовской доброты: и так на куцей семейной полоске пашни слишком часты были недороды – то из-за засухи, то из-за ранних осенних холодов, когда хлеб вымерзал на корню подчистую, и купленную втрядорога муку приходилось больше чем напополам размешивать молотой пихтовой корой. Не в БОльшую радость бывали и годы поудачливее: своего зерна всё равно хватало от силы месяцев на пять, выручал опять-таки привозной чужой хлеб – на вес золота.

Несмотря на все житейские невзгоды, неизменно, в противовес отцу, казалась доброй и участливой к детям мать, Акулина Ивановна, а по-местному – Мирон Вань Акуль. Видно, неспроста односельчане говорили: «У нее золотое сердце, ангельский характер». Родом из соседней Козловки, что стоит над крутым обрывом в полукилометре от Онежья, Акулина Ивановна сама сызмальства знала хлопоты по дому и хозяйству и безропотно несла на своих плечах семейные заботы, отдавая им силы и здоровье и оставаясь вечной труженицей.

С момента, когда начал осознанно воспринимать происходящее вокруг, Василий не помнил, чтобы отец и мать позволяли себе сидеть без дела. Отец, не переставая, что-то мастерил, прилаживал, чинил, строгал на подворье, мать без передыху возилась то в хлеву,

то в голбце, то на сеновале, то на полоске пашни, то в доме возле пода печи, занимавшей чуть не треть горницы. «Словно их без удержу подгоняла некая жажда успеть как можно больше, не упустить без пользы для семьи ни одну минуту. Всё это не могло не входить в мою кровь и плоть и не сказаться на формировании моих взглядов на мир, складе ума и характера».

В этих краях народ не знал ни рабства, ни крепостного права. И во всем укладе жизни царил дух независимости, раскованности, справедливости, уверенности в себе. Правда, Михаил Сенюков, как и его односельчане, оставался тем же «черносошным», «мирским», «государевым» крестьянином, какими были и предки, но, как и те, считал: тут «земля царева и великого князя, а моего владения».

И всё же, что вернее, Михаил Сенюков крестьянином был только наполовину. И хлебопашество, и охота, и рыбная ловля, и грибы-ягоды из окрестной тайги выручали слабовато. Потому львиную долю времени приходилось отдавать отхожему промыслу. Не один месяц в году работал он лесорубом: заготовливал и вывозил к реке строевой лес, а с паводком отправлялся к верховьям Выми и её притоков – перегонять казенные плоты к низовьям Выми, Вычегды, а то и Северной Двины. Надо было и выкраивать дни, чтобы подработать денег по найму на пилке дров и досок для солеварни в Серегово, а оно от дома в десятках километров ниже по реке. Что нечасто приваливало, потому нельзя было упускать возможность вносить свою долю и в устройство общинной подсеки в местах, до которых тоже концы не близкие.

В чем-то, конечно, помогали дочери. Но самую большую надежду Михаил Николаевич, как водилось, держал на единственного сына. И с нетерпением ждал, чтобы тот поскорее подрос и приобщился к ведению хозяйства, ко всем мужицким делам и заботам, вставал «в одну упряжь» с отцом-матерью.

«Мне вот-вот должно было исполниться семь лет, как однажды – только зима успела снегом землю припорошить – отец говорит: «Собирайся, Василий! В тайгу на зимовье». Я, признаться, испугался: всё звал Васютка да Васяня, а тут – Василий. Что, говорю, брат с собой? Бери, говорит, то, чего на десять дён надо. Мать – в слезы. Обняла меня. Не отдам, говорит, его одного, только со мной вместе вези. С рассветом отец запряг нашу лошаденку Зорьку, и мы тронулись к зимке Глубокое. Лошадь шла ходко, окатывая снежком из-под копыт. Я всё старался отцу в лицо заглянуть, а он поднял воротник тулупа, как бы загораживался от меня. Я знал: он не был особо разговорчивым и

не ждал я, чтоб он перемолвился со мной хоть словом. Хотел только, чтоб оглянулся в мою сторону. Понимал я, что у нас по традиции все отцы, как только сыновья подрастают, увозят их в тайгу, чтобы те, как считалось, сердцем укрепились – от всякой боязни и страхов отвыкли. Только потом, со временем, понял, что отец тогда помалкивал и старался не смотреть в мою сторону неспроста – боялся сорваться, не выдержать и повернуть в обратный путь. Обычай обычаем, а я всё же приходился ему родным.

К зимовью добрались к вечеру. Затопили печку. Сварили суп, поужинали. Легли на нары и, с дороги, сразу уснули. Утром раненько отец расталкивает меня. «Живи, Васютка, куда, – говорит, – приглядывайся. В обиду себя не давай. А я до дому подаюсь, прощай пока». Прошло немало времени, и я всё ждал – вернется, а он не возвращался. Уже успела остыть печка. Делать было нечего. Вышел из избушки, принялся рубить хворост, сразу нарубил чуть не на неделю. Решил – буду сидеть в четырех стенах и ждать, пока меня не заберет отсюда отец. Припаса хлеба и сушеного мяса должно хватить. К вечеру небо затянуло густыми тяжелыми облаками, а чуть погода со свистом закружилась метель, ветер загудел в соснах, и, признаюсь, стало мне не по себе, даже уснуть боялся. Казалось, расвирепешая пурга вот-вот вырвет с корнями избушку и разнесет её в пух и прах. Так продолжалось дня три, пока буря не улеглась. Страшновато стало, когда однажды к избушке забрел настоящий живой медведище... После моего рассказа обо всем отец, приехавший за мной на десятый день, только и сказал: «Зато тайгу уважать будешь! Станешь для нее своим человеком. А мне – настоящим помощником...»

То не были слова, брошенные на ветер. Уже через год отец взял Василия с собой на лесозаготовки – тот стал возчиком бревен. На следующий раз приучил его заправски махать топором – заняться валкой сосен, а потом и освоиться с пилой.

Семья росла, у Василия появились еще три сестры – Ольга, Лиза, Анисья. Сам же Михаил Николаевич стал сдавать год от года: силы стал подкашивать ревматизм – поголовная болезнь онежцев, да и другие недуги. Львиная доля забот о многочисленной семье всё больше ложилась на «мужские» плечи Василия. В восемь лет он уже сам идет на поклон к подрядчику, купцу, пароходовладельцу Козлову – в народе его звали Митит Паш, чтобы наняться на работу плотогона. «Торная дорога» приведет Василия, как и его сестер, на тот же солеваренный завод в Серегово – обрабатывать за кусок пашни, доставшийся

Сенюковым по договору, заключенному их дедом на двести лет вперед, на четыре поколения. Но подаяния и лесопромышленников, и заводладельцев как были, так и оставались жалкими: поденная плата на лесозаготовках не поднималась выше полтинника, а на пилке дров для Сереговской солеварни была почти наполовину меньше. «Этих денег едва хватало – и то не всегда – на соль да на хлеб с мякиной».

Не видя просвета от нужды, Михаил Николаевич одну из своих дочерей – Ольгу – вынужден «отдать на пропитание» к родственникам, жившим в Вятской губернии.

– Там земли, баят, хлеброднее супротив наших. Да и заводов хватает. Оглянись как следует, может, к тебе переедут и Марья, и Лиза или другие твои сестры, – напутствовал Ольгу отец.

Но участь Ольги в Вятке оказалась тоже несладкой. Простудившись на рубке леса, она тяжело заболела ревматизмом и полегла.

Известие о смерти дочери еще сильнее подкосило здоровье Михаила Николаевича. Захворала Акулина Ивановна. Сникли подавленные несчастьем сестры. Василию волей-неволей пришлось вплотную вникнуть в смысл слов, однажды оброненных отцом: «Твое дело – о хозяйстве печься, наследство в порядке держать, а не забивать голову всякой чепухой...»

Как здесь было заведено, заработки крестьянам на семьи начисляли с учетом, сколько душ от каждой из них постоянно гнули спину, скажем, на тех же дальних общинных пожнях. И эту возможность, несмотря ни на какую хворь или недомогания, конечно, не упускал никто.

И что ни лето, отправляясь после Петрова дня ставить сено в урочищах Кытшль-Кось и Чисва-дор, расположенных по реке километрах в ста и ста семидесяти выше Онежья, Михаил Николаевич старался брать с собой всю до единого собственную малышню. В лодки, доверху груженные домашней утварью, провиантом и косами-литовками, граблями, крестьянским скарбом, садились всем скопом. Дома на время летней страды оставались только груднички да старики, вконец сваленные недугами, – те, кого не на руку брать даже для пущего счета и кому не по силам работать ни шестом, ни веслами. Ведь до урочищ подниматься – чомкост* за чомкостом – не меньше восьми-десяти дней.

* Чомкост — стародавняя условная коми народная мера, равная расстоянию между двумя береговыми лесными избушками. Это примерно от 5 до 9 верст.

Правда, лишняя пара зародов сена зачастую выходила сельчанам боком. Старшие, взрослые, обвыкнув с годами, страдные дни переносили терпеливо. Зато для детишек это был сущий ад: сонмище мошкеры залепляло глаза, затыкало уши, лезло в рот, в нос. Вдобавок тучи комарья впивались в кожу. Тело начинало ныть от укусов. Не спасали ни накомарники, ни одежда. Не все малолетки выдерживали такую напасть. Одних сваливала лихорадка, других эта напасть лишала жизни.

Не так-то просто еще и добраться до самих урочищ. Чтобы попасть туда, надо пробиться через пороги на крутых отрогах Тиман-горы, где кипящий, весь в пене, взлохмаченный поток сбивает человека с ног и где могут выстоять немногие. Бешеная быстрина и крутоверть гонят здесь и как щепку швыряют лодку из стороны в сторону и, того и гляди, перевернут вверх дном, прибьют к выпирающим из воды каменным глыбам. Как тисками зажатая отвесными берегами и утесами, вода словно рвет оковы и в бессильной злобе мечется, грозя всё смять и разнести вдребезги: каждая секунда таит в себе каверзу. Не зря среди вымичан ходило поверье: «Кто пересилит пороги, кто выдюжит их буйство, тот – справный хозяин, крещен на выносливость и к жизни годен».

Единственный наследник Михаила Николаевича, единственный брат многочисленных сестер, Василий, сызмальства выучив норы и повадки этих порогов, еще подростком начнет самостоятельно водить по ним плоты. Мать всякий раз с тревогой и со слезами будет провожать его в верховья Выми, за новым казенным плотом, как на войну с супостатами, откуда сын может и не вернуться: каждый переход через пороги полон риска, опасен для жизни. Но с этим приходилось считаться меньше всего: надо было зарабатывать на хлеб. Вспоминая то время, Василий Сеньюков потом не раз признается: «Вымские пороги – хорошая кузница для закалки. Здесь природа куёт характер человека. Спустя годы эта закалка пришлась мне как нельзя кстати...»

Взрослея, Василий начинает водить плоты уже не только по Выми, но и по Вычегде, Северной Двине. Не сутки и не двое длились первые путешествия за тридевять земель. Ему едва сравняется одиннадцать, когда разнесется молва о нем как о лучшем плотогоне-лоцмане на всей Выми-реке: вопреки безнадежным ожиданиям, он один-единственный сумеет в тот год провести тяжелый плот через пороги, обмелевшие к середине лета почти наголо. Доставив тогда плот до Архангельска, он неплохо заработает. На обратном пути накупит по сносной цене провизии, гостинцев родным. И, наверное, впервые

за долгие годы на домашнем столе, пыша жаром, «заворкует» настоящая, из привезенной им чистой муки, завариха. По приезде сына Акулина Ивановна выпечет соченки, шанежки, рыбники, достанет из голбца припасенное варенье из прошлогодней черники. И светлели лица родных – хоть ненадолго, но забывались дни, проведенные впроголодь. А их было вдосталь...

Впоследствии многие не раз будут слышать от Василия Сенюкова: «Я родился на плоту». Поскольку он всё же появился на свет не летом, а зимой, эта фраза несла в себе иной, более глубокий смысл: именно на плотках обрел он свое «второе рождение», став настоящим мужчиной. Человеком, не боящимся никаких бед и опасностей. Личностью.

Неслучайно и в юбилейной – в честь своего 60-летия – речи он не преминет особо подчеркнуть: «Я по-прежнему чувствую себя плотогоном, стойко преодолевающим все пороги, что попадаются теперь уже на иной бурной реке. Реке под названием «Жизнь».

Так понадобившиеся потом непокорность духа, «упрямка», неимоверная настойчивость, бунтарский характер несомненно передались Василию не только от собственных деда и отца, но не меньше от других предков – уроженцев Выми. И здесь весьма кстати совершить небольшой экскурс в не столь уж и отдаленное прошлое.

Как известно, в свое время еще императрица Екатерина Вторая собиралась переустроить жизнь российскую на «новых началах». Едва успев занять царский трон, учредила даже Особую законодательную комиссию, а её депутатам повелела собрать сведения о «народских крайних нуждах» и доставить таковые в Сенат. Правда, царица и сама вскоре смекнула, что «нужды народные» так велики, что ей не по силам управиться с ними, избавить от них Россию, и дело переустройства жизни «на новых началах» отложила. Но онежские крестьяне, конечно, понаписали тогда не один наказ-жалобу в ответ на повеление «вследствие полученного за собственноручным Ея Величества рукою манифеста... заявить о своих нуждах через уполномоченных и прислать в Сенат на рассмотрение и выслушивание».

Ясно, о чем были жалобы, составленные крестьянами на волостных сходах. О том, что разлив рек часто смывает хлеба и сено, а каменистая почва дает плохой урожай. «От северного мерзлого воздуха весьма хлеб вызябает, а от такого недорода хлеба бывает всеконечное разорение, от покупки двойных цен за семена крестьяне голодность претерпевают», приходят «во всекрайнее, в великое несостояние, всеконечную и нестерпимую голодную нужду» и вынуждены питаться

«соломою и пихтовою и сосною корою и травою борщом, от которых многие и с голоду помирали».

Крестьяне задыхались от малоземелья. Но для того, чтобы занять новую пожню, надлежало сначала оплатить «билет» за выделяемый участок. Но собственники действовали наверняка: предлагали расширять наделы, лишь наперед зная, что беднякам нечем платить за них; а если всё же наскребали, хозяева называли места, от которых из-за чрезмерной дальности крестьяне сами отказывались. Поэтому, прося в жалобах в Сенат разрешить «дикие поля и лесные места расчищать под хлебопашество и сенокосы», они напоминают, что «по нашей Выми... санными покосами немалыми пожнями владеют вологодских купцов, соляных промышленников, господ Рыбниковых Сереговского их Усоля прикащиками и претерпеваем напрасную обиду». А вот «купцы г. Вологды Исаев и Шапкин владеют пожнями на 200 копен без всякой подати», хотя по писцовой сотной 7137 книге, а также по жалованной данной 7157 г. Грамоте онаго владения их нигде не значатся, а повелено вместо худой пашни... владеть Вымскою землею всех погостов крестьянам всякими угодьями от устья той Выми реки и по впадающим в нее рекам же, и речкам, и ручьям и по разным званиям во всех до вершин, совсем без вывода, а не им Рыбникову с товарищами».

Вконец «оголяли» крестьян подати, взимавшиеся «подушно», – ими облагался каждый член семьи, независимо от возраста и степени работоспособности. Эти налоги выжимали с каждого крестьянского хозяйства не только их личные сбережения, полученные от охоты, сплава леса, извозного промысла, работы на солеварном заводе, но и те средства, что должны были пойти на пропитание семьи. Это вынуждало распродавать или закладывать в залог часть земель, уступать за бесценнок скот, домашнюю утварь. Подчас отдельные семьи шли на это только ради того, чтобы изыскать средства на выплату непомерно высоких налогов.

Но крестьяне вскоре поняли, что «в верхах» их наказам и просьбам об облегчении жизни не внимают вовсе. И сами делают попытки переустроить её к лучшему. Недовольство всё чаще и чаще выливается – по доносам волостных старост, сотских, урядников и других земских чиновников в уездную администрацию – в «нанесение оскорбления словом... при исполнении служебных обязанностей», порой в стихийное «оскорбление действием», а позднее – в организованные крестьянские бунты.

Еще в начале XVIII века владельцы Сереговского соляного

промысла Панкратьевы решили вконец обобрать бедняков: начали за бесценок раскупать у них земельные угодья, пашни, сенокосы по купчим, закладным, заемным и другим актам, закрепляя эти участки за собой навечно. По тому же пути шли новые владельцы завода – Рыбниковы.

В 1784–1786 годах проходило генеральное межевание. Оно должно было закрепить и разграничить земли, переданные в пользование крестьянам. Те ожидали, что им возвратят отобранные пожни. Но не тут-то было.

Онежцы опять кропали жалобы, прошения. Куда только не писали! И уездным начальникам. И губернским. В министерство финансов. И в Сенат. Даже царю. Но – без толку. Тогда крестьяне решили взять свое силой.

В году 1805 крестьяне Турьинского и Княжпогостского селений скосили траву на спорных пожнях и сено вывезли по дворам. Губернское начальство отправило военный отряд в волость, где «открылось слушание», и приказало главных «ослушников» забрать и предать суду, а с остальными действовать по обстоятельствам, но добиться полного повиновения.

Дело о спорных землях разбирал Яренский уездный суд. В 1811 году он наконец вынес решение, признав их бесспорными владениями сереговских заводовладельцев.

В начале двадцатых годов владельцами солеварного завода стали вологодские купцы Витушешниковы. Тогда крестьяне подали прошение вологодскому генерал-губернатору и в правительствующий Сенат. Не получив ответа, летом 1825-го предпринимают попытку самовольно скосить сено на спорных пожнях, но это им не удается: местные власти оказываются начеку.

Крестьяне снова рассылают прошение за прошением по разным учреждениям. Наконец, в 1831-м начинается разбор дела о спорных землях, и они закрепляются за заводовладельцами, а крестьянам категорически запрещается посягать на эти угодья. Но вымичане не унимаются. В 1834-м беднота Сереговского, Шошецкого и Онежского сельских обществ договаривается о том, чтобы выступить против заводовладельцев одновременно. И начать в конце июля косьбу трав на спорных пожнях. На место «своевольства» прибывает временное отделение земского суда и отбирает у крестьян скошенное сено. Группа наиболее активных крестьян Сереговского и Онежского сельских обществ предается суду, наказывается розгами и строго предупреждается. Тогда был сослан в острог и дед Василия Сенюкова по материнской

линии Иван Миронович Щанов (по-местному Мирон Вань). И всё же и это не сломит волю бунтующих ни в Онежском, ни соседнем Шощецком сельских обществах.

Весной 1844-го через своих поверенных Ивана Катаева, Алексея Коновалова и Луку Голоушкина крестьяне посылают очередные прошения министру государственных имуществ и царю. А заодно, не дожидаясь ответа, решают скосить травы со всех спорных пожней. На этот раз, правда, среди крестьян трех обществ уже нет прежнего единства. И выехавшие в Ибскую (Онежскую) волость по распоряжению земского исправника становые приставы, полицейские сотские и 14 рядовых Яренской инвалидной команды во главе с неким унтер-офицером арестовывают вожаков — Ф. Кызьюрова, А. Лапина, А. Попова, М. Седьякова, а затем уговаривают крестьян воздержаться от «своевольства». Вожаков отправляют в Яренский острог. Хотя «опасность» ликвидирована, воинские команды еще долгое время остаются здесь — «на всякий случай».

Не дремлет и губернское начальство: отовсюду запрашивает нужные документы и находит самым разумным покончить со спором раз и навсегда и «сколь можно благовременнее и непременно до наступления будущего лета, когда начнутся сенокосы... чтобы крестьяне не предприняли самовольий в снятии травы, при всем бдительном наблюдении со стороны земской полиции к удержанию их от подобных действий, или же бы не начали вновь утруждать государя императора всеподданнейшею просьбою, что ими сделано было в прошедшем 1844 году».

Дело затем рассматривает палата Гражданского суда, которая утверждает решение Яренского суда. Вологодский губернатор доносит в Сенат, что «право купцов Витушешниковых... на владение... заводом... с принадлежащими к нему землями, в том числе и спорными ныне пожнями... не подлежит никакому сомнению».

Прослышав об этом, крестьяне в 1850-м возобновляют прошения и ходатайства о возвращении им земель. И впрямь нельзя не восхищаться стоической верностью вымичан борьбе за свои интересы и упорством, с которым они вели её.

Когда в 1857-м солеварный завод передается новому хозяину — «Беломорской компании», крестьяне еще раз решаются на то, чтобы самовольно забрать отнятые у них земли. В начале июля сельчане Онежского и других сельских обществ одновременно начинают косьбу сена на «хозяйских» пожнях. Их «самоуправство» не удается остановить земскому исправнику, срочно вызывается подмога.

На место «беспорядка» прибывает временное отделение земского суда, и скошенное сено отдано под присмотр волостных управлений, а с крестьян взята подписка, что они оставят свои домогательства.

Несмотря на подписку, те всё же забирают часть скошенного сена. А заводовладельцы требуют возместить «потери», выразившиеся, по их подсчетам, в сумме 240 рублей. Крестьяне отвечают отказом. Больше того. Они подают ряд прошений губернатору, министерству государственных имуществ и в Сенат, доказывая в них свои права на захваченные заводовладельцами земли. Все просьбы, конечно, отклоняются. А большая группа крестьян несет кару за самовольные действия – предается суду.

В конце октября 1861-го Яренский уездный суд выносит окончательный приговор о спорных землях. И ясно какой: пожни признать собственностью заводчиков. Многие крестьяне наказаны розгами и строго предупреждены: лучше не зариться на «чужие» пожни!

Конечно, онежцы не сдавались и продолжали и дальше неотступно биться за лучшую долю, но закон и власть отнюдь не торопились поворачиваться лицом к их нуждам и заботам. Потому не оставалось ничего другого, кроме как быть непременно верным одному извечному «закону» – во всем положиться и надеяться только на себя. Этому золотому правилу придется постоянно следовать в будущей жизни и делах и Василию Сениюкову. В том, о чем сам он пока не догадывался даже смутно.

* * *

Каждый раз, когда Василий возвращался домой после очередного «путешествия» на плоту, мать, несказанно радуясь, что опять «бог пронес» сына, незлобиво выговаривала ему:

– Васятка, опять все твои карманы камнями изорваны! Ну на что они тебе, камнями эти?

– Тише, отцу только не говори, – умолял тогда Василий.

За то, что камнями рвал карманы, ему немало перепадало от отца, чей ремень не раз гулял по спине мальчугана – не одного синяка стоило ему это увлечение, начавшееся года в три-четыре, когда притащил с речки домой первые камушки. Одни приглянулись – были необычны по форме, другие – ярки по цвету, а иные – настолько гладки, будто кем-то выточены, отшлифованы, но позабыты на берегу. Отец в сердцах порой расшвыривал «пустые» камни в овражек, чтоб «не толклись под ногами и место не занимали». Но Василий находил, подбирая их и снова и снова тащил под навес, на задворье. С годами там

скопилась целая груда камней – «моя первая гора загадок природы». И несмышленишем, и позже, как только выпадало свободное время, Василий мог часами любоваться своими находками, копошиться в горе камней.

И не только матери – самому Василию тогда было невдомек, да и в голову не могло придти, что позже это детское увлечение, как бывает нечасто, станет его судьбой. И что в самой просторной комнате в доме под Москвой они, «каменья», – правда, привезенные уже из других, далеких от Онежья, краев, – займут место самое видное и будут бережно храниться, как драгоценности, на полках стеллажей во все стены – эти камни, образцы пород, слагающих земные пласты и составляющих страницы «книги» под названием «История Земли с самого её сотворения».

Не к одному из старших односельчан приставал мальчишка, чтоб помогли хоть чуть разгадать тайну камушков. Почти все отнекивались, удивляясь его «пустому любопытству». Лишь кто-то из случайных приезжих в ответ на просьбу Василия сказал: «Понять это можно только через грамоту». И эти слова запали ему в душу, лишили покоя.

После этого пройдет не один год, прежде чем Василий осмелится заикнуться в разговоре с отцом о желании начать учиться. Забитый всем укладом жизни, как и предки, не ведавшие грамоты, но и без нее обходившиеся, Михаил Николаевич, как напишет позднее в автобиографии Василий Сенюков, «категорически возражал против ученья». Считал:

– Главное – костью ложиться, но исправно хозяйство вести. А остальное всё пустое, не про нас, да и ни к чему.

И в мыслях не допускал, сколь глубоко засело в Василии стремление к грамоте, к тому, что помогло бы ему самому разобраться в бесчисленных, как казалось, тайнах окружающей природы.

Еще с той поры, когда отец стал брать его с собой как помощника на лесосплав в верховья Выми и её притоков – Веслянки, Койна или Седью*, пытливые воображение мальчишки захватило разноцветье волнистых слоев в береговых скалах. Они поражали красотой. Но больше всего занимало то, что слои, местами уходя под воду, выше и ниже по течению «выплывали», затем, дугой изогнувшись над водой на высоком скалистом обрыве, «ныряли» снова. Проплывая на плотях мимо таких обрывов, Василий не раз выбирался при случае на берег, карабкался по скалам и, не боясь того, что, поскользнувшись, легко

* Седью – Черная речка.

может сорваться, отколупывал каменные крошки с каждого, в свой цвет слоя, и силился особенно внимательно разглядеть те места, где ленты узоров уходили под воду и где они выходили из нее. Чтобы понять: «Откуда она, эта цветная, похожая на вышивку, роспись на утесах?»

Отец отмахивался: «Эка невидаль». Возвратившись домой, Василий шел к бывалым односельчанам, старожилам. Никто ему толком не мог ничего объяснить. Зато многие говорили мальчишке вслед: «Вишь, ведь какой дотошный растет...»

Как-то, спускаясь с отцом на плоту с верховьев речки Шомвуквы, притока Выми, Василий вдруг почувствовал запах керосина. Чем ниже по течению, тем он становился резче. Вода была маслянистая, её невозможно было пить: разило горелым фитилем. Узорчатые скалистые берега лоснились на солнце, будто их кто-то вымазал жиром. Черные маслянистые пленки покрывали речку на всем пути. Начинала кружиться голова, трудно было вести плот. «Почему?». «Всегда так было здесь», – отвечал отец. «Мы даже как-то не замечали этого, не обращали внимания», – говорили более грамотные люди – приемщики леса, счетоводы, десятники, те, у кого спрашивал об этом Василий.

Завеса над этим таинством, и то лишь слегка, приоткроется ему позже уже при новой, советской власти, когда в эти края приедет из Москвы в 1921 году ученая экспедиция.

Василий напросится в проводники одного из отрядов экспедиции и поможет ему пробраться к верховьям Шомвуквы. Узнает, что экспедиторы приехали искать нефть. Они окажутся первыми, кого особенно захватят его рассказы про маслянистые пленки на воде и жирные соты в береговых узорах на таежной реке. Это, по их словам, верные признаки просочившейся наружу «земной крови», из которой можно получить много-много продуктов, в том числе и керосин.

«Сколько лет сам пытался понять тайну речки Шомвуквы! И без толку. А тут, не доехав туда и в глаза не видя тех мест, эти люди сразу всё объяснили», – сокрушался про себя Василий и после сказал об этом вслух.

– Ты, мальчик, всё так хорошо обрисовал, что уже по одному этому нам всё стало ясно. Для нас это азы, понимаешь? Ну, скажем, как азбука. Ты ведь её знаешь?

– Нет, не знаю, – стыдливо, с грустью ответил четырнадцатилетний проводник-подросток. Никому было неизвестно, как хлестко полоснули сердце парнишки слова его собственного горького признания, как, глотая от обиды слезы, он повторял неслышно:

– Во что бы то ни стало – учиться. Учиться! Даже наперекор воле отца!

* * *

Можно по-разному относиться к революции в Петрограде в октябре 1917 года. Но одно вне сомнений – она всколыхнула всю Россию. И такие далекие, глухие, «медвежьи углы», как Онежье на Выми, – тоже. Приход новой жизни означал крутой поворот в умах и судьбах тех, кто «был ничем», – таких, как Василий Сеньюков. В год Октябрьской революции ему не было одиннадцати. И сегодня почти не укладывается в голове, насколько деятельным он успел показать себя в то время. Старожилы-односельчане долгие годы помнят тогдашнего Василия, совсем еще юного, но дотошного, вездесущего, «всеядного», первого заводилу сельских воскресников и субботников.

По письменному подтверждению односельчан – бывшего красного партизана и сочувствующего ВКП(б) Михаила Трисантовича Пономарева, рождения 1871 года, и бывшего добровольца Красной Армии Афанасия Матвеевича Ключева – Василий Сеньюков в 1918 году организует вместе с товарищами в Онежье комитет крестьянской бедноты.

Работая курьером и сторожем, в конце 1921 года уездным исполкомом назначается еще и председателем Онежского волостного исполкома вместо прежнего, снятого с должности за то, что не справлялся с выполнением тогда считавшегося весьма важным плана продрозверстки. Временно, четыре месяца возглавляя советскую власть на селе, Василий успешно проводит продрозверстку по 13 сельхозкультурам, за что будет особо отмечен приказом уездного исполкома.

В тот же год возглавляет работу по изъятию церковных ценностей и реквизиции имущества своего бывшего работодателя – пароходовладельца, купца Козлова, когда весь народ был призван помочь голодающим в Поволжье, пострадавшим от засухи (уисполком также отметит и эти заслуги Василия).

Один из активистов села, «революцией мобилизованный и призванный», он – закоперщик субботников в фонд красноармейским хозяйствам и семьям погибших партизан, воскресников по строительству больницы, устройству клуба, школы, молодежных выходов на лесосплав и на лесозаготовки, на заготовки дров для вдов красноармейцев.

Совместно с односельчанином Иваном Уляшевым, позднее секретарем Коми обкома комсомола первого избрания, создает первую на Выми комсомольскую ячейку, становится ее секретарем.

Многие разводили руками:

– Когда только он все и везде успевает?

Старушки поговаривали:

– Не иначе в нем какая-то нечистая сила!

Девчата-односельчанки подтрунивали:

– Вася, а ты хоть спишь?

Когда Василий, улучив минуту, заговаривал с отцом о том, что как только в Онежье откроют школу, пойдет учиться, Михаил Николаевич твердил свое:

– Выкинь это из головы! Весь мой сказ!

Односельчане всё чаще слышат признания Василия:

– До слез охота учиться.

И вот с двоюродным братом Сашей Козловым Василий совершает побег в Серегово, чтобы поступить в тамошнюю школу. Но отец самостоятельно настигает его и водворяет домой.

Тогда Василий следующей осенью замышляет новый побег – в Усть-Вымь: он много ниже и дальше Серегова, и отец не будет спускаться по Выми за сто километров, чтобы снова забрать домой. Но не повезет и на этот раз: плот, на котором плыли, затерло льдами на тридцатом километре – начался ледостав. Пришлось померзнуть: и Василий, и его брат были одеты налегке. А выбраться на берег не удавалось: кругом – обманчивые зажоры. Подростки заплатились бы жизнью, не подоспей к ним вовремя на выручку охотники из ближнего селения.

Василий сильно простудился, тяжело заболел и год-два вынужден был оставаться дома.

Надо сказать: в 1924–25 годах на всю автономную область Коми было лишь шесть семилеток, четыре школы крестьянской молодежи, пять школ второй ступени. Не густо! Поэтому в дополнение к ним в крае создается широкая сеть школ ликбеза, известное общество «Долой безграмотность». Большое распространение получает так называемая «система индивидуального обучения». Курс обучения Василию удастся пройти в соседнем селе Шошка и он получает первоначальное образование – два класса школы первой ступени. С таким «багажом», немного оправившись после болезни, Василий исподтишка готовится к новому побегу из дома. Упрямство, упорство, с лихвой доставшиеся ему, видимо, от предков, берут верх.

«На этот раз помог наш онежский сосед-лесничий А.Ф. Попов (по-местному Дзеля Саш). Зная, что мне дважды не повезло и что отец все-таки доберется и до Усть-Выми, лишь бы забрать меня снова (кому-то надо кормить семью), Попов посоветовал мне бежать на Удору – за двести-двести пятьдесят верст.

– Там открылась школа-семилетка, – сказал он.

– Но ведь это далековато.

– Я тебе помогу найти тропу, что ведет туда.

– Знаю эту просеку. Но по ней страшно ходить: в лесах скрывается много белобандитов.

Осенью – это был двадцать четвертый год – с А.Ф. Поповым мы поднялись в верховья Выми на рубку леса. Вышли на тропу. В холщовом армяке, скроенном из обносков и подшитом куделью, в протекавших насквозь бахилах, с небольшим запасом сухарей пустился я в путь-дорогу. Пробирался сквозь лесные чащи, в дождь, в слякоть. На самодельных, на скорую руку сколоченных плотах переправился через три реки и только на девятые сутки добрался до села Глотова на Мезени и напрямик – в школу. В третий класс. В восемнадцать лет, умея лишь читать по буквам, сажусь за парту, чтобы наверстывать упущенное. Страстное желание к учебе особенно отразилось в том, что, работая одновременно сторожем отделения Госторга, за один год прохожу программу 3, 4, 5, 6 и первого полугодия седьмого класса».

Местные ребята никак не могли взять в толк, зачем и куда так спешил «дядя Вася», как они звали Сенюкова.

– Директором Глотовской школы, – вспоминает широко известный коми поэт Серафим Попов, – был мой родной брат Алексей Алексеевич. Он, без меры влюбленный в природу, конечно, немало дал Сенюкову. Алексей Алексеевич читал курс географии и ботаники как захватывающую поэму, и я, быть может, стал бы естествоиспытателем, если бы не взяла верх страсть к рифмам. Пытливость Сенюкова поражала меня особенно. Такая тяга к знаниям, думал я тогда, свойственна только человеку, который в стремлении утолить эту жажду хватается за книги обеими руками. Помню, сухощавый, светловолосый, он всегда рылся в камнях, которые были собраны моим братом. Да и сам Сенюков притаскивал их с берега реки Мезени, набивая ими до отказа все карманы: пополнял школьную коллекцию. Эти штрихи навсегда запечатлелись в моей памяти.

Семилетку окончить Сенюкову не удастся. Не хватило времени: нештатный инструктор уездного комитета комсомола, организовавший комсомольскую ячейку в Глотова и возглавлявший её, в 1925 году вызывается на пленум Усть-Вымского райкома комсомола, откуда его сразу направляют на шефскую экскурсию на Красный флот в Архангельск. В октябре того же года Василий Сенюков приезжает в областной центр Усть-Сысольск (Сыктывкар) и получает путевку в совпартшколу второй ступени.

Обежав учебные заведения города, Василий подает заявление еще и в школу второй ступени и педтехникум. Выдержав приемные испытания, зачисляется во все три учебных заведения.

– Зачем тебе это нужно? – спрашивали Василия. – Ведь за всем не угонишься.

– Мне уже девятнадцать лет. А надо как можно быстрее узнать как можно больше. Я и так повсюду опоздал.

– Ты хочешь нахвататься всего...

– Не нахвататься, а изучить.

Но на вступительных экзаменах не обошлось без курьеза, о котором Сенюков рассказывал потом не без улыбки.

Была задана простая задача – возвести в куб двучлен. Абитуриент раскладывает «куб» в произведение «квадрата» на «просто двучлен»; в квадрат он возводит свободно, затем полученный трехчлен начинает перемножать по очереди на слагаемые «просто двучлена».

– Интересная у тебя голова. Сам себе создаешь трудности. Говоришь, что хочешь идти по жизни наикратчайшим путем, а здесь выбираешь самый длинный.

– Я не успел докончить семилетку и потому не доучился до темы «возведение в куб»...

Экзаменатор что-то записывает в зачетном листке и протягивает его абитуриенту. Все, кто наблюдал за этой сценой, уже махнули рукой: «Конец! Завалил!»

«Обошлось: ведь задачку-то я в конце концов пусть по-своему, но решил!»

Чем больше Василий Сенюков открывал для себя, тем безбрежнее начинало казаться еще не освоенное, не познанное. Хотелось же во-брать в себя всё, все знания. И как можно скорее!

Подспудно это стремление подтолкнуло Василия потом, в 1927 году, пойти на двухгодичные землеустроительные курсы, призванные решать важную задачу подготовки квалифицированных специалистов из людей коренной национальности.

«Летом 1928 года Коми обкомом ВКП(б) я был откомандирован в Камо-Печорскую экспедицию в качестве политпросветработника и техника-практиканта земкурсов по нивелировке (по совместительству). По прибытии из экспедиции осенью 1928 года областное земельное управление по согласованию с обкомом партии направляет меня в Усть-Куломский район в качестве юриста для общественной подготовки населения к проведению землеустройства в совхозах

и колхозах. По окончании работ возвращаюсь в Усть-Сысольск и, пользуясь отпуском, экстерном сдаю экзамены по программе двухгодичных земкурсов».

Любопытен перечень дисциплин, которые изучал на этих курсах Сеньюков: обществоведение и основы экономической географии, геодезия, почвоведение с основами химии, черчение планов и каллиграфия, история поземельных отношений и основы аграрной политики, землеустроительный и земельно-судебный процесс, землеустроительное проектирование, земельное законодательство и земельный кадастр, мелиорация и сельское строительство, сельскохозяйственная и лесная таксация и оценка земель при землеустройстве, экономика и коллективизация сельского хозяйства, статистика и сельхозкооперирование, основы земледелия.

В свидетельстве, выданном в июле 1929 года, сказано: «Сеньюков, выполнив летние практические работы по геодезии и почвоведению и сдав все установленные зачеты и проекты, признан вполне достойным для поступления на службу по землеустройству без предварительных испытаний. Заведывающий курсами В. Исаков». (Именно так «заведывающий» – прим. авт.)

Наверно, не было крестьянина, с которым бы не беседовал Сеньюков, проводя в жизнь классовое землеустройство в той или иной волости. «Ясно, всё доставалось зачастую не без крови. Однажды меня ударили поленом. Пролежал две недели. Были избиты и попали в больницу и другие уполномоченные».

Сейчас трудно судить, должной ли была отдача, но многих поражала та общественная активность, которой отмечены годы его жизни в Усть-Сысольске.

Вот удостоверение № 43, выданное 10.03.27 года: «Предъявитель сего Сеньюков В.М. является членом Устьсысольского Горсовета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и пользуется всеми правами, предоставленными Положением о членах Горсовета, что подписью и приложением печати удостоверяется».

Вступив в партию и входя в состав бюро, Сеньюков назначается уполномоченным на лесозаводе, кроме того, в течение двух лет – культ-пропагандист. Немало времени требовали и обязанности председателя ревкомиссии областного профсоюза работников сельского и лесного хозяйства, а параллельно – председателя культсоцсекции горсовета.

В марте 1929 года он – делегат VII областного съезда Советов. Съезда, сыгравшего большую роль в выработке курса дальнейшего

развития промышленности и сельского хозяйства Коми края. С 1926 года возглавляет областное бюро пролетарского студенчества (Пролетстуда) и как его председатель участвует в работе I Всесоюзного съезда Пролетстуда в Москве в 1929 году, где выбирается председателем Оргбюро Пролетстуда вновь организованного Северного края, куда тогда входила и Коми автономная область. Всего не перечесать.

Натиск, усердие, стоическая выдержка, наступательность бойца и, как сказано в ряде отзывов о нем, «максимальная решимость» отличали его во всем, за что бы он ни брался.

Произойдут перемены и в личной жизни Сенюкова. Встреча и знакомство со студенткой педтехникума Анной Богдановой предопределят создание молодой семьи. И сыну, родившемуся перед самым Новым 1930 годом, Сенюков даст имя, вполне соответствовавшее духу времени и собственным убеждениям, – Ремир. Имя, в котором «зашифрованы» два слова – «Революция мировая». Кстати, что не так уж и удивительно, много лет спустя сын Сенюкова, уже сам окончив вуз и став математиком, выберет себе в жены москвичку по имени... Аврора. Впрочем, детям поколения 20–30-х годов присваивали имена и куда покруче и «революционнее».

Казалось бы, жизнь Василия Сенюкова в Усть-Сысольске складывалась как нельзя удачно. У него семья. Он на виду у высшей власти автономной области. Никто не сомневается, что ему обеспечена перспектива быть в руководящем звене партийно-советского аппарата края. Но, похоже, свое самое сокровенное он держал в тайне не только от тех, с кем работал бок о бок, но и от жены. К слову, это «сокровенное» довольно скоро станет причиной распада семьи.

Во время съезда Пролетстуда в Москве 1929 года Сенюкову подарят немало книг и брошюр, а в их числе «Справочник для поступающих в Горную академию». Справочник, в котором будто специально для него было написано:

«Юноша, ищущий высшего горного образования, может выбрать тот факультет, который соответствует его склонностям и способностям.

Если его интересует древняя история Земли, тайны строения её лика и развития органического мира, образования морей и материков, гор и долин, пустынь и вулканов; если его влечет мир камней с его своеобразными красотами и кочевая жизнь в поисках геологических документов – он поступит на геологоразведочный факультет...»

Однажды сойдя с «торной» дороги предков, Сенюков в этих словах увидел свой дальнейший жизненный путь.

Не прошло еще и месяца после рождения сына, как Василий добивается, чтобы обком партии командировал его в январе 1930-го на шестимесячные курсы по подготовке ко вступлению во ВТУЗ, организованные культпропом Северного уездного комитета партии. Но разве Сеньюков способен выдержать полгода? Конечно, нет. Он оканчивает курсы вдвое быстрее – за три месяца.

Выбор был сделан загодя: Василий подает заявление с просьбой направить его в Московскую горную академию. Но Архангельский краевой отдел народного образования отказывает в этой просьбе, предлагая взамен другое – поступить... в Вологодский молочный институт. В молочный!!! «Путевку в Москву выдал Коми облисполком, вынесший специальное решение: направить меня как активиста в горную академию».

Придет черед, и Василий поймет: не понапрасну были сызмальства натерты мозоли на ладонях – от топорниц и гребей, от шестов и кос-литовок. Без всего этого ему нельзя было! Как и без упорства, унаследованного им от вымских предков. Как и без испытаний, выпавших на его долю задолго до того, как он покинет отчий край и окажется на других, неведомых просторах.

У каждого своя звезда, гласит поговорка. «Своя звезда» позвала Сеньюкова в Москву – там ждали дела, свершить которые суждено будет только ему: видимо, так всё устроено в жизни. Весной 1930 года он снова ступит на перрон столичного Ярославского вокзала – на этот раз, чтобы спустя всего пять лет после того, как впервые сел за школьную парту, попасть в апрельский набор студентов горной академии. И – жадно прильнуть к роднику новых знаний. А позже сказать о себе словами учителя – академика Губкина: «В науку я вошел хозяином».

СТУПЕНЯМИ ГОРНОЙ АКАДЕМИИ

«Существует... великий священный принцип – наука для жизни. Особенно это полезно напомнить теперь, когда наука, оставивши вершины ученого Олимпа, должна широко разлиться в народных массах; и не в тоге мудреца и мантии «доктора», а в простой рабочей блузе подойти к жизни, к её повседневным зlobам и заботам».

Академик И.М. ГУБКИН, 1918 г.

Выдержанный в строгом архитектурном стиле, этот, некогда трехэтажный, каменный дом был построен еще во времена Екатерины Второй в начале Большой Калужской улицы – уголке Москвы, в котором самыми видными постройками до того были церкви: Иоанна-Воина, Лизы Господней, Ризположения, Донская. Словом, богомолен хватало, но интерьер здания спроектировали так, чтобы отвести под домашнюю часовню и его вестибюль со сводчатым потолком. И хотя он не так просторен, был устроен амвон, и церковная служба велась исправно.

Московская городская управа отдала этот дом в глубине двора за металлической изгородью в распоряжение светских мальчиков и девочек – детей мещан. И еще до недавнего времени внимательный взгляд мог заметить у ворот дощечку с рельефной надписью: «Мещанское училище». Готовило оно коммерсантов, которым вменялось в обязанность назубок знать двойную итальянскую бухгалтерию, славившуюся, как известно, своей необычной сложностью.

Иные люди заполняют коридоры и аудитории бывшего Мещанского училища после 1917-го – вчерашние пролетарии, бедняки-крестьяне: здесь в 1919-м разместится горная академия, открытая в разгар Гражданской войны. Эти люди будут постигать секреты другой, особой, несравненно более замысловатой бухгалтерии – «бухгалтерии» Земли с момента её рождения.

Потом, в начале 1930-х годов, зданию суждено будет заметно подрасти: его надстроят практически сами студенты академии, чуть ли не каждый день посвящая этому время после занятий. Зачастую будут трудиться здесь допоздна, и, конечно, же, никто из них тогда

не подозревал, что вносит лепту в возведение форпоста того самого проспекта науки, каковым будет признана позднее одна из именитых и оживленных магистралей Москвы – Ленинский проспект.

С появлением в стенах академии Сенюков как бы снова оказывается в родной стихии: было где развернуться его неумейной натуре, приложить хватку. Один из его сокурсников и первых выпускников Московского нефтяного института, созданного на базе академии, рассказывал: «Когда была создана бригада по надстройке двух этажей вуза, не хватало рабочей силы, материалов. Тогда группа во главе с Василием Сенюковым мобилизовала всю здешнюю общественность. Часть студентов превратилась в энергичных агентов по добыванию материалов, часть – несла постоянную вахту на стройплощадке. Работали с громадным энтузиазмом. И надстройка этажей шла ускоренными темпами. Это был наш посильный вклад, как тогда говорили, «в развернутое наступление социализма по всему фронту». Ибо вместо прежде одной к 1932 году в институте было оборудовано уже больше десятка учебных и исследовательских лабораторий».

Как тогда отмечала вузовская многотиражная газета «За нефтяные кадры», в этих успехах «велика была роль комсомольской ячейки, зародившейся еще в недрах горной академии и сколоченной горсточкой активистов – Волковым, Фатеевым, Виноградовым, Васильевым, Герасимовым, Сенюковым и др.».

В номере этой газеты за 6.XI.1931 года помещен фотоснимок Сенюкова в вышитой рубаше-косоворотке, а ниже дана подпись: «Сенюков, секретарь ячейки геологов, лучшей в нашей организации. До ВТУЗа находился на комсомольской работе 7 лет, был членом РК, член ВКП(б)... избран секретарем комсомольской ячейки Московского нефтяного института».

Будучи во главе вузовской комсомолии, «моторный» Сенюков постоянно в гуще всех институтских событий: первый нефтяной вуз не только в стране, но и в истории мировой геологии только-только становился на ноги. Шел поиск лучшей системы преподавания, организации учебного процесса. И здесь немалая роль отводилась самим студентам.

Любопытными кажутся сегодня проводившиеся тогда так называемые «академбои». Две соревновавшиеся группы «скрещивали шпаги», задавая друг другу вопросы по той или иной трудно усвояемой теме, дабы углубить проработку материала и закрепить пройденное. Выступая со статьей в многотиражке в конце декабря 1931-го, Сенюков сообщал: «Комсомолия института за год провела

189 академбоев», которые «нашли отклик и... со стороны преподавательского состава». Словом, и преподавателям полагалось держать отчет перед студентами.

Жажду Сенюкова как активиста везде поспеть, сделать как можно больше заметят многие, и к нему довольно быстро прилипнет прозвище «Двужильный».

Но став студентом горной академии, вчерашний лесоруб и плотогон прежде всего и впрямь обеими руками хватается за учебники. Узнав, что общегеологические предметы здесь планируют читать два-три года, Сенюков старается обскакать соперников в прохождении этих дисциплин. Берется штудировать самостоятельно программы 2, 3, 4 курсов.

В стенах академии природа, мир открывались Сенюкову как бы заново. В ином свете представляли взору «каменья» и их обломки, маслянистые пленки на речке Шомвукве, узорчатые берега рек родного Севера, жирные соты на откосах слоистых обрывов, даже валуны в овраге близ отчего дома. Несказанно увлекают его знакомые, а больше — незнакомые науки.

Недавний лоцман порожистых и бурных рек, Сенюков мысленно начинает лоцманить на морях и в океанах, которые заливали теперешнюю сушу в седой древности: перед ним будто наяву вырисовывались очертания материков, гор, «лик» планеты, менявшийся от эры к эре, длившихся по несколько десятков и сотен миллионов лет.

Узнавание для Василия Сенюкова наполнено сплошной поэзией. «Но чем больше узнает человек, тем больше у него появляется поводов для удивления, тем сильнее жажда постичь еще непостигнутое».

Стремление утолить «жажду удивления», найти объяснение узанному гонит Сенюкова после занятий, субботников, вахт на площадке по надстройке вузовского здания в читальни библиотек. опережать и без того, как тогда выражались, «ударные темпы учебы». Рыться часами в книгах, сидеть, склоняясь над геологическими картами территории СССР, Америки, Азии. Делать выписки, производить расчеты и пересчеты, слагать, сопоставлять выводы одних и других геологов, исследовавших эти материки. А потом, вооружившись достаточным запасом знаний, вызывать на спор «на равных» профессоров и академиков, ошеломлять их «дерзкими доводами, способными пошатнуть устои геологической науки».

Непомерную для первокурсника широту и основательность знаний, природную любознательность Василия, его через край бьющий

энтузиазм, аналитическое дарование приметит академик Губкин. Заботливый педагог, опытный геолог, ученый с мировым именем, он найдет в Сенюкове многие черты, близкие собственной натуре. И скажет ему однажды:

– Что ж... Я в вас вижу немало добрых задатков. Но вот что очень и очень важно: как можно раньше выбрать себе то главное русло, по которому надлежит направить и энергию, и знания. Знаю это по себе: до обидного поздно занялся геологией. Ведь мне удалось попасть в Горный институт в Санкт-Петербурге только в тридцать два года. А закончить – лишь к сорока. Не хочу сказать, что не успел многого. Нет! Но время безжалостно. И особенно чувствуешь: упущенные годы дают знать о себе. Словом, подумайте. Но знайте: в вашем решении можете всегда рассчитывать на мою поддержку...

Неделей-двумя позже поинтересуется, привычно окая:

– Однако как – обдумали? Мое предложение такое: крепко советую заняться нефтяной геологией – поисками и разведкой нефти. Очень увлекательное дело!

– Иван Михайлович, а не узким ли будет этот профиль? Ведь в природе столько такого, что непонятно и что надо открыть...

Губкин, не скрывая улыбки:

– Вот так же точно и я думал когда-то студентом... Мол, сугубо прикладная, узкая отрасль. Но доволен: скоро убедился в обратном. Нет, дорогой мой! Специализация геолога в определенной отрасли – это очень и очень важно! Потому что только это может привести к открытиям, которые одинаково ценны и для геологов, и для физиков, и для химиков, и для биологов. Вот пример. Геолог академик Владимир Афанасьевич Обручев – вроде бы узкий специалист, по разведке цветных металлов. А какими важными общетеоретическими знаниями обогатил он всю геологию! Я не признаю только «чистых теоретиков» и «чистых прикладников». Потому что это и есть узость! Да, нефтяная геология – пожалуй, самая трудная наука! Тут и черновой работы больше, чем где-либо. И удачи порой дождаются долго–долго! Но зато уж отдача и для всех наук, и для экономики не сравнится с любой другой отраслью. Почему? Как объяснить попроще?.. Нефть – это королева недр. Она не для каждого уловима. Она обладает одной, только ей присущей способностью – перемещаться в ловушки, которые устраивает ей сама природа. Допустим, когда-то давно она образовалась в одном районе. Но сейчас вы там её рискуете и не найти: она могла

утечь оттуда вместе с подземными водами при «трясках» земной коры за сотни километров...

– Но ведь нефть Баку и Грозного нашли там, где она и образовалась.

– Эта нефть, как известно, добывается из третичных, самых молодых пластов – им от роду всего около миллиона лет. И здесь наша «королева», родившись, действительно никуда не мигрировала. Поздно родилась! В районе Баку и Грозного пласты третичных слоев в общем остались такими же, какими были в момент, когда образовались... Да, Баку – это дар природы: здесь нефть близка к земной поверхности. Этот нефтяной резервуар природы и впрямь уникален: его не надо было искать. А возьмите районы Приуралья, Поволжья, Западной и Восточной Сибири! Здесь, я уверен, не одно месторождение нефти. Но мы её пока ищем наобум, на авось! И ясно – не находим! А для того, чтобы найти, надо сначала поломать как следует голову, продумать всё, что известно о районе, где идут поиски и разведки нефти, досконально знать не только возраст, стратиграфию, минералогический состав пластов земной коры, но и её тектоническое строение, или, как мы говорим, структуру. Потому что, не проследив изменений структур оболочки Земли во все древние геологические эпохи, можно и вовсе не искать нефть. Пустое занятие! Ведь как можно разведывать нефть, когда не знаешь, в какие горизонты и складки земных пластов она могла вытечь в свое время, когда их «качало» внутренними силами Земли! Надо знать законы скопления нефти в недрах. Мастерская природы производила её во все геологические времена – от самого древнего палеозоя до нынешней эры. И наша задача – найти спрятанные за семью замками клады. Но для этого надо четко уяснить для себя закономерности, которым подчинено возникновение нефтяных месторождений. А они залегают именно строго закономерно.

– Но, Иван Михайлович, почему же кое-кто из профессоров считает, что нефтяные месторождения – явления случайные, что их можно найти только наудачу и что нет смысла искать «королеву» ниже третичных слоев?

– Да, их немало, кто все явления природы как-то привык раскладывать по полочкам, считая, что происхождение нефти и формирование нефтяных залежей – явления, происходящие изолированно друг от друга, не обусловленные общими закономерностями двуединого процесса. Есть и такие, кто изо всех сил пытается доказать, например, что нефть обязана своим происхождением зостеровой траве – водорослям, занимавшим некогда огромные пространства в

морских лагунах. Позже скопления этих растений разносились, мол, морским течением в том направлении, куда дул ветер. И нефтяные месторождения расположены только там, где скапливались в достаточном количестве остатки этих водорослей, то есть там же, где образовалась и сама нефть. Иначе говоря – не допускалась возможность миграции больших скоплений нефти. Если дальше развивать такую «мысль», то, выходит, надо точно знать течения вод в морях, омывавших материки, направления и скорости ветров, гулявших над землей миллионы, десятки, сотни миллионов лет назад. Конечно, это вещь невозможная! А раз невозможная – значит, мол, и нет смысла пытаться находить какие-то закономерности в расположении подземных резервуаров нефти! А если принять во внимание, что зостеры появились только в меловом периоде – это доказал недавно академик Комаров, президент нашей Академии наук, – то, выходит, в более древних породах и вовсе нет смысла искать нефть. Ей-богу, абсурднее не придумаешь!

– Но ведь такого рода теорию поддерживают многие ученые – и профессора, и даже академики...

– Консервативные взгляды в науке, к сожалению, очень живучи: они – панацея от забот и траты нервов, их легче легкого отстаивать. Сошлись на какой-нибудь частный пример, и «теория» может считаться «обоснованной». А то, что, скажем, нефть имеет органическое происхождение и что процесс нефтеобразования непрерывен – я, к примеру, на том стою, – надо доказывать фактами. Их надо искать. При моей занятости – в Геологическом управлении ли, в Академии ли наук, или в институте – времени на поиски новых сведений в самой природе почти не остается.

– Значит, – несмело начал Василий, – всё-таки сейчас главная загвоздка в том, чтобы разрешить проблему происхождения нефти и образования её месторождений. Здесь, так сказать, ключ ко всем «семи замкам» природы. Это – стержень и стрежень нефтяной науки.

– Именно! Ведь будь найден этот ключ, мы перестанем гадать: тут вроде есть нефть, а здесь нету. Да что там! Разгадка этой тайны устранила бы всякую путаницу в нашем деле. Да и помогла бы, глядишь, еще немало сказать и о происхождении жизни на Земле, да и о дате «сотворения» самой нашей планеты. А?! Как знать!

– Иван Михайлович, – воскликнул Василий. – Всё! Решено! Знаю, чем мне надо заняться непременно – проблемой происхождения нефти. И я костыми лягу, но вызнаю тайну её рождения!

Немного опешивший Губкин только и нашелся сказать:

– Да, да! Это адски трудная, но чертовски интересная штукаенция!

И добавил:

– Чутьем чую – вы совладеете с ней. У меня, говоря откровенно, на вас особые надежды...

«Я благодарен судьбе, что получил благословение и «добро» в большую науку у самого Ивана Михайловича Губкина: сам выходец из бедных крестьянских низов, он был удивительный человечина. Горжусь тем, что он стал моим крестным отцом».

В начале тридцатых годов нефтяная геология как наука по-настоящему только начинала вставать на ноги, переживала период становления. Событием стал выход из печати в 1932 году крупнейшего и важнейшего научного труда И.М. Губкина – книги «Учение о нефти». Переизданная затем в 1937 году, она была первым учебником по нефтяной геологии, написанным по «горячим следам», на основе собственных поисков и наблюдений, богатейших знаний, обобщения мировой практики нефтедобычи. Она стала настольной книгой не одного поколения геологов-нефтяников. Неслучайно «Учение о нефти» Губкина было кем-то метко названо «энциклопедией нефтяной науки».

Книгу отличала та же лаконичность, четкость, простота изложения, что и лекции, которые академик Губкин читал в горной академии, а затем в её дочернем нефтяном институте.

Лекции Губкина собирали, пожалуй, самую большую аудиторию слушателей – и не только студентов, но и многих профессоров и преподавателей. Не только широтой знаний покорял он вчерашних рабочих, лесорубов, крестьян, но и тем, что безжалостно бичевал «науку для науки», едко высмеивал сторонников «чистой науки». По признанию многих, никто не излагал свой курс так популярно и доходчиво, как Губкин. И в то же время никто не умел так, как он, зажигать сердца, воодушевлять, заставляя думать, сопоставлять те или иные доводы, заражать верой в то, что ему самому казалось ясным, – вопреки застывшим догмам, принятым кое-кем на вооружение.

Рассказывают, что лекции академика Губкина тщательно записывал наравне со студентами даже такое светило науки, как академик Архангельский. Интерес этот понятен: нефтяную геологию Губкин рассматривал как часть важнейших общетеоретических вопросов всех наук о Земле – в комплексе. Слушателей поражало незаурядное ора-

торское мастерство Губкина. Но более всего – его редчайшая память на мельчайшие подробности из того, что он видел хоть однажды. «В нашем деле это – хлеб насущный», – подчеркивал академик.

Одна мысль пронизывала и лекции Губкина, и его выступления в газетах и научных журналах, и его труд «Учение о нефти», – мысль о том, что его современники покамест лишь коснулись верхних пластов Земли, что под ними, в глубинах недр, ждут своего хозяина такие сокровища, о которых человек даже еще и не подозревает.

Это говорилось не по наитию. За всем этим выношенная самим и испытанная временем научная вера в кладовые природы. За плечами академика Губкина было не одно открытие, принесшее ему мировую славу. Переворотом в науке стало первое же его «слово» – открытие тайны так называемых рукавообразных залежей Майкопского месторождения нефти. С его именем связано открытие железных руд Курской магнитной аномалии. А «вторая молодость» Бакинского и Грозненского нефтяных районов! Или идея – внедрить геофизические методы исследований в поиски и разведку нефти, без чего современная геология уже вообще немислима! И многое, многое другое! И наряду с этим – работа в геологических комиссиях, комитетах, в Совете по изучению производительных сил (СОПС) Академии наук СССР, руководство всей геологической службой страны, отнимавшие столько времени, что, казалось, некогда было заниматься научными исследованиями!

И, наконец, его «лебединая песнь»: предсказание «второго Баку», где совсем недавно добывалась почти вся Большая нефть страны.

Еще в XVIII веке русский ученый Иван Иванович Лепехин, будучи в Поволжье и на Урале, впервые обнаружил источник, «состоящий из горной нефти», в окрестностях башкирского селения Кусяпкулово. В пяти верстах от него, «противу башкирской деревни Бат-Казак, в самом яру реки Белой, оказался густой асфальт, истекающий в реку...» Словом, признаки нефти. В середине XIX века в районах Средней Волги проводили изыскания исследователи Еремеев и Романовский. Их вывод: нефтяные богатства здесь несомненны, но залегают на больших глубинах.

Однако предпринимателей, позднее проводивших здесь бурение, постигала неудача. И какое-то время поиски и разведка на нефть вообще не проводились. Свою лепту в их «приторможение» внес и бакинский «нефтяной король» Нобель, опасавшийся конкуренции.

Смелую идею высказал выдающийся русский геолог академик А.П. Павлов, обстоятельно исследовавший в восьмидесятых годах

прошлого века геологию районов Самарской луки и Жигулевских гор. Он нашел, что большие массы нефти залегают здесь в древних пластах и что остальные изыскания могут привести к их открытию. Но оно откладывалось по ряду причин и прежде всего из-за низкого уровня техники бурения.

В 1911 году северные районы Самарской губернии изучали геологи А. Нечаев и А. Замятин. Изучив все печатные труды по поискам нефти в Приуралье и Поволжье, они обследовали немало мест, описанных прежними исследователями этих краев, но свой отчет о поездке закончили словами: здесь запасов промышленной нефти нет.

Даже признанный знаток бакинской нефти Д.В. Голубятников, побывав в районах Средней Волги в 1904 году, считал:

– Жидкая нефть, подобная бакинской, в Самарском районе неизвестна.

Побывала здесь и экспедиция, возглавляемая авторитетным тогда профессором Калицким. Её вывод:

– Нефть давно выветрилась. Месторождения истощены. И самое большее – пригодны лишь для разработки гудрона.

И вот в 1919 году, в разгар Гражданской войны, когда страна испытывала острый топливный голод после захвата интервентами Донбасса и нефтяных промыслов Кавказа, Губкин получает задание Ленина – лично обследовать районы между Волгой и Уралом.

Тщательно изучив литературу, объехав приволжские районы Сызрани, Сюкеева, Чистополя, внимательно осмотрев места выходов нефти, Губкин высказал мнение о том, что районы между Волгой и Уралом – безусловно перспективны на «черное золото». И предложил снарядить экспедицию. Его идею поддержал Ленин.

Но отъезд экспедиции был отложен: по освобождении Баку от белых усилия ученых и специалистов направляются на восстановление и пуск прежних нефтепромыслов. Позднее, в круговороте дел и событий, Губкин не раз ставил вопрос о посылке геологической экспедиции в район Урала и Волги. Однако его предложение встречало сопротивление со стороны маловеров, особенно представителей «старой закваски».

– Нефть на Урале? Это даже не утопия!.. – говорили они.

Поиски и разведка нефти в этом районе откладывались.

И всё-таки жизнь сама подтвердила прогнозы Губкина. При бурении скважины на калийную соль в верховьях Камы, в чувовских городках, в 70 километрах от Перми, была обнаружена нефть. Это со-

бытие дало ход делу. Вскоре в этом районе и в других местах между Волгой и Уралом появились буровые вышки, начали закладываться разведочные скважины. Их было мало для такой обширной территории, какую занимала полоса между Волгой и Уралом. И поиски не приводили к удачам. Проходили месяцы, год, второй. Нефти не было.

Противники Губкина злорадствуют:

– Мы же предупреждали: бурение на «мертвую» урало-волжскую нефть – пустая трата сил и средств.

Но ученым-консерваторам вскоре пришлось прикусить языки. В апреле 1932 года в районе Стерлитамака в Башкирии из разведочных скважин забила нефть.

– Это не мертвая нефть, а клокочущая, бурлящая! – говорил Губкин, вскорости побывав в районе села Ишимбаево, недалеко от которого находились те разведочные буровые.

В московских газетах появились сообщения: «Стерлитамак – новый мировой нефтяной район», «Стерлитамак не уступает Баку».

Хватало, конечно, и тех, кто старался умалить значение открытия:

– Нефть Баку и Грозного залегает в песках, а в Ишимбаеве встречена в известняках. Много ли её может содержаться в таких породах? Ведь богатейший опыт американских нефтеразведчиков говорит: «Там, где нет песков, нет и нефти».

– Вы забываете, что в Мексике нефть как раз и залегает в известняках, – отвечал Губкин. – И в Соединенных Штатах немало месторождений нефти в известняковых толщах. Но дело не в этом...

Для Губкина стерлитамакская нефть – только эпизод проявления сокровищ Урало-Волжского района. Как он заметит в беседе с корреспондентом одной из центральных газет, нефть имеет широкое региональное распространение, в пределах больших районов – вдоль всего западного склона Урала, на протяжении не меньше двух тысяч километров. Потому главные надежды во «втором Баку» Губкин возлагал не на те пласты, откуда шла стерлитамакская нефть. Очень осторожный, когда речь заходила о прогнозах, в том же 1932-м он скажет: «Район представляет интерес в отношении разведки на более глубокие горизонты палеозоя – на каменноугольные отложения и, может быть, даже девоны».

– Эка, хватил! – ухмыльнулись горе-теоретики, услышав слова «палеозой», «девон». – О чем вы говорите! За триста-то миллионов лет нефть и давно улетучилась!

Но и служителей, и «служивых» науки уже поджидал новый гром

среди ясного неба: как раз в том же 1932-м году студент Василий Сеньюков заводит разговор о нефти вдвое более древней, чем девонская.

– Почему не может быть «черного золота» в кембрии? – спросит он тогда у академика Губкина.

– Видишь ли, в кембрийский период, – ответит Иван Михайлович, – зарождавшаяся жизнь еще не могла, видимо, достаточно накопить органогенного материала – сырья, из которого образуется нефть...

«Академик Губкин был для меня авторитетнейшим учителем. Но все-таки мне казалось, что в кембрии непременно следует искать нефть».

То было время, когда никто, кроме Губкина, не верил даже в девонскую нефть: ни ученые, ни хозяйственники. Последние – особенно: для плана им, естественно, нужна была реальная нефть, а не «теоретическая, представляющая чисто академический интерес».

То было время, когда один-единственный человек в мире поверил в кембрийскую нефть. Студент второго курса бывшей горной академии Василий Сеньюков.

Дорога к ней поначалу приведет Сеньюкова на «Сибирское море» – далекий Байкал. И одно для бывшего лоцмана-плотогона станет главным «маяком» – рассказ Губкина:

– Вспоминается легенда, как в Иванов день искали цвет папоротника. Он указывал на зарытые в земле клады. Вспоминается сказка про разрыв-траву чудодейственной силы. Она могла привести на спрятанные сокровища. Так вот, разведка и есть та разрыв-травка, что способна открывать богатства и сокровища, таящиеся в недрах земли.

Чего уж никак не ожидал Сеньюков, поход за «золотым руном» XX века, как окрестят потом кембрийскую нефть, окажется на редкость тяжким и сложным и растянется на целых три десятилетия.

Возможно, своеобразное объяснение тому дает вот такой курьезный мини-диалог.

Однажды великому Альберту Эйнштейну задали вопрос:

– Скажите, как делаются открытия?

– Очень просто, – ответил он. – Все знают, что это невозможно.

Но вот приходит молодой человек, который этого не знает.

РАДИ РАЗГАДКИ ТАЙНЫ БАЙКАЛА

«Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не могло бы поднять её ввысь, не опираясь на воздух. Факты – это воздух ученого...»

Академик И.П. ПАВЛОВ

«Российское могущество будет прирастать Сибирью и Северным Океаном».

М.В. ЛОМОНОСОВ

«Судьба новой истины такова: в начале своего существования она всегда кажется ересью».

ТОМАС ГЕКСЛИ

Байкал монголы издавна нарекли так: «Далай-нор» (Великое озеро), китайцы – «Пехай» (Северное море), эвенки – «Лама» (Море). Слывший человеком бывалым и путешественником заядлым, знаменитый протопоп Аввакум, оказавшись в ссылке в этих краях в 1656 году, вспоминал: «Около его горы высокие, утесы каменные и зело высокие – двадцать тысяч верст и больше волочился, не видал таких нигде... Птиц зело много, гусей и лебедей по морю яко снег плавают. Рыба в нем – осетры и таймени, стерляди и омули, и сиги и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы... великие в нем; во океане-море большом, живучи в Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем».

Исследователь Байкала Г.Ю. Верещагин:

– На Байкале кажется, что попадаешь в совершенно особый мир животных. Людям, бывавшим на морях, кажется, что большинство байкальских животных – морские. Рассматривая их ближе, замечаешь, что зачастую это какие-то совсем особые, странные создания. Белые полупрозрачные рыбки с воздушными, точно сотканными из тончайшей паутины, плавниками... Или целые заросли полуметровых губок с прямыми, как свечи, ветвями, ярко-красные, ядовито-зеленые, лазурные, фиолетовые, кирпичные, с переливами всех цветов радуги рачки-бокоплавы. Многие из них одеты шиповатыми панцирями и кажутся ожившими древними окаменелостями.

Принято думать, что те же омули и тюлени-нерпы обитают только в полярных морях, однако и Байкал для них оказался не худшим «приютом». Ужились в этом водоеме и организмы, родственные «жильцам» теплых южных вод Монголии и Балкан, Каспия и Черноморья.

Почти три четверти из 1700 встреченных здесь представителей флоры и фауны не водятся больше нигде в мире. Но в озере-море сохранились животные и растения, «родичи» которых вымерли еще миллионы лет назад и оставили о себе след лишь в древних пластах гор, обступающих его со всех сторон.

– Озеро-загадка, – заключали многие исследователи Байкала.

– Самое прозрачное озеро, – восхищались путешественники, выплывая на его середину, где насквозь просматривалась тридцатиметровая (!) глубина.

– Древнее темя Азии! – еще совсем недавно говорили о Байкальской впадине ученые-геологи и географы.

Василий Сенюков прочитал от корки до корки десятки, сотни книг и статей исследователей Байкала. Но не находил ответа на вопрос об еще одной тайне этого «Сибирского моря». Тайне, которая занимала его что ни день всё сильнее и сильнее.

Лет двести назад рыбаки заметили на водной глади озера маслянистые круги, отливавшие на солнце всеми цветами радуги. Волны прибоя выбрасывали «пленки» на прибрежный песок, оставляя на нем жирные сгустки и крапинки. Черная застывшая масса забивала замысловатые прожилки и трещины в отвесных береговых обрывах. Её издавна заметили в порах и извилинах расщелин скал и утесов.

Это были следы нефти. «Откуда они идут?» – над этим ломали голову десятки ученых.

– Природа байкальской нефти остается не разгаданной до сих пор, – рассказывал Губкин студентам на лекции. – Никак не удастся установить, из каких пластов просачивается там нефть наружу. Хотя на разведки тратятся миллионы рублей.

Это ненормально, но вышло так, что пока Сибирь, эта кладовая несметных сокровищ, не имеет собственной промышленной нефти! Да и изучена-то всего лишь десятая часть этой «геологической целины».

«Черное золото» Байкала обычно искали на узкой полоске, вытянувшейся вдоль восточного берега озера, и, в частности, в районе близ станции Танхой Транссибирской магистрали.

Еще в конце прошлого века знаменитый русский исследователь Черский составил карту района, пометив места, где находил выбросы сгустков нефти на берег. В 1902–1903 и 1909 годах разведку бурением на нефть вел инженер Рязанов. Несколько скважин было пробурено в долине Селенги и на перешейке полуострова

Св. Нос. Но работы так и не были завершены. Лишь в 1913 году вблизи Танхой геологи впервые случайно наткнулись на выходы нефти и песчаник, пропитанный нефтью. И всё же до 1930 года её поиски больше почти не велись.

Летом 1931 года экспедиция треста «Востокнефть» (он находился в г. Уфе), возглавляемая Н.И. Жгенти, пробурила в районе дельты рек Селенги и Сухоти и неподалеку от улуса Загза еще 18 мелких скважин глубиной 40 метров и пробила несколько восьмиметровых колодезь-шурфов для того, чтобы отобрать пробы нефти для лабораторного анализа. В этих работах участвовали старший геолог Ленинградского нефтяного научного геолого-разведочного института (позднее – академик) Н.С. Шатский и геолог Г.Е. Рябухин, впоследствии известный ученый-нефтяник.

Словом, всё было за то, что «черное золото» должно найтись. Но его самого там не было.

– Загадка, – разводили руками геологи. И несмотря на неудачи, по-прежнему сходились в одном: Байкальский район – единственный в Восточной Сибири, подающий серьезные надежды на открытие промышленных залежей нефти.

Правда, были и другие толки. Один из геологов, исследовав участок Ключи – Сваловая этого района, говорил об истощении нефтяного месторождения. О том, что участок – «сравнительно малообещающий», – писал в своем «Отзыве о байкальской нефти» еще в 1917 году и известный профессор К.П. Калицкий.

«Необыкновенная трудность проблемы байкальской нефти захватила меня целиком, и я выбрал Байкал объектом для студенческой практики».

С нагорья озером-морем любоваться – не налюбоваться!

Внизу ветер шевелил на воде частые валы, белил их гребни. Поодаль, в перелесках с прогалинами, виднелась «грива» острова Ольхон. Выше, синяя, подпирают горизонт купола вершин хребта Хармар-Дабан, окаймляющего Байкал с юга. Окрест, по горным склонам, теснятся то березняки с пихтой, то богатыри-кедрачи, лиственничные чащи. Попав в тень, густо чернеет в распадке поблизости ельник с частоколом из той же пихты. Справа, в редколесье, на широкой спине скалы, будто кем-то нарочно сложенной из огромных глыб, сбились в кучу низкорослые, кургузые кустарники полярной березы. Слева

заслоняли солнце сиротливые сосны, изогнутые против обычного в три погибели, – видно, работа ветров великой силы! Там, за буреломом, выпирает из земли пирамида из щебня и валунов, сросшихся некогда в глинистом месиве, да так и застывших воедино. Рядом, в зарослях черемухи, притаились кусты шиповника, боярышника. Под ногами колыхались темно-синие бокальчики горечавки...

Байкал! «Славное море, священный Байкал!..»

– Как будто другая планета! – вырвалось у Василия, когда он мысленно сравнивал видимое со знакомыми местами родного Севера.

Путь к тайникам Сибири Сенюкову предстояло прорубать сквозь непроходимые девственные джунгли этой «другой планеты».

В летней экспедиции на байкальскую нефть, организованной трестом «Востокнефть» в 1932 году, студент-практикант Сенюков участвовал в качестве прораба. И еще тогда, второкурсником, изберет тот путь поисков и разведки, которому останется верным все последующие годы.

В изучение геологической истории Сибири внес огромный вклад академик Владимир Афанасьевич Обручев, крупнейший исследователь азиатского материка. По геологии Сибири было немало написано и до Обручева. Но им была проделана поистине титаническая работа по обобщению материалов, разбросанных по многочисленным журналам, газетам, изданиям. Начата она была в Иркутске еще в конце 1888 года – с момента, когда по назначению Горного департамента России Обручев занял впервые учрежденную в Иркутском горном управлении должность геолога. Будущий академик, просматривая обширную литературу, сводил воедино все названия обнаруженных статей и аккуратно записывал краткое содержание каждой из них. И, конечно, с геологическим молотком сам исходил и обошел немало мест Сибири. Уже будучи академиком, в глубокой старости, Обручев выпустил в свет знаменитую пятитомную «Историю геологического исследования Сибири», над которой работал, с перерывами, всю жизнь. Вносились поправки, изменения, труд обогащался новыми фактами и данными геологической науки, которые углубляли и расширяли знакомство Обручева с Сибирью, его представления о ней.

Свои уточнения в геологическую историю Сибири попутно, исподволь, вносил, увлекаясь поиском нефти, и Василий Сенюков.

К 1932 году ученые сходились в одном: считали, что побережье Байкала – это область большого надвига, или шарьяжа. Иными словами, что пласты земной коры смещены, как нигде больше, и более древние из них, против обычного, оказались выше, чем слои более мо-

лодых осадочных пород. Своего рода «байкальский парадокс» природы!

Если плыть вверх по течению полноводной реки Иркут, нельзя не удивиться необычному горному рельефу. Справа, поблизости от селения Тунка, над водой возвышаются пирамиды горных вершин с глубокими седловинами – Тункинские Альпы, а слева – высокая стена Хамар-Дабана с ровным гребнем и редкими плоскими куполами по верху.

Резкий контраст в контурах соседних гор, сложенных из одних и тех же древних кристаллических сланцев, давно бросался в глаза путешественникам. Геологи объясняли: разница в очертаниях хребтов – от того, что разные формы приняла некогда, остывая, изверженная базальтовая лава. В то уверовав, ученые отнесли Байкал к древнейшим образованиям, а всё Прибайкалье назвали условно «древнее темя Азии». И долгое время никому не могло придти в голову усомниться в этом.

Сеньюкову суждено было стать первым, кто усомнился.

Когда бур, углубившись в землю метров на сорок-пятьдесят, наткнулся вдруг на каменный покров, геологи-разведчики, как правило, прекращали работы: думали, что долото коснулось кристаллического фундамента Земли, под которым нефти и подавно быть не могло.

– Бурить, затем бросать скважину. После – снова бурить. Так можно копать еще сто лет и не добраться до нефтяных пластов, – сокрушался про себя Сеньюков и прикидывал:

– Выходит, что все скважины, заложенные прежде и теперь, – самые что ни на есть «дикие кошки» (так геологи называют бурение на авось, наудачу. – Авт.) Об этом можно сказать во всеуслышание... Но кто такую мысль примет всерьез и – чью? Его, студента-второкурсника, практиканта? Обсмеют – и только. Значит, чтобы постоять за себя, надо суметь доказать. А как?

Вспоминался рассказ Губкина. Когда один из инженеров сказал ему:

– Лучший геолог – бур.

Губкин ответил:

– Да, я разделяю ваше мнение: лучший геолог – бур... Если он надлежаще направлен...

– Буры наших станков направлены «не надлежаще». Это несомненно. Это не путь для поисков байкальской нефти, – размышлял Василий.

Созревает решение: непременно выяснить, действительно ли побережье Байкала – область большого надвига.

– Да вы что? Поднимаете руку на корифеев геологии?

– Это слишком громко сказано. Говоря проще, я хочу разгадать тайну байкальской нефти.

– Какая связь тут между этим и проверкой установленных фактов, общепринятой теории геологии Сибири? – недоумевали поисковики.

– Самая прямая. Здесь мне видится ключ к пониманию тайны Байкала, к выбору верного курса в дальнейших поисках. Ведь шарьяж не доказан никем. Никому еще не удалось в натуре увидеть контакт вышележащих, «надвинутых» пород с третичными – с теми, где мы с вами ищем сибирскую нефть. Ведь мы почти всякий раз натываемся на твердый каменный покров. Значит, надо найти место, где этого не будет, где бур мог бы сразу врезаться в толщи осадочных пород, минуя этот твердокаменный пласт. Я думаю, такое место – в подошве Хамар-Дабана.

– Да вы же идете на верную гибель. Вам бы надо знать, что склоны Хамар-Дабана, особенно у его подошвы, почти отвесны. Да и пробраться к ней почти не реально. Сплошные осыпи и оползни, буреломы и листовенничные завалы. Места, где не ступала нога человека: они непроходимы.

– Я пройду. Не остановлюсь ни перед чем. И прошу – разрешите проделать маршруты.

Полевой сезон уже заканчивался. Но руководители экспедиции с трудом, неохотно, но уступили. Выделили минимум средств. Надо было больше рассчитывать на энтузиастов из окрестного селения. И они нашлись.

В ту пору не применялись ни сейсмика, ни электроразведка, ни другие современные методы расшифровки геологического строения земной коры: почти не было инструмента, аппаратов, оборудования. Как и прежде, орудиями труда геолога покамест оставались геологический молоток, горный компас, а для рытья шурфов-колодцев и канав – кайла, кирка, лопата.

Сохранилась тетрадь с записями и схемой головоломных маршрутов Сенюкова в Прибайкалье. Участок в несколько сот квадратных километров иссечен замысловатыми линиями, которые то сходятся, то круто расходятся. Каждый метр пути оставлял свою метину: давался нелегкой ценой. Надо было пробираться сквозь лесные завалы, где, неверно ступив, можно и впрямь провалиться сквозь землю. А чего стоило – то ползком, то согнувшись, – карабкаться и спускаться уступ за уступом по скалам утесов, где не мудрено, если чуть промедлить, сорваться и бывалому верхолазу. Особенно тяжело давались переходы через глубокие пропасти – по выдернутым с корнем и переброшенным над ущельями стволам деревьев, где опасен любой неосторожный

шаг. И только топором можно было прорубать первотропы в частоколе «черни» и дремучих чащоб, где папоротники-гиганты и кедры-исполины стоят стеной, подпертые сплошным подлеском – деревце к деревцу впритык. По пути к цели приходилось переправляться то вброд, то вплавь через десятки ручьев и речек, проточивших камни и стремительно рвущихся из теснин на простор, к Байкалу.

Быстро приближалась осень. Поэтому каждый час был на счету, и отряд Сеньюкова, поднимаясь с зарей, находился в пути до самой протечи. Только у ночи урывалось время на чтение литературы по геологии, на то, чтобы по заведенной привычке заносить в дневник наблюдения за день, делать выписки из книг.

...Допоздна, за полночь, светится фонарь «летучая мышь» в палатке из линялого брезента. На наспех сбитой подставке расстелены чертежи, схемы, планы с изображением Байкальской впадины, с разрезами её геологических пластов. Сопоставляются факты добытые, намечаются пути к новым. Неверный свет фонаря гаснет в палатке с первыми бликами утренней зари. И, как всегда, набитый книгами «сидор» – заплечный мешок – заменял подушку. За палаткой гулко трещит в стылом воздухе костер-дымокур...

Поиски не скоро, но все-таки наведут на верный след – к месту в подножье Хамар-Дабана, где было бы меньше оползней и завалов и где Сеньюкову и его помощникам предстояло рыть, или, как говорят среди геологов, задать шурфы, начиная от озера и кончая основанием хребта. Цепочка из пятнадцати колодцев должна будет покрыть расстояние примерно в два километра. В лесном завале под почти отвесным скатом обрыва будет добываться крепь для шурфов.

Сеньюков тщательно изучит образцы пород, поднятых из шурфов. Тут же ведется простейший анализ проб – вытяжка на бензол, чтобы безошибочно установить признаки нефти. Не обнаружив их, Сеньюков принимает еще одно решение: прорыть туннель через третичные породы – от последнего шурфа в завале к самому основанию хребта Хамар-Дабана, чтобы окончательно выверить напрашивавшийся вывод. Сеньюков знал: проходка туннеля каждую минуту таила беду. Но рисковать надо было! Непременно!

То и дело Сеньюков спускался в туннель. Под тусклым светом «летучей мыши» осматривал породы, слагающие подножье хребта, выбирал образцы и поначалу опешил, когда увидел: туннель упирался в изверженные породы. И не под ними, а над ними залегали третичные слои. Над изверженными породами, перекрывая друг друга, залегали

узорчатые разноцветные пласты! «Точно такие же, какие в свое время видел я еще у нас на речке Шомвукве. Точно такие же! Выходило, никакого «байкальского парадокса» нет! Нет байкальского надвига! Просто природа Прибайкалья вводила своих исследователей в заблуждение».

Выбираясь из туннеля, Василий делал десятки и десятки анализов проб, надеясь найти хоть малейший признак нефти в породах третичного возраста. Светлый бензол неизменно оставался чистым!

Это означало: в третичных слоях Байкала нет и капли нефти. Поиски байкальского «черного золота» в этих пластах – пустое занятие! В этом убеждало и то, что шурфами и туннелем были пройдены породы в стороне от зоны опускания озера. Чтобы выяснить, откуда же просачивается наружу нефть, Сенюков проделывает еще один маршрут – вдоль берега озера, то есть в зоне опускания Байкала.

«Может быть, источником нефти является мезозой, подстилающий пласты третичные?» – думал Василий.

Снова тщательный анализ десятков проб пород, теперь уже мезозойского возраста. И бензол снова оставался чистым. Нет, нефть шла из более древних, палеозойских отложений. А именно – из кембрия: ниже мезозойских в районе Байкала лежат кембрийские осадочные породы. Следовательно, нефть шла только оттуда!

Тайна Байкала была разгадана.

«Это стало так ясно для меня, – скажет Сенюков годами позже, вспоминая о маршрутах вокруг Байкала, – словно передо мной раскрылась темная толща кембрия до глубины в три или пять тысяч метров, и солнечный луч заиграл радугой на черной поверхности озера нефти. Но увидят ли это другие?..»

Забегая вперед, скажем: да, увидят. Но – тридцатью годами позже, когда кембрийскую нефть уже не отважится отрицать ни один геолог: со слишком неистовой силой вырвется она из долгого заточения, и грохот её фонтана над сибирской тайгой навечно прорвет стену недоверия и косности, небрежения к ней, к пленнице кембрийских пластов.

А в ту пору... В ту пору доводы студента-второкурсника о том, что, во-первых, в природе нет никакого байкальского надвига, во-вторых, байкальская нефть – отнюдь не третичного возраста, а в-третьих, тайна байкальского «черного золота» спрятана в кембрии, – эти доводы почти всеми учеными будут признаны, по меньшей мере, вздором и встречены в штыки.

– Шутка ли, – говорили тогда, – зарвавшийся практикант, по сути, ставит под сомнение толкования и взгляды десятков крупнейших ученых, исследовавших район Байкала прежде!

А о бурении на кембрий, залегавший здесь пятью километрами ниже под «дневным» слоем Земли, и слышать не хотели: во-первых, на такую глубину, мол, не закладывалась еще ни одна скважина в мире, во-вторых, техника бурения не позволяла пробиваться в такие толщи.

А в-третьих... Вспомним, как в том году отзывались о вдвое более молодой нефти – девонской:

– Это даже не утопия!

Хотя девон признавал нефтеносным сам Губкин!

Сенюков вновь углубляется в геологические карты. Сличает чертежи разрезов пластов, выполненные разными геологами, исследователями Сибири, пытаюсь мысленно восстановить очертания берегов моря, заливавшего её в кембрийский период, рельеф её материка в ту далекую геологическую эпоху: ведь от этого во многом зависит успех в поисках «королевы недр».

Рождается смелая научная гипотеза: по расчетам нефтеносный кембрий должен выходить близко к поверхности земли в Якутии – в четырех тысячах километров от Байкала.

Так ли это – проверить можно только в лаборатории самой природы. Нужна новая экспедиция. В Якутию.

...Студенческую практику на Байкале Сенюков закончил к середине августа и уже собирался было в путь, в Москву: хотелось встретиться с однокурсниками, а главное – не терпелось обо всем увиденном поговорить с Иваном Михайловичем Губкиным.

Но отъезд пришлось отложить. В самое ведро на Байкал нежданно-негаданно обрушилась – откуда ни возьмись – снежная лавина. Плотная белая завеса укутала всё окружие. Поднявшаяся вода, захлестывая груды завалов, грозила разрушить береговые откосы. Всплывшие бревна, громоздясь друг на друга, яростно били об опоры мостов, о насыпи полотна железной дороги, опоясывающей Байкал с юга. Знаменитое наводнение тридцать второго года, охватившее тогда и районы пограничной Монголии и причинившее немалый урон.

Доброволец по духу Сенюков тут же включается в работу по восстановлению железной дороги. Бурит скважины наравне со специалистами, изучает геологическое строение земной коры в районе, где проходит Транссибирская магистраль, выясняет гидрорежим грунта, её подстилающего, делом помогает членам комиссии Наркомата путей сообщения, специально прибывшей на место стихийного бедствия.

Вместо августа Сенюков вернулся в Москву к занятиям в институте только в декабре.

Прямо с поезда Василий идет в Малый Гнездниковский переулочек домой к Ивану Михайловичу Губкину.

Проводив «пропащую душу» к себе в рабочий кабинет, уставленный книгами и... образцами пород, Губкин сказал:

– Уверен, ты должен меня удивить чем-то...

За разговором прошел весь вечер. Кремлевские куранты отбили двенадцать, когда в кабинет вошла жена Ивана Михайловича:

– Уже поздно. Пора отдыхать.

– Какой отдых! Когда тут такие интересные «напасти» из самой Сибири-матушки, – оживленно сказал Губкин и, бросив взгляд на часы, добавил, кивнув в сторону Василия:

– Есть, Варенька, кому двигать вперед нашу науку. Такие не подведут. На них можно положиться полностью. Хоть сегодня же выдавай ему диплом геолога. Потому что такие – не чета целому десятку иных дипломированных ученых мужей. Ты только послушай. Десятки лет в науке признавали как бесспорный факт существование байкальского шарьяжа. А мой молодой коллега опроверг это начисто: нет, мол, в природе никакого байкальского шарьяжа. И что, по нему, и Тункинские Альпы, и Китойские Гольцы, и Хамар-Дабан – всё это сформировалось не в докембрий, как все думают, а совсем недавно – в третичный, а кое-где даже в четвертичный период. И не складчатыми, как все думают, а сбросовыми движениями земной коры. Ты понимаешь? Получается, бур нефтопоисковиков годами натякался не в кристаллический фундамент, а в затвердевшую базальтовую лаву. Она местами и изливалась по разломам и расщелинам гор. Именно она – и совсем недавно. Всего миллион или несколько миллионов лет назад. Это совершенно новый взгляд на Байкальскую впадину! И он, ей-богу, заставит исследователей по-новому взглянуть на загадочный Байкал, на флору и фауну и поможет выведать еще не одну тайну сибирского озера-моря. Но, Варенька, не подумай, что Василий разгадал только одну загадку, хотя уже и это само по себе стоит многого. Нет! Он потрудился за лето более чем славно!

И, немного подумав, добавил:

– Но главное – впереди. Надо еще суметь отстоять свою правоту. В науке это так сложно. И никому не давалось легко! Никогда!

Отныне в плоть и кровь северянина Сенюкова на всю жизнь войдет всё, что будет связано со словом «кембрий». Словом, имевшим свое происхождение в далекой Великобритании – по имени Кембрийских гор в Уэльсе. И впервые присвоенным в качестве названия

самостоятельному пласту земной коры лишь в 1888 году, то есть всего каких-то лет за сорок до прихода вчерашнего плотогона в горную академию. Увлеченно вчитываясь в страницы истории рождения жизни на Земле по остаткам таких самых первых её обитателей, как трилобиты, брахиоподы или бокаловидные археоциаты и им подобные, Сениуков и будет искать сокровища, спрятанные в этой самой, как тогда всеми считалось, древней осадочной толще планеты.

ТРОПАМИ ПЕРВО- ПРОХОДЦЕВ

«В конечном счете для развития науки важны факты, противоречащие известным законам».

А.М. БУТЛЕРОВ

«Великой страсти, великого напряжения требует от человека наука».

Академик И.П. ПАВЛОВ

Примерно в те же дни 1932 года, когда печать широко сообщала об открытии нефтяного района Стерлитамака, в одной из центральных газет появилась заметка под заголовком «Нефть Якутии».

Выдержки из нее:

«...Природные богатства Якутии до сих пор представляют неиспользованную область. О естественных запасах на территории, равной по площади Европейской части СССР, имеется сравнительно мало сведений. Известно, что она богата золотом, пушшиной, находят каменный уголь. Прослеживаются залежи соли и соляные источники. В последнее время всё настойчивее стали приходить сведения о нахождении признаков нефти в различных районах Якутии...»

Далее называются эти районы: острова Сымардах-ары на реке Мархе (приток Вилюя); Орготский наслег (поселение) Верхневилюйского улуса, «в 60 километрах от школы», верховья рек Синеи, Буотома и Чабода; и еще «против острова Курапаскылах-ары (остров Куропаток) на реке Лене».

Рядом с заметкой – комментарий геолога, позднее академика Н.С. Шатского.

– Систематические поиски нефти в Сибири, – рассказывает Шатский, – начаты были с прошлого года. В 1931 году две партии работали на Байкале, там мы уже имеем реальную нефть [здесь будущий академик выдает, конечно, желаемое за действительное: «дикие кошки», которые бурились на Байкале в течение десяти лет, так и не дали промышленной нефти, что предсказал еще практикант Сеньюков. – Авт.] и производим разведочное бурение. В этом году мы отправи-

ли в Сибирь четыре партии НГРИ, из них две в Якутию. Задачи их – проверить выходы нефти и наметить точки, где должны быть заложены буровые скважины.

В Якутии издавна находили верные признаки нефти: «горный воск», «горную смолу», «горящие камни», а местами – скоплавшуюся в ямках, «дурно пахнущую густую жидкость темного цвета», легко воспламеняющуюся от искорки. В свое время шаманы, зажигая ее, навели ужас на забитых, суеверных якутов и эвенков. Старожилы и местные жители сообщали геологам больше чем о сотне «нефтяных источников» в разных районах Якутии.

Но поиски оказывались безуспешными. Не дали ожидаемых результатов и исследования геолого-разведочных партий, проведенные в Якутии летом 1932 года.

– Похоже, что искали «нефть вообще». Без главного ориентира – в каких пластах она может залегать, – говорил Сенюкову по этому поводу Губкин.

– Я убежден, Иван Михайлович, что нефть в Якутии – кембрийская, – с присущей ему горячностью утверждал Сенюков. – Только кембрий откроет замок к сибирским кладовым нефти.

– Очень может быть.

– Я проштудировал все материалы о кембрии, всё, что опубликовано по геологии Якутии, Сибирской платформе вообще, и теперь думаю только об одном – принципиально доказать нефтеносность кембрия. Добыть хотя бы капельку «живой» нефти «со дна» Земли! Вы понимаете, Иван Михайлович, как важна была бы эта находка для решения той же проблемы нефтеобразования?..

Сам сторонник смелого эксперимента в науке, Губкин благословляет Василия на поездку в Якутию. Сенюков включается в состав Нижне-Ленской геолого-разведочной экспедиции, снаряженной на поиски нефти в Якутии летом 1933 года. Надо ли говорить, как окрыляла Сенюкова поддержка со стороны Губкина!

Иван Михайлович, возглавлявший геологическую службу страны, особенно сознавал, как недоставало стране сибирской нефти.

Да, дров и людских судеб в ту пору было наломано немало. И, что особенно прискорбно, – под святым знаменем борьбы за лучшую народную долю, за строительство социализма. А именно вера в это рождала безграничный массовый энтузиазм. И он, казалось, и впрямь помогал творить чудеса. Что считалось великим достижением того сложного времени, была досрочно, за четыре с половиной года,

выполнена первая советская пятилетка – пятилетка индустриализации страны. Вступили в строй сотни новостроек-гигантов. Брала разбег индустрия, «пафос строительства и пафос созидания», как говорили тогда, пронизывал всё и вся, охватив самые далекие уголки Союза.

Поднимались корпуса крупных предприятий в глухих прежде районах Сибири. Остро вставала проблема топлива. Нефть приходилось завозить из Баку, за несколько тысяч километров – не было собственной. Перевозки обходились, конечно, дорого. Это было не только накладно, но и неудобно, ненормально, как часто повторял Губкин. И государство не жалело средств на поиски нефти в Сибири. Они, в первую очередь, велись и на Байкале, и в Якутии. Но большей частью не совсем добросовестно. А главное, как напишет в 1934 году Губкин в своей книге «Основные принципы плановой разработки нефтяных месторождений», эти поиски и не могли привести к удаче: начиная с 1918-го и по 1932 год включительно в геологической науке в ходу была «точка зрения о том, что в нефтедобыче руководящая роль принадлежит стихийным силам природы, якобы не поддающимся активному воздействию человека». Отметим, кстати: эту «точку зрения» многие ученые будут отстаивать – и проводить в жизнь! – еще долгие годы, из-за чего будет надолго отброшено назад как освоение «девона Губкина», так и «кембрия Сеньюкова»...

В ту пору, по признанию самого Губкина, пожалуй, только один Сеньюков нащупывал верный курс к сибирским кладовым нефти. Мог ли учитель не поддержать ученика?

В походе за своим «золотым руном» Сеньюков меньше всего думал об опасностях, что в топях, болотах, в дремучей сибирской глухомани подстерегали на каждом шагу. Надо было подниматься водой – не чурался садиться в протекавшую лодку. Если та сдавала, приставал к берегу и сам конопатил её. Распадалась лодка – наскоро сбивал плотик. Встречались на пути сухие перекаты – перетаскивал плот на руках. Надо было по маршруту пробиваться сквозь тайгу – ходуном ходил его охотничий топор. Все тяготы далеко не сладких экспедиционных будней сполна делила с Сеньюковым геолог Ольга Флерова, которую он увлек своей мечтой и с которой недавно – и на долгие годы – связал он себя супружескими узами, оставив прежнюю семью: не видел иного выхода.

У Лены много притоков: Алдан и Синяя, Буотома и Олекма, Виллюй и Витим, Чара и Толба – всех не перечесать. По ним и по непроходимым водоразделам между ними, по месиву вязких хлябей, по чащобам и скалам, пролегли бессчетные маршруты Сеньюкова

и Флеровой. Здесь – на плаву, пешком и вброд – исхожено всё вдоль и поперек. Здесь молодую чету геологов и впрямь помнит каждый камень. Не одна сотня зарубок или затесок оставлена Сенюковым на первотропах. Шутка ли, густой сетью линейных маршрутов, геологической съёмкой был покрыт им в Лено-Алданском междуречье без малого путь длиной с земной экватор.

Сопровождавший Сенюкова поначалу проводник-якут Костя Сивков не мог взять в толк:

– Не понимай... Как наш якутский черный смола можно разглядеть через байкальский вода.

И объяснял по-своему:

– Зоркий глаз иметь надо. Орлиный зоркость. И светлый голова...

Каждый день, поднимаясь, едва брезжило, Сенюков и Флерова спешили до наступления темноты и устройства на ночлег обойти как можно больше мест, объять, казалось, необъятное. За несколько недель они успевают сделать столько, сколько иные экспедиции едва осиливают за три-четыре летних сезона. Тщательной геологической и глазомерной съёмкой покрывались правый и левый берега Лены ниже устья реки Витим до устья реки Бирюк – огромный участок, почти не исследованный ранее. Изучались обнажения береговых обрывов, намечались на карте пункты, где попадались заинтересовавшие их образцы пород, пополнялись записи наблюдений в путевом дневнике, выполнялись анализы в походной лаборатории... Несладкие будни геологов-разведчиков: надо было составить более полную характеристику строения района. Проверять уже известные сведения – без этого нельзя искать «черное золото»: таков урок прошлогодней студенческой практики на Байкале...

Не только красотой, то и дело заставляя причаливать к берегу, манили красные яры из песчаников и глин ниже Усть-Кута, утесы из складчатых известняков неподалеку от селения Иванушковская. Или блекло-малинового цвета скалы, не доезжая Киренска, ниже по реке, вдруг уступающие место то утесам из черного, то башням из белого, то крутым, поросшим редколесьем склонам из серого, ступенчатым откосам из темного известняка.

Зная всё о кембрии, Сенюков вел свой отряд – шаг за шагом, километр за километром, – по следу, отысканному год назад за тысячи километров отсюда. «Верил: давняя смекалка таежного охотника не должна меня подвести! Хотя и все твердили: пустая затея!» Как уже много позднее писал академик Д.И. Щербаков в брошюре

«Предвидение геолога», «никто, кроме В.М. Сеньюкова, не подозревал, что в кембрийских пластах может оказаться нефть!»

«Утопия безнадежная!» – открыто говорили «провидцы». Их можно было понять: мировой опыт нефтяной геологии начисто отрицал возможность существования такого древнего «черного золота».

«Смысл слов «черное золото» нам с Ольгой становился понятным по-своему. За нефтью, которая ценится на вес золота, мы шли действительно «черными» топями и болотами, «черными» дремучими делянками, самыми «черными» и дальними тропами, где до того вообще не ступала нога человека».

Конечно, выручал Сеньюкова и собственный, нажитый еще ранее, недюжинный дар агитатора и организатора. Когда он появлялся в каком-нибудь из поселений и называл себя, его всё чаще встречали словами:

– Как же, слышаны о вас. О вашей карте...

Не в одном сельском совете он собирал сходы, увлекательно рассказывал местным жителям о целях своих походов по якутским делянкам. Достав из планшета, вывешивал на стене составленную самим карту района, на которой помечены заимки, балки, ручьи и речки. Просил помочь в поиске «белых камней с прожилками нефти, похожими на гусиные лапки». Договаривался, чтобы каждый такую находку сдавал в сельсовет, а на карте делал соответствующую пометку. С трудом понимая русскую речь, и якуты, и эвенки проникались уважением к «экспедитору из Москвы» и всегда обещали помочь. И то были не пустые обещания. К концу полевого сезона этих камней «с гусиными лапками», найденных местными охотниками и крестьянами, набиралось огромное количество, и зачастую коллеги Сеньюкова диву давались: и зимой, когда он находился дома в Москве, эти образцы продолжали поступать в его адрес целыми ящиками.

Легко находил Сеньюков общий язык в селениях Якутии с теми, от кого зависело обеспечение экспедиторов и их помощников провиантом, лошадьми, оленьими упряжками. Руководители местных коопераций или факторий охотно поддерживали его в этом. Достаточно было простой, без всякой печати, расписки от него. Все верили в исключительную важность дела, которым Сеньюков здесь занимался.

...Уже опадала листва, повеяло холодами, когда в сентябре отряды экспедиции стали собираться, как условились в начале лета, в Якутске. Отсюда водой предстояло подняться вверх по Лене до Жигаловой, там, по Якутскому тракту, проехать до Иркутска и пересесть на поезд Владивосток – Москва.

В былые времена в селе Качуга, в верховьях Лены, бойко строили утлые плоскодонные тесовые баржи-паузки. Этот промысел вызван был к жизни купцами и золотопромышленниками: в недорогих паузках сплавливались вниз по реке, в половодье, провиант и товары и всякая всячина для приисков и для продажи их населению «медвежьих углов» Якутии. Старожилы до сих пор помнят «плавучие ярмарки»: каждый раз, как только где-нибудь завидывали причаливавший паузок, на берег высыпала вся деревня — от мала до велика. Возле полным-полно оказывалось и шитиков — крытых лодок, на которых к приходу паузков спускались жители наслеггов, разбросанных по бесчисленным рекам и речкам — притокам Лены. Купцы устраивали большие торги и задешево приобретали пушнину, редкие поделки, вещи из ценных мехов.

Пароходов тогда почти еще не было, и паузки, по весне, с самым паводком начинавшие снова по Лене, жителями приленских селений были прозваны «единым божьим спасом».

К началу тридцатых годов на Лене Главзолотом было создано пароходство. Но рейсы речных судов еще редко совершались по расписанию. Чаще бывало — как бог на душу положит.

Узнав, что до отбытия последнего парохода от пристани Якутска вверх по Лене оставалось не меньше двух недель, Сенюков, не мешкая, снова собрался в путь. Маршрут его теперь пролег по реке Толбе, правому притоку Лены. С геологическим молотком, рюкзаком-«сидором», тяжелевшим с каждой находкой образцов пород, Василий поднимался по Толбе больше своим ходом, чем на лодчонках. Снова, не зная устали, взбирался на верхотуру обрывов по обеим берегам, карабкался по каменным уступам скал... «Второпях вел глазомерную маршрутную съемку. Так, сорок километров — туда, сорок — обратно. И не напрасно: что очень важно, здесь были хорошо обнажены слои известняков. И я нашел то, ради чего проделал столько маршрутов — обломки-окатыши нефтесодержащих кембрийских пород! Стало ясно: на Толбе или на её притоках, но нефтеносный кембрий где-то здесь должен непременно выходить наружу! Значит, я шел за тысячи километров, от озера Байкал, по верному следу!»

Пароход «Снегирь», испуская клубы густого угольно-черного дыма, давал прощальный гудок, когда, обливаясь потом, впопыхах, тащил Василий по сходням свой тяжелый рюкзак. «Сидор», полученный в подарок от красноармейца-партизана еще на родине, студенту-третьекурснику казался сейчас еще дороже: там были доломиты

с кембрийским «черным золотом», драгоценные камни. До него их не держал в руках никто, нигде и никогда!

«Нетрудно представить себе, сколько скептицизма и в то же время любопытства вызывали мои находки у геологов, заполнявших пароход. Все они, не веря своим глазам, непрерывно вытаскивали из мешка образцы пород, рассматривали их, спорили».

А сам Василий с особой грустью и сожалением вспоминал о том, что случилось каких-то пять недель назад. Отправляясь в тайгу, он с трудом сумел уговорить в наслеге Камень пойти в спутники вместе с бухгалтером сельсовета Диомидом Степановичем Мишаковым еще и не очень дружелюбно к тому настроенного охотника по прозвищу Шалый. Отличный знаток окрестных мест, он оказался понятливым и незаменимым помощником. Неказистый на вид, сноровисто справлялся и с гребями, и веслами на крутых речных перекатах, не терял самообладания и присутствия духа. И его немалая заслуга в том, что неплохим выдался «улов» камней-доломитов. Но по намеченному Сеньюковым маршруту предстояло переправляться через бурную, порожистую речку Лебедь. Для всех троих путников эта преграда не казалась непреодолимой — каждый, как и сам Сеньюков, не один десяток раз мерялся силой и умением с неистовством речных круговертей. Но едва Шалый успел отойти от берега метров на пять, как с ведомой им лошади сорвался и окунулся в бешеный поток ящик с камнями. Шалый пытался ухватить его, но не смог, тогда кинулся вслед за ним, да так и пропал в кипящем водовороте. Лишь раз мелькнула его рука, ухватившая ременную ручку ящика. Неизвестно, сколько простояли тогда на берегу последней речки Акима Петровича Сеньюков с Мишаковым, шепча прощальные слова. Вместе с Шалым в той речке утонул и ящик, наполненный первыми образцами пород с прожилками кембрийской нефти. Потом пришлось возвращаться в прежние места, чтобы хоть как-то восполнить потерю.

В отличие от шумливых таежных речек Лена-река несла свои воды величаво и чинно. Мимо проплывали уже знакомые места. Селения, гнездившиеся, как на ладонях, среди горных стремнин, на «пяточках»-террасках, будто уготованных природой специально под человеческие жилища. Леса на береговых склонах, уже одетые в прожелть и багрянец. А вот и снова чудо-замок природы — знаменитые Ленские столбы, высоко воздевшие к небу вершины-клинья, перекрывшие собой некогда русло реки. Смотришь на них, и в памяти сами всплывают «Дед», «Перья» и другие скалы гранитных «Столбов» на берегу Енисея,

близ Красноярска, или башня «замка коварства и любви» на Кавказе, близ Кисловодска, или «каменные идолы» в верховьях Печоры – эти тысячелетние творения ветров и дождей, солнца и землетрясений.

Пароход едва плелся, натужно гудя: течение Лены скорое, и маленькому слабосильному суденышку каждый километр давался с трудом.

Холодало всё больше и больше. Студеные ветры запирали пассажиров по каютам, в тепло. Вода, особенно вечерами, в сизых сумерках, казалась остекленевшей. Берега схватывало инеем.

На полпути к Жигаловой поплыла навстречу рыхлая шуга, а ниже по Лене, под Якутском, по слухам, уже начинался ледостав – реку от берега до берега сплошь перетянуло зазорами. В километрах пятидесяти от Жигаловой буксир стал сдавать. Тяжелую баржу с грузом-багажом экспедиции принялись волочить бечевой сами геологи вместе с пассажирами-попутчиками. Под самую «завязку» груженная баржа слушалась плохо, против течения ползла неохотно. Стопорила ход встречная, всё более густевшая шуга.

Выпал первый снег. Но баржу продолжали тянуть по воде, пока однажды утром, проснувшись, не увидели: и буксир, и паузок стояли в ледяных оковах. Члены экспедиции растерянно переглядывались, словно спрашивая друг друга: «Как быть дальше?»

Сенюков, не мешкая, уходит в путь до ближайшего селения, чтобы договориться о подводах для переброски багажа до Жигаловой, до машинного тракта. В деревне – с десяток дворов. Все наличные двенадцать лошадемок были заняты круглые сутки на молотье. Шестеро стояли в приводе конной молотилки. Шестеро паслись поодаль, в ожидании черед. С председателем колхоза порешили на том, что геологи отработают за лошадей на молотье. Предложение Сенюкова удивило председателя-якута, но было принято. И «товарищи из Москвы» взялись за дело. Трое суток подряд, без просыпу, без передышки простояли люди у барабана молотилки. Ночами, в кромешной темноте едва узнавали друг друга в бликах походных «летучих мышей». Лица облеплены остями, соломенной пылью. Единственный из геологов, знавший толк в крестьянском хозяйстве, Сенюков ни на минуту не отходил от молотилки, сновал, не прикорнув, дни и ночи: был закоперщиком, и ему не пристало выказывать усталость. Терпкий вкус мякины, зуд от остей – всё это было привычно сызмальства...

На четвертые сутки, когда хлеб был весь обмолочен, экспедиция получила в свое распоряжение шесть подвод. Багаж занял все сани-волокуши.

Просеки, которыми пробирался обоз, то и дело упирались в скалы

или в тупик, принуждая идти в обход, спускаясь к речным берегам: летом все дороги в мир отсюда – водой, и зимой первопутки прокладываются тоже по рекам, скованным льдом. В такую рань зимы, в распутицу, когда ледостав только начался, никто из местных жителей в путь никуда не пускался: терпеливо ждали, пока река станет напроочь.

Конный обоз экспедиции шел берегами. Но чаще скалы-«щеки» выгоняли на неверный лед. Под тяжестью саней, груженных одними камнями, он, неокрепший, хрупкий, трещал, разламывался, подводы проваливались. Что ни сотня метров – приходилось бросаться в ледяную воду, чтобы вытащить сани.

...Прыгнув однажды в полынью, чтобы, подперев плечом оказавшиеся в ней полозья, вытолкнуть сани из воды, Василий в первую минуту, когда вода, пробравшись, прожгла всё тело, потерял было самообладание: вымотала, видно, трехсуточная бессонница. И всё же, опомнившись, напруг силы – подвода была спасена. Но, выбравшись, почувствовал, что ноги сами подкашиваются, перед глазами поплыли маревом зыбкие синие круги, земля закачалась под ногами. В спасение Василия не верил почти никто. Оттирали спиртом – сознание не возвращалось. Когда, наконец, пришел в себя, еле шевеля губами, выдавил:

– Это ерунда! Я так легко не сдамся! Как-никак северянин!

И – помолчал:

– Да! Как там мои доломиты? Целы?

– На что тебе сдались твои доломиты? – сокрушались товарищи по экспедиции. – Человек на ладан дышит, а, видите ли, о камнях печется...

– Да эти камни для меня сейчас главное всего!

В Иркутске, когда садились в поезд на Москву, встретили геологов, искавших нефть всё на том же, восточном побережье Байкала. Те оказались попутчиками. Пошли по рукам доломиты, найденные Сеньюковым на Толбе. Вспыхивали горячие, до хрипоты, споры, высказывались разные, порой самые противоречивые суждения. Кое-кто, отломив кусочек камня, даже сделал вытяжку на бензол. В пылу споров Василий не замечал, что «сидор» его пустел. Кому-то понадобилось выкрасть камни – первые в мире образцы пород нефтеносного кембрия. Уберечь их не удалось! Пыль и крошки – вот всё, что осталось у Василия в доказательство выдвинутой им гипотезы.

Когда по приезде в Москву он упросил сделать камеральный химический анализ «пыли и крошек», ему сказали, будто обухом ударив: это – не нефть, это – пиробитум. Вещество, не дошедшее до нефти.

Но невозможно сломить веру!

Василий пересматривает и перечитывает сотни книг по химии и химическому анализу нефтей. И дотошность берет свое: «То, что химики считали продуктом, не дозревшим до состояния нефти, на самом деле было веществом «перезревшим», давно миновавшим фазу жидкой нефти и уже переставшим быть «собственно нефтью».

Доказать это было трудно без новой экспедиции, без новых образцов, без более широкого и полного химического анализа проб, без еще одной поездки в Якутию, на реку Толбу...

– Твоя оплошность обошлась дорого. И никто тебя не пошлет в такую даль вторично, – говорили Василию однокурсники. – Тем более, что анализу, который сделал сам «бог химии», поверят больше, чем твоим доводам. Тебе же крыть нечем.

Сенюков не раз порывается на прием к Губкину. Но тот строго-на-строго наказал секретарше: не пускать к себе в директорский кабинет студента Сенюкова ни под каким предлогом. И всё-таки ему удастся прорваться. С уговором – побеседовать с Губкиным всего 10–15 минут. Разговор растянется на 4 часа.

– Если бы ты уберег хоть один кусок доломита! И то было бы легче! – выслушав Сенюкова, сокрушался Иван Михайлович. – А пока о новой твоей экспедиции и слышать никто не хочет. Более того, её все считают не иначе, как сомнительным предприятием. Средств недостает пока даже на то, чтобы вызвать к жизни уже разведанное, открытое. Взять хотя бы ту же Ухту...

– Она-то будет давать нефть! С нею все ясно. Там дело за промыслами.

– Да. Но она ближе, чем Толба. Выгоднее сначала туда и вложить капитал.

– Но, Иван Михайлович, путь к большому «черному золоту» через кембрий – самый экономичный и дешевый. Он один вооружит нас точно выверенной теорией, что станет компасом в поисках всех нефтей. И вашей, приволжской, девонской – тоже!

– Согласен. Такой, как ты говоришь, компас нам как нельзя кстати. Сейчас, когда я работаю над книгой о «втором Баку», результаты твоих исследований по кембрию были бы для меня просто бесценными. Но... еще одна экспедиция на Толбу... это, знаешь ли...

– Тогда я сам организую её, – перебил Губкина Василий.

– Каким образом? На какие финансы?

– На свои собственные!

У Василия, конечно, не было не только денег. Ему еще больше не

хватало времени. Опоздав, как и прошлой осенью, на занятия, он должен был догонять однокурсников, не пропуская притом лекции и не забывая о своих бесчисленных общественных делах в комсомоле, в партийной организации института. Но, несмотря на занятость и перегрузки, Василий устраивается на работу в землеустроительный отдел Моссовета: знакомое дело! Еще по Северу, где кончал специальные курсы.

За неделю вместо полутора месяцев по нормам выполняет Василий геодезическую съемку на одном из участков застраивавшегося Можайского шоссе и на перегоне прокладываемой линии метро. Берется за вычерчивание планшетов, копировальные работы. Заработанное – в копилку.

– Ты вообще когда-нибудь спишь? – спрашивали товарищи по общежитию: койка Василия пустовала – и когда те ложились спать, и когда просыпались.

– Я каждый день ночую у себя, в общежитии. Только нельзя мне спать больше трех-четырёх часов в сутки. Дел невпроворот. Деревенская привычка: вставать до петухов, – отшучивался он.

Как-то в перерыве между занятиями в институте, где Сеньюков знал почти каждый студент, товарищи не преминули заметить:

– Слушай, ты уже становишься классиком. Тебя цитируют...

– Кто же это?

– Сам Иван Михайлович Губкин. Твою табличку «Анализы нефтей и битумов типовых по возрасту месторождений мира в сопоставлении с анализом образца из месторождения на реке Толбе» он показывал пятому курсу – как образец геохимического мышления современного геолога. И назвал её интереснейшим исследованием.

– Да... Эта табличка у меня отняла не одну ночь...

Забегая вперед, скажем, что потом, годы спустя, профессор Сеньюков возглавит лабораторию геохимии в одном научных геологических институтов Москвы. Геохимии, которую справедливо называют наукой, устремленной в будущее.

А пока, недосыпая изо дня в день, Сеньюков вечерами, допоздна, засиживался над вычерчиванием схем и чертежей для землеустроительного отдела Моссовета – копил деньги на поездку в Якутию за свой счет.

– Сколько уже заработал? – спросил его однажды Губкин.

– Пять тысяч!

– И смех, и грех. И ты думаешь обернуться на такие крохи?

– Поднажму и еще поднакоплю...

– Вот что, мой друг. Я добился, чтобы на экспедицию специально по твоей гипотезе ассигновали семнадцать тысяч.

Василий от радости не находил слов, чтобы отблагодарить своего учителя и первого наставника.

...Вот пожелтевший от времени и прохудившийся на сгибах листок бумаги – «Удостоверение» от 4 мая 1934 года, выданное Ленинградским нефтяным геолого-разведочным институтом (НГРИ) Главнефти Наркомтопа СССР:

«Настоящее выдано тов. Сенюкову В.М. в том, что он командировается в район Саньяхтат–Толба ЯАССР и Восточно-Сибирский край для производства геолого-разведочных работ в качестве начальника Толбинской геолого-разведочной партии. Принимая во внимание важность порученных тов. Сенюкову работ, НГРИ просит все соответствующие учреждения и организации оказывать всемерное содействие в предоставлении продовольствия, фуража, найма рабочей силы, транспорта и проч. при выполнении тов. Сенюковым служебной командировки».

Поезд Москва – Владивосток увозил на восток, в Иркутск, Сенюкова и его супругу Ольгу Флерову, которая стойко вынесла вместе с ним трудности и невзгоды прошлогодней поездки в Якутию. Из Иркутска к месту разведок в Якутии на этот раз добрались быстро – был загодя заказан гидроплан.

Сам энтузиаст до мозга костей, Сенюков знал: подобного ему склада людей не занимать. Он всегда рассчитывал на них. И – не ошибался.

Весть о том, что «Сенюков из Москвы» в прошлом году нашел на Толбе «черное каменное масло», давно облетела все близлежащие наследи. И охотников помочь ему в дальнейших поисках было достаточно. Особое значение придавало находкам Сенюкова правительству новой Якутии. И русские, и эвенки, и якуты – местные жители спешили к Василию на выручку, встречали его как почетного дорогого гостя. И особенно там, где помнили по прошлому приезду, где Сенюков успел, говоря охотничьим языком, «заломить ветку». «Добрая молва – то же счастье».

«Но это было, пожалуй, самое тяжелое путешествие. В тайге нас встретил пожар, полыхавший на громадном пространстве. Всё пылало в огне – ягель и деревья, трава и подлесок, мох и валежник. Удушливый черно-лиловый дым ел глаза, стлался над рекой так низко, что не давал возможности выпрямиться во весь рост.

Палящий зной солнца удесятеряло горячее дыхание огненной лавины, подступавшей со всех сторон. Мы радовались, когда пламя приближалось совсем близко: оно отгоняло дым. Надо было охватить маршрутной съемкой побольше мест – ведь здесь никто её прежде не

вел. Но случались дни и даже недели, когда дым выгонял нас к реке. И только над самой водой можно было глотнуть свежего воздуха, хотя и эту прослойку уже в каком-то полуметре над речной гладью отравляли лиловые клубы едкого дыма. Задыхались лошади, берегом тащившие против течения лодки со снаряжением. Невозможно было работать шестом. Выматывали силы переходы через сухие, каменистые перекаты. А их было – один на одном, чуть не через каждые сто-двести метров. Добраться же надо было к верховьям километров эдак за сорок-пятьдесят. Сначала к тому месту на Толбе, где в прошлый раз были найдены нефтесодержащие кембрийские породы, а затем – искать те скалы, от которых воды отломили куски этих пород и, подхватив, переместили их вниз по течению реки. Или, как говорят геологи, надо было найти участок коренного залегания этих кембрийских пластов с нефтью».

Никто наперед не мог знать, где расположен этот участок – на берегах ли Толбы или её бесчисленных притоков. Тогда было решено расстаться и пойти врозь, чтобы разведать побольше площадей. «Не без тревоги пожал я руку Ольге Флеровой. Она ушла, низко пригибаясь к земле, и скоро скрылась в дыму. Я пошел, а вернее сказать, пополз горящей тайгой к соседней реке, находившейся здесь в сотне километров от Толбы. Как тяжело ни было, нельзя было откладывать дело, упускать время».

Встретившись месяц спустя, перемазанные несмываемой, казалось, сажей, в обгорелой прокопченной одежде, с осунувшимися лицами, Василий и Ольга едва признали друг друга.

Огненный смерч бушевал в тайге до самой осени, пока не пошли спасительные проливные дожди. С мешками, туго набитыми камнями, прорубались геологи с помощниками сквозь павший лес, через завалы-баррикады из обгоревших и обугленных деревьев, в беспорядке громоздившихся по всем сторонам: намеченный ранее маршрут должен был проходить и этими водоразделами.

Но в награду цель была достигнута: участок коренного залегания кембрийских отложений, содержавших нефть, был найден. Предстояло главное – определить наивыгоднейшую точку для закладки разведочной буровой, той, что наверняка «подняла» бы нефть из пластов кембрия, помогла бы вырваться на свободу этому сказочному джинну, заточенному в тайниках природы...

* * *

Академик Губкин не раз называл Василия Сениюкова подвижником, первым выверявшим его «Учение о нефти» на натуре, «да на

какой – на сибирской!» Добавим: а позднее и не только на сибирской. Справедливость этих слов понятна особенно тем, кому довелось наяву наблюдать становление советской нефтяной геологии как науки и у кого на глазах выросла Большая нефтяная промышленность и совсем еще юное её «ответвление» – о нем при жизни Губкина никому даже и не мечталось, – Большая газовая индустрия страны.

Науке о Земле – геологии вообще – нет и ста лет. В прошлом она, если не сказать, что находилась в загоне, то уж во всяком случае была на положении падчерицы. Богатые недра России, и её окраин тем более, изучались постольку – поскольку, от случая к случаю, в надежде на счастливые находки.

Геология как наука обязана своим рождением академику Александру Петровичу Карпинскому. Его усилиями, им впервые в России созданным Геологическим комитетом поискам подземных сокровищ был придан научный ориентир. И он не часто, но приносил удачу. Особенно в разведке твердых полезных ископаемых – золота, угля, руд, калия и т.д. Находить их, зная, конечно, надлежащие каноны, не так трудно: они лежат в земле миллионы лет на одном и том же месте.

Другое дело с нефтью. Она подвижна, «неустойчива». И чтобы найти её клады, мало знать одни законы образования самой нефти. Надо еще и угадать, где могли скопиться достаточно большие её запасы, в каких местах под землей спрятаны резервуары с нефтью. Кто знает, может из-за своей неуловимости, прихотливости и из-за того, что она способна часто наводить «охотников» на ложный след и не найтись, несмотря на долгие, влетавшие в копеечку, поиски, нефть и была прозвана «черным золотом».

Губкин первым из геологов-ученых приходит к выводу: образование и самой нефти, и её скопление в месторождения – сугубо закономерные процессы. И задача геологов – «распознать эти закономерности: здесь единственный путь к открытию подземных кладовых нефти».

Но и в двадцатые, и в тридцатые, да и спустя еще многие годы эта его мысль отвергалась большинством ученых, и особенно рьяно – представителями старой геологической школы, которые, в свою очередь, выдвигали встречные «теории» и, пользуясь далеко не безупречной обстановкой тех лет, добивались претворения в жизнь только своих взглядов. Научным же идеям Губкина в геологии отводили лишь роль «одной из рабочих гипотез, далеко не обязательной для того, чтобы руководствоваться ею в поисках и разведке нефти».

Сам Губкин не раз повторял: «Гипотезы должны строиться исходя из тщательно проверенных фактов, а не наоборот. У нас же нередко предлагается надуманная гипотеза, чаще всего импортируемая из-за границы. Она принимается на веру, и для подтверждения подтасовывается фактами».

Достижения геологической и тем паче нефтяной науки в ту пору, в тридцатые годы, были довольно скудными. По-настоящему научно-геологическое освоение страны еще только-только начиналось. Но рабочая гипотеза Губкина уже являлась ничем иным, как стройным учением о нефти, отмеченным печатью большой дальновидности.

Губкин считал: нефть образуется в местах, где в давние геологические эпохи располагались береговые зоны морей, мелководные лагуны, озера, лиманы, где отмершие растительные и животные организмы – органогенный материал – скапливались наиболее интенсивно. Менялись эпохи, с ними отступали и наступали моря, затапливая сушу. Остатки прежней фауны и флоры оказывались погребенными. Проходили миллионы, десятки миллионов лет. Природа, как искусница-химик, совершала постоянный, длительный процесс перегонки органических осадков в нефть. Вот почему геологу-нефтянику, как никому иному, важно точно восстановить мысленно очертания материков и рельеф Земли и миллион, и десять, и сто, и двести, и шестьсот миллионов лет назад.

– Но промышленные залежи, – настойчиво повторял Губкин, – могут скапливаться лишь в специальных «резервуарах» – коллекторах, в таких пористых породах, как пески, песчаники, известняки. И то при условии, если в них найдутся ловушки, способные вобрать в себя нефть и не дать ей утечь дальше. Таковыми являются для нее специальные антиклинальные структуры – выпуклые куполообразные складки осадочных пород.

«Поиски структур – вот наша целевая установка», – писал Губкин. Он считал первостепенно важным установить закономерность в распределении этих структур, изучить каждую из них в отдельности, чтобы установить, какие из них являются благоприятными для разведки, какие наименее, одним словом, рассортировать их с точки зрения значимости.

...Берега Толбы, как и берега Лены и её притоков, природа сплошь расписала пестрыми прошвами. Блекло-земляничными – поверх изжелта-зеленых, тускло-голубыми – поверх матовых. Будто выложенные руками отличного мастера кладки и строго выверенные по

уровню цветные слои в береговых скалах тянутся вдоль рек ровно, без перекосов – иной иной раз по десятку километров. Такова особенность «телосложения» всей Сибирской платформы, избавленной от больших «катастроф» Земли еще шестьсот-семьсот миллионов лет назад. За полмиллиарда с лишним лет эта жесткая «плита» подвергалась лишь слабым «качкам», потому изгибы пластов осадочных пород почти не приметны: их видимые слои по сути залегают строго горизонтально. Словом, природа здесь словно подводила геологов: не уготовила тектонических складок – антиклиналей.

Отыскать ту, главную, единственную структуру, которая может дать нефть, было не так просто. И не только из-за того, что дым и огонь, словно нарочно, преследовали геологов-разведчиков по пятам на всем пути маршрутов по Толбе и её притокам, по водоразделам между ними, и усложняли работу. Но и из-за того, что уклон найденного пласта с нефтеносным кембрием был также не заметен глазу; понадобилось сделать сотни и сотни замеров с помощью горного компаса. А в отсчете «падения» пласта могла подвести ошибка даже на доли градуса. И тогда – летело всё, все надежды! Тогда на какое-то время окажутся правы те, кто не считал нужным вести поиски нефти в правобережье бассейна Лены: по их мнению, там «черного золота» быть не могло.

Уже позднее, в 1938 году, в работе «Река Толба и нефтеносность Северного склона Алданского массива» Сениуков объяснит, почему «не везло» всем прежним исследователям этого района. Оказывается, они придерживались ошибочного ориентира – искали нефть в зонах глубоководных морских отложений древности. И это сводило на нет поиски. Иное направление разведочных работ выбрал отряд Сениукова. Суть этого направления в том, что месторождения нефти куда логичнее искать здесь не в центре, а по окраинам гор и древних кристаллических «щитов». А точнее – главным образом в местах, где накапливались осадки прибрежного или лагунного характера, то есть в отложениях мелководных: в них как раз и возникали условия для зарождения нефтяных залежей, и образовались породы, которые потом послужили «ловушками» для нефти. Исходя из этих теоретических предпосылок Сениуков и предложил план поисково-разведочных работ на нефть в районе рек Толбы и Амги.

– Мы решительно против такого плана поисков, – твердо заявляли авторитетные геологи, ведущие ученые НГРИ, а в их числе Д.Н. Зегебарт и Н.С. Шатский. – Это бессмысленное занятие.

Вполне могло стать, что план Сеньюкова был бы зарублен «на корню», не окажись столь же решительной его поддержка со стороны академика Губкина.

Правда, все силы сибирской экспедиции НГРИ 1934 года были, как и прежде, брошены на поиски нефти в левобережье бассейна Лены, в верховьях её левых притоков – Ньюи, Жербы и других. И только Василий Сеньюков и Ольга Флерова пошли искать нефть в районы правых притоков Лены.

И Сеньюков, как это ни было сложно, всё-таки найдет желанные антиклинальные поднятия. Те самые «структуры», где может покоиться нефть. Обнаружит, – вопреки устоявшимся суждениям, – что общее спокойное залегание осадочных толщ сибирской платформы в свое время было-таки нарушено. И выявит «виновника» подобных нарушений – так называемые трапповые дайки*. Придет к неожиданному для всех выводу, что именно их воздействие на осадочные пласты и могло сыграть решающую роль в формировании месторождений нефти в Лено-Виллюйской впадине.

В этих тонкостях студенту Сеньюкову легко было сбиться с толку. Тем более желающих «помочь» ему в этом было хоть отбавляй. Всяких – и именитых, и просто им «подпевавших». Потому надлежало держать ухо востро и быть дотошным до крайности. Ведь он, по излюбленному его выражению, «не на пескаря сеть ставил, а на щуку закидывал». Иначе вряд ли ему удалось бы сделать то, что было предназначено свыше...

* Дайки — пластообразная жила вулканических пород, секущая горные породы, образуется чаще всего в результате застывания лавы в их трещинах (Авт.)

ДВЕ ВСТРЕЧИ С СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

*«Серго – человек наступления... Вы-
ражаясь образно, это танк прорыва...
Он любил всех видеть счастливыми...»*

Академик И.П. БАРДИН

*«В науке нет широкой столбовой
дороги, и только тот может до-
стигнуть её сияющих вершин, кто, не
страшась усталости, карабкается
по её каменистым тропам».*

К. МАРКС

Почти вся профессура, большинство геологов и студентов-старшекурсников нефтяного института отчет Сеньюкова о толбинской поездке встретят более чем сдержанно, холодно.

«Все внимательно осматривали коллекцию образцов пород, глядели на геологические карты изученного мной района, но будто не хотели верить глазам или накидывали на них повязку. Твердили свое:

– Ваши доломиты с прожилками асфальта в трещинках как раз против ваших же доводов о наличии нефти в кембрии. Они и говорят о том, что в нем её нет, а если, паче чаяния, и была когда-то, то за полмиллиарда-то лет давно успела выветриться. Асфальт – её жалкие остатки. И вряд ли есть какой-то смысл продолжать поиски.

Лишь один человек одобрит отчет Сеньюкова. Тот, кто и благословлял его на исследования в Сибири, – академик Губкин.

– Вот что, – скажет он. – Как ответственный редактор журнала «Нефтяное хозяйство» прошу тебя – напиши статью. Это будет интересно. Мы опубликуем такой материал без отлагательств.

И чуть шутливо добавит:

– Как председатель СОПС^{*} я постараюсь организовать твой доклад на геологическом отделении Академии наук. Думаю, для многих будет полезно и любопытно. А там – поглядим. Может, Главгеоразведка ухватится...

А чуть погода, стремясь подбодрить Сеньюкова, продолжит:

– И не вешай носа. Запомни: консерваторы и маловеры, эти

^{*}СОПС — Совет по изучению производительных сил АН СССР (Авт.)

косные пустоцветы от науки, всегда горазды выдумывать всякие за-
кавыки. Старое, псевдонаучное не так легко уступает дорогу новому.
Я тебе не единожды говорил: дореволюционная нефтяная геология
создавалась в интересах нефтяного короля Нобеля. Для этого не нуж-
но было умения расшифровывать сложные, таинственные загадки
природы, или выявлять закономерности распространения залежей,
составлять точные карты подземного рельефа. Нужно было немного:
доказывать, что в России нет другой нефти, кроме бакинской. А среди
геологов много представителей еще старой закваски... Так что нам
надо хорошенько усвоить слова Маркса: жизнь – это борьба.

Василий приступает к составлению плана комплексной Толбинской
экспедиции на лето 1935 года, одновременно готовит статью для журнала.

Научные статьи одинаково сухи и одинаково изобилуют специ-
альными терминами. За их вязью непосвященный вряд ли углядит,
насколько важен тот или иной материал, ценой какого труда добыты
факты, наблюдения, выводы, выкладки.

Поездки Сеньюкова в Якутию были полны опасностей для жизни.
А вчитайтесь:

«В течение последних двух лет я провел исследования геологиче-
ского строения... бассейна р. Лены и её притоков... Район труднодо-
ступен для геологических и разведочных изысканий, т.к. очень мало
населен – сплошь затаежен и слабо обнажен. Передвижение возможно
только вьюком и на легких лодках по рекам, сильно порожистым и
пересыхающим в летнее время...

В 1933 году автором был посещен (!!! – А.П.) район Толбы, откуда
были привезены образцы темно-серого битуминозного доломита и
известняков, а также куски асфальта, найденные не в коренном за-
легании, которые давали выгяжку на бензол...

...В 1934 году... были отправлены в этот район две геолого-раз-
ведочные партии с целью составления разреза и геологической карты,
выяснения тектоники и нефтеносности отложений, а также детального
изучения условий выходов асфальтов и обоснования мест заложения
структурных и разведочных скважин...

Нашими исследованиями установлено: изучаемый район сложен
породами кембрийского возраста.

...Признаки нефтеносности имеются на всей площади района...»

Обстоятельно описав геологические разрезы осадочных пластов,
результаты лабораторного анализа образцов, все замеченные при-
знаки нефти, подчеркнув вторичное её залегание (что полностью

подтверждало взгляды Губкина), Сеньюков напишет о необходимости поставить здесь разведочно-структурное бурение в 1935 году, назовет «точки для бурения первоочередных скважин глубиной 300–350 метров» и выдвинет задачу – провести топографическую съемку, геофизические работы и детальную площадную геологическую съемку водораздела рек Амги и Толбы, а также рекогносцировочные работы с целью выяснить происхождение и связь кембрийской нефти района Толбы с нефтяными месторождениями озера Байкал.

Никто, кроме самого Сеньюкова, не узнает, прочитав такую статью, какие немислимые испытания таятся за каждым словом.

Рукопись готова. Принята к опубликованию. Её предварит врезка «От редакции: В помещаемой ниже статье геолога В.М. Сеньюкова, молодого энтузиаста-исследователя Сибири, изложены результаты его двухлетних исследований... Проблема нефтеносности Сибири имеет чрезвычайно большой практический и теоретический интерес, причем особенно интересна... нефтеносность кембрийских отложений. Вопрос нефтеносности кембрия Сибири представляет новое явление большого научного значения, ибо известно, что в пределах Советского Союза нефтеносность кембрийских отложений отмечается впервые. На основе сообщаемых в настоящей статье данных и материалов других исследований на 1935 год запроектированы большие работы, организуется мощный поход на разведку нефтеносных недр Сибири, ибо оказывается, что признаки нефти в Сибири имеют широкое региональное распространение».

Выступая в декабре 1934 года на Всесоюзной конференции геологов–нефтяников, Губкин отметит:

– Еще пару лет назад мы о сибирской нефти могли говорить только как о некоторых предположениях. В настоящее время сибирская нефть встала перед нами как большая проблема... Видели нефть и в районе Тавды, к востоку от Урала, и в районе Сургута, и на дальнем Севере, в устье Хатанги, на Нордвике... И самое, если хотите, сенсационное известие – это находка битумов в Ленско-Олекминском районе, на реке Толбе, в отложениях нижнего кембрия... Таким образом, выявляется совершенно новая нефтеносная область...

Прежде чем увидит свет статья Сеньюкова «Проблема нефтеносности кембрийских отложений Сибири в бассейне рек Лена–Алдан», произойдет встреча, которая, по сути, и положит начало «мощному походу на разведку нефтеносных недр Сибири».

В номере «Правды» за 22 октября 1934 года под рубрикой «Со всех

концов Советского Союза» промелькнуло коротенькое сообщение:

«Ленинград, 21.X.(Роста). В Ленинград из Якутской разведки возвратилась экспедиция НГРИ. Экспедиция открыла на р. Толбе в Олекминском районе месторождение нефти.

По словам начальника экспедиции Сенюкова, нефтеносность установлена на протяжении 30 километров. Для определения промышленного значения нефтяного месторождения предполагается организовать буровые разведки».

Эта информация могла бы и пройти незамеченной: она, как говорят журналисты, была «дана в подверстку». Но она не ускользнула от взгляда Серго Орджоникидзе, наркома тяжелой промышленности.*

Стране, выполнившей пятилетку индустриализации и занятой новостройками второй пятилетки, недоставало топлива. Нефть нужна была позарез. А особенно сибирская! Потому с докладом об исследованиях в Сибири студенту Сенюкову придется выступать не в геологическом отделении Академии наук, а в Деловом доме на площади Ногина. В просторном кабинете Орджоникидзе, который, узнав о спорах вокруг сибирской нефти, назначает у себя заседание, посвященное проблеме расширения источников сырья для промышленности с приглашением и хозяйственников, и ученых.

На совещание к члену правительства пришли академики Губкин, Архангельский, Вернадский, Ферсман – мировые светила геологии, многие другие крупные ученые, ведущие работники промышленности. И поначалу Василий растерялся: вокруг, в кабинете наркома, сидели убеленные сединами, умудренные жизненным опытом люди, которым предстояло слушать его, Василия Сенюкова, невзрачного на вид, сухощавого, еще и не оперившегося как следует «птенца». Человека, у которого за плечами было всего четыре курса института. Но окрыляли слова одобрения, сказанные накануне Иваном Михайловичем Губкиным, его дружеская улыбка, а главное – его вера в «кембрий Сенюкова». Но здесь были и другие, облеченные высокими званиями ученые мужи, те, кто откровенно выказывал неприязнь к теме его доклада и, кривя губы, то и дело посматривал на часы, находя, что и доклад «зарвавшегося студента», и само его обсуждение – зряшная трата времени.

Но голос Сенюкова, хриплый от бесчисленных простуд в тяжелых, с частыми бессонницами походах по таежным дебрям Сибири, звучал уверенно:

*В Наркомат тяжелой промышленности в январе 1932 года был преобразован Высший Совет Народного хозяйства (ВСНХ), председателем которого Орджоникидзе был с ноября 1930 года.

– Речь идет о нефти, которой шестьсот миллионов лет. Нефти, старше которой не может быть, ибо она притаилась на дне жизни, у самого кристаллического ложа Земли, ниже которого нет органических веществ, нужных для образования нефти. В кембрии сошлись два начала – зарождение жизни на Земле и зарождение нефти. Поэтому даже капля «живого» кембрийского «черного золота» будет иметь для науки принципиально важное значение.

– Мы считаем, что исследование кембрия преждевременно. Не надо опережать события: еще не изучены и не разбурены более молодые пласты осадочных пород, лежащие сразу под третичными слоями, – перебивали студента.

– Да, до сих пор мы добываем только одну третичную нефть, её возраст от силы миллион лет. А сколько нефти могла накопить природа за 600 миллионов лет! В 600 раз больше! Во столько раз может увеличить в перспективе добычу «черного золота» в стране нефть кембрия. Но, кроме того, и это, возможно, еще главнее, она откроет дверь к нефтяным сокровищам вышележащих, более молодых слоев – всего палеозоя, всего мезозоя и всего кайнозоя. Будет навечно сломлено недоверие к той же девонской нефти «второго Баку», которую предсказывает академик Губкин. Мы, наконец, глубже проникнем в тайны нефтеобразования. Ведь до сих пор мы не знаем его закономерностей.

– Но позвольте! Да будет известно, что в Соединенных Штатах Америки буровыми скважинами пройдена вся толща осадочных пород до самого кристаллического фундамента и неопровержимо доказана нефтяная бесплодность кембрия.

– Американские монополии потратили не одну сотню миллиардов долларов и не один десяток лет на поиски нефти. Но они вели и ведут их с помощью «диких кошек», без научно выверенной теории. Это длительный путь, поиски наудачу, на счастливую находку. Такой путь нас не устраивает. Нам нужны другие, а именно ударные темпы! Нам некогда торить путь к нефти на ощупь, вслепую, его надо таранить...

Переведа дух, продолжал:

– И потом... Товарищ Серго! Товарищи академики! Товарищи практики! Это же будет первая сибирская нефть!

– Сколько стоила ваша прошлогодняя экспедиция? – спросили Сенюкова.

– Семнадцать тысяч.

– Довольно скромно... А во сколько, по вашим подсчетам, обойдется разведочная скважина в Якутии?

– В полтора миллиона.

– Да на такие деньги можно пробурить двести скважин в Баку! И там – реальная нефть. А тут еще бабушка надвое сказала...

– И кроме того, – добавляли другие, – надо товарищу студенту сказать, что в будущем году восемь миллионов рублей ассигнуется в стране на все геолого-разведочные работы на нефть. И известно, что будут расширены поиски нефти в Прибайкалье, где бурение ведется во всё больших масштабах. Разве Байкал – это не Сибирь?

– Да, там ведется поиск нефти, но в третичных отложениях. Это бесцельная, бессмысленная трата времени и государственных средств. Нефти в третичных отложениях Сибири нет. В этом я убедился еще два года назад. Кембрий и только кембрий решит проблему сибирской нефти! Иначе её можно искать еще сто лет и – не найти!

Кто знает, может, слушая речь Сенюкова, его рассказ об экспедиции в Якутию, Серго вспоминал время, когда сам он, лишенный всех прав состояния ссыльнопоселенец деревни Потоскуй Пинчугской волости Енисейского уезда и губернии, трижды осужденный за «государственные преступления», отмерял, закованный в кандалы, звеня цепями, десять тысяч верст через всю Сибирь – по пути на вечную царскую ссылку в Якутию; вспоминал сплошные нары в два яруса на ленском паузке, пугь водой от Иркутска до Якутска: Качуг, Усть-Кут, Киренск... Островежные скалы, дремучую тайгу, вечную мерзлоту далекой якутской деревушки Покровское, в девяноста верстах от Якутска, – здесь Серго занимал должность фельдшера в сельской больнице... «Якутская политическая ссылка оставила свою вечную зарубку в памяти. И не только в памяти. «Страна изгнания, страна – родина», – слова Серго об этом суровом крае. Кто-кто, а Серго слишком хорошо понимал, какой нечеловеческой ценой достаются метры пути по дебрям, горам, насквозь и навечно промерзшей земле Якутии. И какого лиха надлежало хлебнуть, чтобы добыть те сведения, которыми оперировал Сенюков в докладе.

Серго, пряча улыбку, но не скрывая восхищения, наблюдал за сражением студента с признанными авторитетами науки и народного хозяйства. Александр Серафимович, поражаясь знаниям, которыми заваленный громадой дел успевал овладевать Серго, как-то заметил: «...ему очки не вотрешь».

– Кембрий и только кембрий решит проблему сибирской нефти!

Услышав эти слова Сенюкова, чувствуя, что правда не на стороне убежденных седидами и годами ученых и хозяйственников, а на стороне

студента, покоренный упорством молодого, внешне тщедушного исследователя, темпераментный нарком, не выдержав, ставит в споре точку:

– Последнюю рубашку сниму, но отдам для такого дела. Пусть ищет! Он — найдет!

Задорные искорки загорались в глазах Серго, когда он говорил дальше, показывая на Сеньюкова:

– Посмотрите на него, члены коллегии! Он сильнее всех нас. Вот какая настойчивость нужна, чтобы двигать наше дело вперед. Этот человек – таран! Необходимейший сегодня человек! Если бы все мы были такими же упорными, мы бы построили социализм в десять раз скорее!

Уже после заседания, подойдя к Сеньюкову, тронув его за локоть, полуобняв, Серго сказал:

– С виду ты вроде такой щуплый... Откуда в тебе такая сила и мощь?!

Вряд ли есть резон ручаться за протокольную точность разговора, состоявшегося у Орджоникидзе. Важно, что он имел место. А еще важнее, что он дал желанный результат. В распоряжении Наркомтяжпрома всего-то только и было тогда двадцать один буровой станок на всю страну. То есть каждый ценился на вес золота, и всё же один из них был отдан Сеньюкову. Отпускаются средства на продолжение поисков и разведки нефти в Якутии.

Благословив «мощный поход на разведку нефтеносных недр Сибири», Серго вряд ли представлял себе, насколько пророческой окажется его вера в сибирское «черное золото», какие моря нефти откроют энтузиасты-исследователи его «страны изгнания».

Но не успокоились те, кто был публично повержен Сеньюковым в день заседания у Орджоникидзе. Не понаслышке зная «о напористой» хватке, о дотошности и «всеядности» Василия, кое-кто пустил слух:

– А не кулацкий ли он сын? Очень похоже...

Со временем слух, как пущенный под гору снежный ком, обрастал новыми домыслами. И в самый раскат массовых репрессий в стране этот вопрос был задан Сеньюкову уже в упор. Пришлось ему изложить на бумаге подробную автобиографию, а в начале мая 1936 года поехать в родное село Онежье, чтобы получить письменное, заверенное гербовой печатью подтверждение односельчан, что он всё-таки мог родиться только в семье лесоруба, крестьянина-бедняка.

Такое времечко было.

Нефтепоисковые работы в Якутии с 1935 года возлагались на трест «Золоторазведка», входивший в состав Наркомата тяжелой про-

мышленности. Была создана комплексная Лено-Алданская экспедиция, в которую и включалась возглавляемая Сенюковым Толбинская геолого-разведочная группа по поискам не только нефти, но и золота.

Основной состав экспедиции выехал из Москвы в начале апреля, чтобы загодя приспеть к самому паводку и сразу после того, как вскрыется Лена, вовремя сплавить вниз по реке оборудование и снаряжение к местам поисков. Сенюков с женой выберутся из Москвы лишь в середине мая: Василию надо было доканчивать работу над дипломным проектом на тему «Разведка трапповых структур в Олекминско-Толбинском районе» и защитить его на «отлично».

По предложению Губкина Сенюкова зачисляют в аспирантуру при институтской кафедре «Разведка нефтяных месторождений». Но будущий аспирант мыслями уже был в пути на «свою» далекую и близкую Толбу.

Это видно на любой географической карте: обогнув Байкал с юга, «нитка» Транссибирской магистрали, удаляясь на восток, восходит затем почти до уровня северных широт озера-моря. Если сойти с поезда на станции Невер, то автомобильным трактом можно добраться до поселка Алданзолото, что стоит у крутой излучины реки Алдан. Отсюда до русла реки Амги напрямую тайгой километров сто шестьдесят. А там рукой подать до базы «Якутзолото» – условленного места, откуда караван экспедиции должен был начать путь к верховьям Толбы. По расчетам казалось: на базу «Якутзолото» Сенюков и Флерова подоспеют вовремя, если даже проследуют таким, на первый взгляд, круглым маршрутом.

От поселка Алданзолото путь предстояло пробивать водоразделом, сквозь тайгу, где не было ни одной, даже охотничьей тропинки. Раза четыре пришлось устраиваться на ночевки у лесных опушек, подступавших к ручьям. Через бурливые реки, как обычно, переправлялись на плотах, сколоченных наспех охотничьим топориком. Идя вдоль берегов рек, вели беглый осмотр пластов осадочных пород в обнаженных скалах там, где это не удалось сделать из-за пожара прошлым летом. И вот впереди завиднелась Лена. Полноводная, разлившаяся во всю ширь.

Вышло так, что чета Сенюковых явилась на базу Якутзолото первой: об экспедиции здесь пока еще и слыхом не слыхали. Он тут же в долг отбивает срочные телеграммы в четыре адреса: в Иркутск,

Якутск, Усть-Кут, Москву. Текст примерно один и тот же: «Руководство и снаряжение экспедиции на Лену не прибыли. Сообщите место нахождения. Время торопит».

Время действительно торопило: надо было ускорить доставку оборудования и снаряжения, пока не начала спадать большая вода и на Лене, и на Толбе. Был дорог каждый день.

Не дождавшись ответа на телеграммы, Сениюков обращается за помощью к своим старым знакомым – работникам Эвенкийской кооперации, Сельхозпромартели, колхоза, затона. Предварительно сделав расчет, набрасывает чертежи, по которым местные плотники начинают мастерить лодки, «спроектированные» Сениюковым с учетом «капризов» всех перекатов и порогов Толбы. В кредит – под честное слово – ему выкраивают запас провизии, выдают конное тягло со всей сбруей.

На хлопоты ушло недели полторы. Членов экспедиции всё не было.

Лишь на двенадцатый день приплыла группа, которую предстояло возглавлять Сениюкову. В снаряжении, однако, не оказалось самого нужного – ни палаток, ни обуви. Неизвестно было, когда прибудет буровой станок: сказали, что он погружен на специальный карбаз,* но тот, возможно, где-то застрял в пути. Начальника экспедиции, по его же словам, меньше всего интересовала нефть: его главная задача – разведка золота.

Ничего не оставалось делать, кроме одного – собираться в дорогу. Караван в сорок пять лодок, тяжело груженных приборами и оборудованием для электроразведки, магнитометрических исследований, теодолитами, провизией и другим необходимым снаряжением, отчалил от Ленского берега и взял курс на верховья Толбы. За «золотым руном» вместе с Сениюковым теперь поплыла команда в сто человек.

Как и ожидалось, Толба уже начала мелеть. И – пересыхала на глазах. Солнце пекло нещадно – обычная континентальная жара. Лошади тянули лодки цугом. Особенно мучительны были переходы через перекаты. Стремительно несущийся поток клокотал, и порой казалось, что лошади не выдержат неистового напора воды, сдадут: по сути лодки приходилось тащить волоком – по выпиравшим из воды камням.

На первом большом перекате все пятьдесят лошадей пришлось перепрягать поочередно в три лодки, и, пока был переправлен весь караван, ушел день. «Если по дню на каждый перекат, – а один от другого здесь разделяли самое большее четыреста-пятьсот метров, – караван у цели будет никак не раньше зимы».

*Так местные жители называли небольшие паузки (баркасы). (- Авт.)

Сенюков предлагает:

– Будем впрягать в цуг по четверке лошадей, а им тянуть поможем – как бурлаки, сами свяжемся бечевой вдвядцатеро-десятером.

Опасно было ступить в воду босиком: Толба течет по вечной мерзлоте. За неимением бахил и бродней лодки пришлось тащить, влезая в воду в собственных обутках, кто в чем оказался: в ботинках, в полуботинках ли, или в насквозь протекавших сапогах.

В накомарниках становилось невыносимо душно, и их то и дело приходилось снимать. Лица тут же покрывало зудящими нарывами: заедал гнус. На ночлег устраивались, не сбрасывая промокшей до нитки одежды. Её не успевали высушивать загодя: к вечеру, как только солнце скатывалось за гребни скал, становилось довольно холодно, а караван был в пути до самой темноты.

Скрежет камней о днища лодок, людской гомон, перекрывавший грохот вод на перекатах и порогах оглашали леса, столпившиеся по берегам. Разбуженная тайга, верно, дивилась и многолюдью, и зычным крикам. Но и жестоко мстила, – видно, за то, что её лишали покоя.

Донятые комарьем, знойной жарой в полдень и знобкими полными холодами, люди валились с ног. Сенюков подбадривал всех шуткой, добрым словом, хотя самому доставалось лиха не меньше.

Превозмогая усталость, все снова и снова становились в упряжку рядом с лошадьми и тянули лодки вверх по Толбе-реке. И стеснялись роптать: видели – сам Сенюков не унимался, хотя, глядя на него, обросшего, осунувшегося, в сплошных нарывах, с впалыми глазами, невольно говорили:

– Одни кости да кожа... И в чем только душа держится...

Потому что сроду не встречали они другого такого «товарища из Москвы, так злого до работы».

А Сенюкову вспоминались слова Серго: «Пусть ищет. Он – найдет!» И забывались недуги, меньше ощущалась усталость. Ночами, когда засыпал весь лагерь, Василий уже видел в мыслях первую в Якутии буровую вышку, поднявшуюся по-над берегом шумливой Толбы.

Восемьдесят точек – структур, благоприятных для скопления нефти, – было найдено в прошлом году. Из них нужно выбрать одну, наивыгодную. Ту, которая «поднимет» нефть наверняка. Малейшая неточность в замерах, незначительный просчет в вычислениях, – значит, верная неудача. Значит, дальнейшие разведки будут отложены на годы. На многие годы: это будет слишком дорогостоящая ошибка, которую не простят.

Палаточный городок экспедиции был разбит на островке про-

тив устья речки Кучугей-Биллях. Геофизики спешно принимаются за инструментальную съемку – геологические исследования района с помощью теодолитов и приборов электро- и магнитометрии. Под кронами четырех лиственниц наскоро оборудуется походная лаборатория – шалаш из корья и хвои. Здесь размещается перегонный аппарат «Соклетта» – установка, на которой будет вестись анализ проб пород. По результатам замеров составляются карты структур – так называемых трапповых поднятий, под «куполами» которых, как считал Сениюков, только и может залегать нефть.

Анализы всё чаще и настойчивее указывают на бесспорную нефтеносность проб, взятых из обнажения под порядковым номером 386; схематическое изображение его отложений в профиле и в плане было – с таким трудом! – составлено Сениюковым еще ровно год назад, здесь же.

Прогноз оправдывался. Еще и еще раз выверяются по таблице данные анализа.

Точка, где будет заложена пока одна-единственная буровая скважина, определена:

– Здесь с глубины около 350 метров должна пойти промышленная нефть!

Выбор пал на ставшую потом знаменитой в истории геологии «Кучугей-Билляхскую структуру».

Сениюков поручает нанятым на свой риск рабочим очистить от леса площадку, начать строить вышку, жилой барак и склад – с таким расчетом, чтобы можно было вести работы и зимой, в обычные для здешних мест шестидесятиградусные морозы. А сам садится в легкую «ветку»-берестянку и спускается вниз по Толбе на базу «Якутзолото». За буровым станком. За провизией: запасы её были уже на исходе. За экспедиционным снаряжением.

Карбаза с буровым оборудованием и руководством экспедиции здесь пока не было, хотя на дворе уже стоял август.

– Э-э, парень! – говорили Сениюкову. – Зря ты пенку мечешь! Твоего начальника не согнешь в бараний рог. Он здесь как бог! Ему всё нипочем! Будет так, как угодно его воле! А ей, видно, угодно так, что... одно слово – золото... А что для него нефть?!

Сениюков отбивает телеграмму-молнию в три бланка убористого текста – в Москву, начальнику треста «Золоторазведка». Ответа не последовало.

Но Сениюков не остается без поддержки. На базе «Якутзолото» ему снова отпускают в кредит продовольствие. Свой пай вносит и контора

Эвенкийской кооперации: «под честное слово» она тоже выделяет провиант для Сенюкова и его отряда.

Весь груз навьючивается на оленей. В проводники вызвались многие из тех, кто в начале лета поднимался по Толбе с караваном в сорок пять лодок.

Продовольствия, даже если сидеть на довольно скудном пайке, едва должно было хватить меньше чем на месяц. Порой отказывая в еде, питаясь от рыбной ловли и охоты, рабочие корчевали пни, распиливали тес, сколачивали деревянную вышку, встроив в её основание барак.

Уходил август. Поплыли по воде первые опавшие «пяточки» пожелтевших листьев. Ночи становились еще более стылыми и знобкими.

Пока поднимались стропила вышки, Василий целыми днями пропадавал в тайге – покрывал новые маршруты, чтобы охватить геологической съемкой новые, еще неизведанные площади Лено-Алданского междуречья. Забегая вперед, скажем: это ему придется как нельзя кстати в будущем.

Опасения Василия оправдывались: ни бурового станка, ни самого начальника экспедиции не было. Тот появился в лагере отряда Сенюкова, когда уже выпал снег. И – чего больше всего и боялся Сенюков – с пустыми руками. Будучи навеселе, небрежно бросил:

– Деньги были и все вышли. Станок потонул.

– Ты что, хочешь сорвать задание Орджоникидзе? Государственное поручение! Ты понимаешь, что ты делаешь? Ты за это ответишь сполна!

– Ты, браток, вот чего – не забывайся! – едва бубнил начальник. – Здесь закон – тайга. Враз – и поминай...

Послышался щелчок предохранителя браунинга. Но «таежник» Сенюков вовремя сориентировался. И – не оставалось ничего другого – ловко ударил ногой наводившего дуло. Браунинг выпал в болотную хлябь и исчез, а его обладатель со стоном рухнул на землю. Беда, казавшаяся неминуемой, была отведена.

Надо было срочно выезжать в Москву, улаживать дела. По Толбе – на «берестянке», по Лене – пароходом до Жигаловой, там – на попутной машине до Иркутска...

Но человеку все-таки не дано превозмочь собственных сил. Нагрузка, выпавшая на долю Сенюкова и в эту экспедицию, надломил его. С трудом добравшись до Москвы, он слег. Диагноз врачей: «ги-

бельно полное истощение организма, острая вспышка ревматизма... Жар устойчиво держится выше 40 градусов. Его спасёт только чудо»...

– Надежды ничтожны, но, возможно, будет жить, – говорили врачи.

На миг приходя в сознание, Сеньюков спрашивал об одном:

– Как со станком... со станком...

Сестры и врачи, бившиеся за еле теплившуюся жизнь, не в силах были сдержать слезы: о какой, мол, ерунде печется...

Крелиусный станок в урочище на Толбу, против устья Кучугей-Биллях, был доставлен. Но – уже только будущим летом. Начало бурения первой кембрийской скважины откладывалось еще на год. Буристанга пройдет первые метры вечной мерзлоты лишь в августе 1936 года.

Уже в 1941 году, рассказывая о Сеньюкове, газета «Правда» напишет:

«Первые породы кембрийского возраста с наличием нефти были обнаружены им в 1933 году... Потребовалась огромная любовь к делу, уверенность в своей правоте и настойчивость, чтобы пробить стену неверия, прямого противления, а со стороны отдельных людей и саботажа, чтобы добиться утверждения предложенной им программы буровых работ».

Добавим: равно как и воплощения её в жизнь.

Но разворачивались события, которые в ту пору многие попросту отказывались понимать.

Страна с энтузиазмом поднимала новые домны и плотины, возводила заводы-гиганты и закладывала фундаменты социалистических городов, строила мощные турбины и отечественные самолеты, ликовала, встречая участников челюскинской эпопеи... И в то же время происходят аресты преданных Родине людей, во «враги народа» записываются многие из тех, кто вместе с Лениным делал революцию, работал с ним бок о бок. Тень падала на, казалось, самые безупречные имена.

«Так было: единоверцы партии, неся её идеи в массы, не щадя жизни, отметили «контру» и на селе, и в городах. Но теперь, по чьей-то недоброй воле, под тем же священным стягом партии их собственное оружие оказывалось обращенным против них самих – тех, кто был революцией и мобилизован, и призван».

Участь «неожиданно исчезнувших» ждала «инакомыслящих» студентов и преподавателей Московского нефтяного института. Всё чаще появлялись директорские приказы об отчислении из института «студентов-врагов народа».

И.М. Губкин в институте, уже тогда носившем его имя, директором числился лишь формально. Фактически он оставался не у дел – «по болезни»: нетактично и нелогично было отстранять от руководства институтом ученого с мировым именем, тем более накануне международного геологического конгресса, который, по предложению академика Губкина – участника предыдущего форума, должен был собраться в Москве летом 1937 года. Но всеми директорскими делами в институте уже ведал не Губкин.

Пока Сенюков проболел и пробыл месяцы на лечении в одном из южных санаториев, противники кембрия «убедили» Орджоникидзе в бесполезности поисков нефти на Толбе: времени прошло достаточно, а результатов действительно не было. Факты были за тех, кто считал кембрий «бесплодным». «Причины и подробности – дело третье. И мы им займемся особо!» – заверяли наркома.

Пройдя курс лечения, аспирант Сенюков так и не получает возможности вернуться в Москву. Тут же, с июня 1936 года, его командировают на производственную практику с экспедицией Института горючих ископаемых Академии наук СССР в Крым и на Кавказ. Цель: изучение грязевых вулканов Крымско-Кавказской нефтяной провинции. Срок практики кончался в сентябре. «Отлучение от кембрия» было продлено до ноября, когда уже, по сообщениям радио, в Якутии установились трескучие морозы.

Сразу по окончании аспирантской практики Сенюков едет в Якутию – к трескучим морозам. Урочище у устья реки Кучугей-Биллях считали глухим медвежьим углом даже якутские старожилы. И зимников-снегопутков к тем местам никто никогда не прокладывал. Подвода с санями-волокушами шла то низом заснеженных осыпей, то лесом – в обход буреломов и скал, то узкой береговой полоской – в обход уступов и изломов льда у перекатов и порогов. Чтобы полозья скользили легче, возница-проводник и Сенюков то и дело обливали их кипятком, который тут же примерзал, «прикипая» прозрачной ледяной коркой. Стужа стояла знатная. Пар от дыхания не клубился – он тут же свертывался в снежные кристаллики. Нельзя было казать носа. Оставалось одно – кутаться с головой в кошевке. Инисто скрипел под волокушами снег. В немом бездыханном покое замерли заиндевелые деревья, скалы, обрывы, осыпи.

Но на Толбе, несмотря на долгое отсутствие Сенюкова, двигали вперед дело его единомышленники: якуты, эвенки, русские, глубоко поверившие ему, мечтавшие о расцвете Якутии. Был смонтирован

станок, достроена вышка, закончены все подготовительные работы, велась проходка скважины.

Люди не покидали буровой. Поочередно уходили в тайгу на охоту, добывать прокорм, посменно ложились спать, но присмотр за работой бурштанги, подъем кернов – образцов пород с каждого метра проходки мерзлого грунта, – всё это велось круглыми сутками. Когда ударили пятидесятиградусные морозы, бурильщикам надо было постоянно отогревать скважину горячей водой, иначе стужей прихватит буровые трубы и остановится станок. Сеньюков тщательно просмотрел все шлихи известняков. И уже в керне, взятом из глубины 109 метров, обнаружил первые капельки «живой» нефти. Целые каверны, заполненные жидкой нефтью, нашлись в шлихах более нижних горизонтов.

– Значит, Кучутей-Билляхская структура должна дать нефть. Она пойдет с глубины 375 метров, – прикидывал Сеньюков.

Ободренный верностью буровиков, Сеньюков едет на санях на базу «Якутзолото». Отправляет телеграмму-молнию в Москву, в Наркомат тяжелой промышленности: «Бурение возобновлено. В трещинах известняка жидкая нефть. Жду подкрепления 160 тысячами».

Проходит день, второй. Подается телеграмма-дубль. И – ответ: Сеньюкова просят срочно возвратиться в Москву. «Стоял январь 1937 года. На дворе мела поземка, и настроение, с которым я шел по заснеженным улицам Москвы на заседание коллегии Наркомата тяжпрома, куда меня пригласили, было отнюдь не бодрим: меня ждало обвинение во вредительстве. Знал: что ни день следовали аресты сотрудников Наркомтяжпрома. Заседание коллегии вел Орджоникидзе. Он сильно изменился, выглядел подавленным, измученным, как после долгих дней бессонницы. Докладчик по моему вопросу потребовал, чтобы мной занялся НКВД. Но тут произошло непредвиденное. Пока все слушали докладчика, к Орджоникидзе зашел помощник и что-то передал ему. И вот, выждав некоторое время, нарком прервал выступавшего, поднялся и зачитал только что поступившую телеграмму: она извещала, что на нашей Кучутей-Билляхской буровой, с глубины 372 метра, пошла долгожданная нефть. Двести литров в сутки. «Докладчик» так и застыл с открытым ртом. Радости моей не было предела. Как же я был благодарен буровикам, спасшим меня от неминуемого ареста! Ведь от них пришла не только телеграмма. Они прислали в Москву, в Наркомат на имя Орджоникидзе семисотпятидесятиграммовую бутылку с первой «живой» сибирской – первой в мире КЕМБРИЙСКОЙ НЕФТЬЮ».

Сеньюков шел на заседание Наркомата с повинной головой, гото-

Весть об открытии первой кембрийской нефти на сибирской реке Толбе, в Якутии, облетела весь мир. «Даже знатоки нефтяной геологии, – заметит, правда, уже в 1964 году академик Щербаков в брошюре «Предвидение геолога», – были поражены и поставлены в затруднительное положение, так как не знали, чем объяснить это совершенно неожиданное явление».

Рассказывают, что газеты американских монополий, застигнутые врасплох открытием, на чем свет честили своих геологов, угробивших на многолетние, но тщетные поиски нефти на «дне» жизни Земли сотни миллионов долларов. «Русскому геологу Сеньюкову, – подчеркивали корреспонденты этих газет, – понадобилось всего около миллиона рублей. Но он нашел нефть нефтей. И – всего за год!» Назывались баснословные суммы, которые, стремясь перещеголять друг друга, нефтяные короли предлагали Сеньюкову за одну его консультацию по перспективам нефтеносности кембрия.

Ажиотаж в зарубежной прессе вокруг кембрийской нефти не утихает многие годы. Рокфеллеры и Морганы снова вкладывают еще более крупный капитал в поиски «черного золота» кембрия. Но снова и снова – впустую.

Уже позже, в 1954 году, одна из французских фирм, пожелавшая получить у Сеньюкова консультацию по вопросам нефтегазоносности кембрия в Сахаре, присылает в Москву своего представителя. Сеньюкову передают также приглашение провести обзор и отбор площадей на кембрии в Австралии.

Но он еще с первого курса института навсегда запомнил слова Губкина: «Нефть – стратегическое сырье. Она в конечном счете решает

всё! И в мирном строительстве, а в военное лихо и подавно: случись война – её не выиграть без нефти!» А кроме того, учитывая «скользкую» обстановку тех лет, неизвестно, как и чем могло обернуться даже само положительное отношение к просьбам заграницы.

Сениюков искал в Сибири не просто кембрийскую – оборонную нефть. Для своего Отечества. Только!

Узнав об открытии, Губкин, обычно скупой на внешние проявления чувств, растроганно обнял своего ученика:

– С победой тебя, Василий! С великой победой! Великой – потому что знаю, она стоила великих трудов! Великой – потому, что твое открытие наповал бьет маловеров от науки. Кто теперь осмелится сказать, что бесплоден «девон Губкина», девон «второго Баку»? Это славно, очень славно!..

И, немного подумав, добавил:

– Сейчас тройне важно всемерно усилить поиски нефти: конгресс показал, что нам, видно, не миновать войны. Это слова не паникера. Это мнение – от реального, трезвого взгляда на обстановку. А нам войны без нефти, сам знаешь, не выиграть. Это точно!*

Геологическая наука страны вступает в новый этап. Возглавляемое И.М. Губкиным Главное геологическое управление (ГГУ) Наркомтяжпрома СССР заметно наращивает объем разведочных работ на нефть и в районах «второго Баку», и в Сибири. Исследованиями на новой основе, с учетом достижений науки, покрываются отдаленные, еще никем не изученные районы Союза. Расширяется география поисков с целью создать мощную и надежную минерально-сырьевую базу для быстрорастущей индустрии. Впервые выдвигается лозунг: «Обеспечить геолого-разведочному делу темпы, которые должны опережать темпы развития промышленности. Страна не должна знать нефтяного голода!»

В довоенное время у нас добывалось от силы 30–35 миллионов тонн нефти в год, что уже тогда было намного ниже потребностей народного хозяйства. И хотя фактически главное место в топливном балансе страны по-прежнему занимали уголь, торф и дрова, намечался курс на увеличение добычи нефти.

Высшее геологическое учреждение страны особо важным считало поиски «черного золота» в недрах Сибири.

*Речь о Международном конгрессе мира, состоявшемся в Брюсселе в 1936 году. Академик Губкин был делегатом конгресса от СССР.

Вопрос о систематических, научно обоснованных поисках нефти в Сибири Губкин с особой остротой ставил еще на первом совещании сибирских геологов весной 1934 года. После открытия нефти на Толбе наступление на недра этой обширной страны, раскинувшейся от Уральских гор до Тихого океана, приобретает небывалый, широкий размах.

Летом 1937 года Сенюков и Флерова снова едут в Якутию. Исследуют бассейны и водоразделы рек Май, Юдомы, Алдана и Аллах-Юны. Составляют подробные геологические карты, чтобы получить более полное представление о «телосложении» недр Якутии.

Детальная обработка материалов экспедиций 1933–1937 годов позволяет определить: нефтеносность кембрийских пород в Сибири прослеживается на протяжении четырех тысяч километров! Дело за тем, чтобы широко развернуть здесь буровые работы.

В ноябре 1937 года Сенюков становится заместителем Губкина по Главку геологии Наркомтяжпрома СССР. Тем самым Учитель как бы вверяет своему питомцу и единомышленнику полный карт-бланш.

«Ибо как только прошел в Москве очередной Международный геологический конгресс, отношение к академику со стороны властей, а больше – непримиримых идейных противников стало еще ощутимее идти к худшему. Обстановка недоверия и подозрительности с каждым днем накалялась. Любые упущения в прогнозах Губкина расценивались поднявшими головы горе-теоретиками не просто как досадная ошибка, а как саботаж.

Тридцатилетний Сенюков впервые стал по-настоящему понимать, в каком горячем, обжигающем водовороте событий он оказался, едва успев занять высокое для его возраста кресло.

Надежды на некоторое послабление связывались с Пленумом ЦК в январе 1938-го: он осудил грубые злоупотребления, допущенные ведомством Ежова. Однако аресты, ссылки, расстрелы продолжались. Пока в ноябре того же года не вышло Постановление ЦК о «грубейших нарушениях социалистической законности». Но оно оказалось лишь прологом к принятию Сталиным решения – освободить Ежова от обязанностей руководителя НКВД. А на его место назначить нового наркома – Лаврентия Берия.

Зная, что находится под постоянным и придирчивым присмотром «недреманого ока» Лубянки, Сенюков, неизменно подбадриваемый и поддерживаемый Губкиным, тем не менее уверенно берется за штурвал управления Главком. По его инициативе создается специальная Якутская нефтеразведочная экспедиция, которую возглавит

бывший сокурсник по институту Александр Кутуков, позже широко известный специалист-нефтяник. Вслед за этим Сеньюков решает учредить Якутское геологическое управление, которое само могло бы на месте определять пути дальнейших нефтепоисковых работ в этой республике. Почти одновременно организует и Восточно-Сибирское геологическое управление в Иркутске.

– Это очень верно, – одобряя начинания Сеньюкова, говорил Губкин. – Моя работа в СОПСе показала: геологическое изучение такой обширной страны, как наша, нельзя и дальше вести лишь путем посылки экспедиций, наскоками. Только свои геологические учреждения на местах в состоянии постоянно, конкретно решать задачу по разведке природных богатств в данном районе. И результатов, и толку от этого, уверен, будет куда больше.

Позднее по предложению Сеньюкова в составе Главгеологии Наркомнефтепрома учреждается специальное Бюро по сибирской нефти.

Ширится фронт геологических изысканий и в районах между Волгой и Уралом. Летом 1938 года по поручению правительства Губкин едет сюда, чтобы лично обследовать основные месторождения «второго Баку», посетить буровые, побеседовать с рабочими, специалистами. Дело в том, что многие из заложенных здесь скважин, вопреки ожиданиям, оказывались «сухими». Прогнозы ученого скептиками и маловерами от науки назывались «ложными». Академика, что становилось уже назойливо-привычным, ждало «обвинение в преднамеренном, наперед рассчитанном вредительстве». Однако поездка в Поволжье и на Урал окончательно укрепила веру ученого в перспективы нефтеносности глубоких горизонтов земной коры – девона.

– То, что давало и дает сегодня «второе Баку», – это только «цветочки», – заметит по приезде в Москву Иван Михайлович. – Ведь мы пока коснулись лишь пластов карбона. Так что «ягоды и плоды» – и в большом обилии! – еще впереди.

Продолжавшаяся не одну неделю поездка позволила Губкину дать исчерпывающий анализ геологического строения Урало-Поволжья, определить главные направления и методы поисков «черного золота» девона, прямо указать точки, где следовало заложить буровые на верную нефть.

Но сбыться предсказаниям академика Губкина в ту пору суждено не было. Конечно, здесь сыграла свою роль негласная опала, в которой ученый давно пребывал. Дело откладывалось и по вине маловеров и скептиков: каждую неудачу в поисках нефти «второго Баку» они пре-

подносили как очередной «провал гипотез Губкина» и подтверждение «теории» Калицкого; её сторонники, к слову, оставались на редкость верными себе. В 1944 году была открыта первая девонская нефть, но вот в двенадцатом номере журнала «Нефтяное хозяйство» за 1945 год сообщается: «Генезис этой нефти можно без каких-либо натяжек объяснить в плане концепции К.П. Калицкого». «Концепции», которая вообще не признавала в природе столь древней нефти!

Освоение девона, как, впрочем, и других «дальних» нефтяных пластов, тормозилось в известной мере отставанием техники бурения. До войны предел её возможностей – скважины глубиной самое большее в 1100–1200 метров. Пока не появятся потом так называемые турбобуры, которым под силу будет вгрызаться в те земные толщи, где природа и скрывала несметные кладовые нефти.

Увидеть это наяву академику Губкину не доведется. 22 апреля 1939 года центральные газеты выйдут с извещением о его кончине. Кончине, тайна которой остается непроясненной и поныне. Ибо за два-три дня до этого Губкин выглядел по обыкновению бодрым, шутил:

– Я полон жизнерадостности, энергии. Как перед молодым, перед мною «жизни даль лежит светла, необозрима»...

Для Сенюкова уход Губкина стал не просто невосполнимой потерей, а сколь неожиданным, столь и оглушительным ударом. Никак не хотелось верить в то, что отныне никогда больше не будет рядом самого дорогого, самого близкого Друга и чуткого Наставника. Великого труженика науки.

Верных учеников и последователей Губкина впереди ждал не легкий путь борьбы за отстаивание его научных идей, правоты его замечательных предсказаний. И чуть ли не самую главную роль в этом предстоит сыграть прежде всего Сенюкову.

Еще при Губкине в системе Наркомтяжпрома учреждается Главнефтедобыча. В январе 1939 года Сенюков становится заместителем её начальника – главным геологом. Но вскоре согласно Указу Верховного Совета СССР (!) Наркомтяжпром... вообще упраздняется. Родается Наркомат топливной промышленности, где Сенюков занимает должность начальника Главгеологии. Затем Верховный Совет Союза издает указ о разделении и этого Наркомата. В связи с этим Сенюков становится начальником Главного геологического управления Наркомата нефтяной промышленности. Но позже и этот Наркомат трансформируется. Появляется даже специальный Наркомат так называемой южзападнефти.

Как говорится, неисповедимы тайны чехарды и хитросплетений

во властных коридорах. Но они, похоже, мало волнуют Сеньюкова. Ибо независимо ни от чего он всецело поглощен продвижением главного для него дела – разведки и поисков нефти.

Уже в 1939 году с его подачи специально на разведке нефти в Сибири находятся пятьдесят геологических, геофизических, топографических партий. В десяти районах начаты буровые работы. Иными словами, впервые разворачивается по-настоящему научное, планомерное, глубокое геологическое исследование этой огромной территории.

Под неослабным вниманием Сеньюкова, понятно, и Европейская часть Союза, в особенности Урало-Поволжье.

И всё-таки основным районом добычи промышленного «черного золота» в стране по-прежнему оставалось Баку. Или, как говорят специалисты, «окраинная» нефтяная зона. Это географическое неудобство много стоило молодой Республике Советов в гражданскую войну. Жизнь настоятельно требовала находить источники жидкого топлива вблизи ведущих промышленных центров, в глубине от границ Союза. Впервые на государственном уровне ставится задача: создать новую нефтяную базу не только в районе между Волгой и Уралом, но и в центре – вблизи индустриальных городов.

Сеньюков начинает разрабатывать программу поисков нефтяных месторождений там, где прежде их вообще не предполагали: в Московской, Ленинградской, Ивановской, Ярославской, Горьковской, Костромской и других центральных областях.

Летом 1940 года, будучи начальником Главгеологии, Сеньюков лично едет с экспедицией Московского геолого-разведочного треста на полевые работы на северо-запад страны, ведет геологическую съемку по маршрутам, проходившим по территории Ленинградской и соседних с ней областей, Латвии, Литвы, Белоруссии.

Идея о создании «надежной, географически удобной и близко расположенной местной топливной базы» для ведущих промышленных центров страны родилась, конечно, не на песке. К ней Сеньюков приходит через кембрий Сибири, открыв свою «нефть нефтей». Так что в научном плане – это продолжение исследований, начатых в Якутии.

– Давно известно, – скажет на коллегии Наркомата Сеньюков, – что в центральных и северо-западных областях Русской платформы развит почти весь комплекс палеозойских осадочных отложений – от кембрия до перми. В северо-западной части платформы развиты кембрий, силур, девон. Подмосковная котловина заполнена в основном девонскими и каменноугольными осадками, перекрытыми в север-

ной и восточной частях породами пермского возраста, а в южной – осадками мезозоя... Имеются мощные коллекторы (резервуары для скопления нефти. – Авт.) и признаки нефтеносности, установлено наличие ряда благоприятных для образования залежей нефти и газа тектонических структур, к которым в первую очередь относятся крупные валы: Сухонский, Окско-Цнинский, огромный Алатырский свод... Территория центральных районов Европейской части СССР является непосредственным продолжением на запад Урало-Волжской нефтеносной провинции и по своему геологическому строению и геологической истории чрезвычайно сходна с последней, что лишней раз убеждает в реальности поисков здесь нефти и газа.

И далее:

– Тут полезно сравнить геологическое строение платформ Русской и Североамериканской. В восточной и центральной частях США 70 процентов всей добычи нефти связано с месторождениями, сложенными палеозойскими породами, то есть теми же, что развиты и в центральных районах СССР и откуда добывается нефть в соседней Урало-Волжской провинции.

Всё сказанное найдет отражение и в пространной статье Сенюкова, опубликованной в шестом номере журнала «Советская геология» за 1941 год. Автор в ней смело развивает идеи академика Губкина. Но большинство геологов предлагает иной путь: производить разведработы в центральных районах последовательно, идя от районов Поволжья к Западу постепенно.

Мнение Сенюкова:

– Так планировать не годится. Короче и вернее всего разведывать новую огромную территорию не в узких границах какой-либо области, а во всем регионе одновременно и на качественно разных объектах. То есть закладывать скважины в различных геологических условиях. Тем самым решать главную задачу – находить благоприятные антиклинальные структуры, постоянно следуя словам Ивана Михайловича Губкина: «У нас еще непочатый край структур, их мы должны искать и изучать в первую очередь».

Ставя проблему поисков нефти на северо-западе и в центре европейской территории страны, Сенюков волей-неволей вынужден прежде опровергнуть укоренившиеся в геологической науке представления. В частности, о так называемом «спокойном» залегании девона и кембро-силура в южной части Ленинградской области, о незыблемости Балтийского щита. Дело в том, что проведенные в на-

чале двадцатых годов детальные геосъемки окрестностей Ленинграда обнаружили внутри пластов кембро-силура немало нарушений, которые трудно было объяснить. Тогда родилась гипотеза о том, что эти нарушения – след «деяний» знаменитого четвертичного оледенения: она вполне укладывалась в прокрустово ложе принятых взглядов. Немудрено, что, по словам известного геолога профессора М.М. Тетяева, она «была подхвачена с энтузиазмом, достойным лучшего применения». И долгие годы никто даже и не пытался усомниться в ней, не то что вести еще здесь и поиски подземных сокровищ.

Особенности геологического строения территории Ленинградской области впервые были научно обоснованы скрупулезными исследованиями возглавляемой Сеньюковым экспедиции Мосгеолтреста летом 1940 года. Они начисто опровергали «гипотезу», существовавшую не один десяток лет. Но пройдет еще немало времени, прежде чем сторонники прежней точки зрения на Балтийский щит примут как факт это опровержение – такова, видимо, сила слепой веры в незыблемость суждений авторитетов.

Сеньюков подобной веры не принимал и не понимал, из-за чего, конечно, еще больше множил ряды своих недоброжелателей и противников.

Загруженный большой практической работой, Сеньюков твердо следует совету своего главного учителя академика Губкина – непременно сочетать её с научными занятиями.

Еще после поездки в Якутию летом 1937 года он садится за обобщение обширного материала, добытого за пять лет исследований Лено-Алданского междуречья. Готовит к изданию рукопись книги «Река Толба и нефтеносность северного склона Алданского массива». Завершает работу над кандидатской диссертацией на тему о проблемах нефтеносности кембрийских отложений. 4 апреля 1938 года представит её к защите на объединенном Совете по присуждению ученых степеней при Московском горном институте. Все 38 членов Совета, единогласным решением одоблив диссертацию, признают её «выходящей из рамок кандидатской» и – при одном воздержавшемся – сочтут «возможным присудить т. Сеньюкову ученую степень доктора наук», о чем направят ходатайство в Высшую аттестационную комиссию (ВАК) Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР.

Поздравив талантливого ученика, академик Губкин на следующий же день пишет в ВАК отзыв, в котором особенно отметит, что Сеньюков «разрешил весьма интересную проблему – открыл нефть в самых древних осадочных породах (нижний кембрий), что, по суще-

ству, является открытием впервые в мире» (подчеркнуто мной – Авт.)

В 31 год Василий Сенюков становится обладателем диплома первого в Союзе доктора геолого-минералогических наук.

Вскоре молодому ученому еще раз суждено будет оказаться в числе первых. 14 марта 1941 года в газетах публикуется Постановление о присуждении только что учрежденных самых престижных для того времени Сталинских премий. Ими впервые отмечаются «выдающиеся работы в области науки за период последних 6–7 лет». В списке лауреатов того года всемирно известные академики П.Л. Капица, А.Н. Колмогоров, С.Л. Соболев, А.Н. Бах, Н.Н. Семенов, А.Н. Фрумкин, Н.С. Курнаков, Д.Н. Пряшников, В.П. Филатов, В.Л. Комаров, в то время президент Академии наук. По разделу геологических наук премией 1-й степени удостоены книги «Геология Сибири» семидесятисемилетнего академика В.А. Обручева, «География осадочных пород» профессора Л.В. Пустовалова и научный труд доктора наук В.М. Сенюкова «Река Толба и нефтеносность северного склона Алданского массива».

В газетах появляются рассказы о пути Сенюкова в науку, о «бывшем возчике леса, подручном на сплаве, плотогоне, лесорубе, курьере, стороже», еще студентом горной академии ставшем ученым с мировым именем. Отмечается, что «от восточного побережья Байкала до хребта Джуг-Джур он прошел более 8 тысяч километров пешком, с геологическим молотком в руках и рюкзаком за плечами. И примерно столько же – на лошадях, оленях, лодках, на самодельных плотках». Корреспонденты особенно подчеркивают, что «талант исследователя соединен в этом человеке с необходимым для настоящей научной деятельности упорством».

Последовали многочисленные встречи с журналистами «Правды», «Известий», других газет. И, благодарный своему Главному Учителю, везде Сенюков горячо ратует за то, чтобы «творчески развивать богатейшее научное наследие академика И.М. Губкина, подарившего миру неисчерпаемый клад знаний по нефтяной геологии, руководствоваться в поисках его теорией, подкрепленной долголетним собственным опытом геологических исследований». Рассказывая о битве за девон, начатой Губкиным еще в 1928 году, Сенюков настойчиво повторяет мысль о том, что «в геологической науке с давних пор существовало отрицательное отношение к возможности нахождения промышленной нефти в палеозое... Поэтому даже известные девонские залежи нефти на той же Ухте признавались большинством геологов случайностью... Подобный скептический взгляд... не способ-

ствовал... разведке этих районов... Только теперь, с бурным и смелым подъемом научной мысли, созданы условия для разрешения этой проблемы. И задача геологов – ускорить открытие новых месторождений оборонной нефти и как можно быстрее поставить их на службу народному хозяйству».

Вручение Сталинских премий первым в стране лауреатам-ученым состоялось в Кремле в самый канун Первомая – последнего довоенного.

Сеньюков на торжественном приеме в честь этого события впервые познакомится с нобелевским лауреатом, академиком Петром Леонидовичем Капицей, которому с первой встречи «приклеит» прозвище «Лорд». Именно Капица будет представлять Сеньюкова Сталину, сказав:

– Наш сегодняшний Ломоносов.

В ходе непринужденной беседы Сталин с неподдельным, казалось, уважением и самым добрым словом вспомнит о земляках Сеньюкова, с которыми имел возможность общаться, когда, в свое время, находился в ссылке в Сольвычегодске. Но еще важнее и ценнее будет для бывшего плотогона сказанная тогда вождем фраза:

– Когда понадобится, приходи ко мне без всякого предупреждения...

Считай – мои двери для тебя всегда открыты.

Благосклонность Сталина потом не однажды станет для Сеньюкова своеобразной «охранной грамотой».

Стремительный научный взлет и широкое признание Сеньюкова, конечно, вызовут оскомины не у одного из тех, кто имел на него зуб еще и как на беззаветного последователя Губкина.

Наверное, не только сложной атмосферой того времени могло быть порождено письмо, подписанное – не будем называть фамилию – будущим членом-корреспондентом АН СССР Н.Б.В. и направленное в Наркомат советского контроля 4.04.1941 г., то есть в самый канун чествования лауреатов Сталинской премии в Кремле.

А сказано в этом письме буквально следующее, приводимое без всяких исправлений:

«Наркомат советского контроля

Обращаю Ваше внимание на ненормальности, имеющие место в присуждении ученых степеней, в результате чего выдвигаются на ученые (высшие) степени люди бездарные и даже авантюристы, не имеющие сколько-нибудь солидного научного багажа, которые в дальнейшем в свою очередь тянут за собою себе подобных.

1. Благодаря несерьезному отношению к научной оценке некоторых людей покойный академик И.М. Губкин в 1938 году рекомендовал пере-

вести из кандидатов наук в доктора и затем в члены-корреспонденты Академии наук С.Ф. Федорова, лицо которого как бездарного геолога... известно всем геологам. Федоров кроме того занимался... продвижением тех, кто ему лично полезен в данное время, чему способствовала его работа... в квалификационной комиссии ВАК.

2. Академиком И.М. Губкиным и его учениками С.Ф. Федоровым, М.И. Баренцевым, М.М. Чарыгиным и др. при защите диссертации аспирантом В.М. Сеньюковым была организована оценка работы Сеньюкова как достойная докторской степени. В то же время работающим и работавшим в Якутии и в Восточной Сибири известно, что Сеньюков защищал очень посредственную работу, не выходящую за рамки сносного дипломного студенческого проекта. Материал для этой его работы он собрал, работая два года в качестве студента-практиканта и один год на самостоятельных геологических исследованиях в Якутии. При этом ряд основных положений, которые изложены в работе Сеньюкова, не являются ни в коей мере его собственными, а служат лишь плохим пересказом слышанного им от своей собственной жены геолога Флеровой и своего руководителя на этих работах геолога Зеgebарта, которые знают этот район во много раз лучше Сеньюкова и будучи лишь значительно скромнее его, остались в тени. Сеньюков же, организовав на базе признаков нефти, полученных в двух скважинах, заложенных Зеgebартом в Якутии, шумиху, сумел не только попасть сразу же на высоту ученого мира, но обеспечил, благодаря ряду чисто авантюристических трюков, получение за свою работу первой Сталинской премии. Следовало бы поинтересоваться шаг за шагом, как было организовано продвижение работы Сеньюкова на Сталинскую премию и получение хвалебных отзывов на нее. Это было бы очень показательным. Насколько мне известно, его работа была рекомендована к выдвижению на Сталинскую премию директором МНИ (Московского нефтяного института им. Губкина. – Авт.) Чарыгиным через НИТО (Научное инженерно-техническое общество. – Авт.) нефтяников, после чего вскоре Чарыгину была присуждена степень доктора без защиты диссертации, что было сделано, по-видимому, не без помощи Сеньюкова, который к этому времени был назначен Членом ВАК.

В настоящее время Сеньюков – полуграмотный геолог и самодур – разваливает геологию в нефтяной промышленности, занимаясь не столько геологией, сколько шумным саморекламиранием. Сеньюковым миллионы государственных денег направляются на авантюристические мероприятия, которые лишь дезорганизуют дело поисков и разведки новых нефтяных месторождений. Сеньюков создает вокруг себя группировки

беспринципных людей, дискредитируя и пожирая всякого серьезного и здравомыслящего человека, вскрывающего пустоту его «прогнозов». Чистейшей авантюрой являются расширяемые им с каждым днем разведки на нефть в Якутии, где затрачены уже миллионы денег и куда в районы, которые не будут основаны (? – Авт.) разведкой и через 10 лет забрасываются в настоящее время дорогие буровые станки для того, чтобы получить килограмм тяжелой густой нефти в сотнях километров от всяких путей сообщения. Предчувствуя возможный крах Якутии, Сеньюков перебросился на разведку нефти в Ленинградской области, создав и вокруг этого дела шумиху на весь Союз, занимаясь не столько обоснованием этой важной проблемы и действительным её претворением в жизнь, сколько рекламой для самого себя. В результате такой деятельности, не получив еще никаких положительных достижений ни в Якутии, ни в Ленинградской области и не дав ни одной серьезной научной работы, он оказался назначенным Членом ВАК и ожидает в ближайшие дни назначения в профессора ВУЗа и выборов в члены-корреспонденты Академии наук...

Вся «кипучая» деятельность Сеньюкова выражается в бесконечных словоизлияниях в беседах и на совещаниях и в оскорблениях не желающих поддакивать ему специалистов...»

К неожиданности и удивлению многих это «разоблачительное» письмо не возымело действия, на какое было рассчитано, если иметь в виду «погоду», что стояла тогда на дворе. Возможно, малость запоздало. Возможно, где-то дали сбой механизмы соваппаратного маховика. Зато со временем, попав в руки таких «радетелей» нефтяного дела, как Берия и иже с ним, оно, подобно другим «донесениям в верхи» такого типа, обернется для Сеньюкова и его единомышленников не одним «черным днем» в жизни.

Проводники утверждения идей академика Губкина в нефтяной геологии будут непременно наталкиваться на отчаянное, ожесточенное сопротивление со стороны тех «теоретиков» и их сторонников, кто годами не признавал существование в природе никакого другого «черного золота», кроме бакинского, да еще грозненского.

Много позднее, а именно в 1971 году, в Москве, в здании Президиума Академии наук СССР пройдет юбилейная научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения И.М. Губкина. Нет, среди её основных докладчиков не будет самого верного и преданного его последователя и ученика – Сеньюкова. Зато почетной чести выступить на ней удостоится не кто иной, как его «благожелатель» – автор процитированного письма 1940 года, фигурировавший уже как член-корреспондент Академии наук.

У ИСТОКОВ ГАЗОВЫХ РЕК

*«Не должно сомневаться в доль-
стве всяких минералов в российских
областях. Но только употреблять
должное прилежание с требуемым
знанием».*

М.В. ЛОМОНОСОВ

«О слоях земных».

*«Богатства недр нужно уметь
взять...»*

И.М. ГУБКИН

Их было – легион, кто после кончины в апреле 1939-го академика Губкина пошел в решительное наступление на его прямого воспреемника и последователя – Сеньюкова. Упрекая его в разбросе геологических интересов, стремясь всячески компрометировать проводимую им линию на разведку нефти и газа в новых районах, они упускают из виду одно важное обстоятельство. То, что он, как никто другой, смотрел на все процессы, происходившие в недрах Земли за сотни миллионов лет, через «призму» кембрия. Благодаря этому опровергались многие надуманные взгляды на саму планету, беспочвенные гипотезы о её развитии, что позволяло выявлять новые закономерности и тайны образования пластов земных, зарождения жизни на Земле.

Вот почему постоянно под неослабным контролем Сеньюкова геологические изыскания и на просторах Сибири, и в Европейской части Союза.

Предмет особой заботы его и возглавляемой им нефтегеологической службы страны – девон «второго Баку». Десятки, сотни энтузиастов девонской нефти между Волгой и Уралом уже заплатили за неудачи в её поисках: многие были сосланы за «подрывную деятельность», многие оказались в «местах не столь отдаленных». Но научную веру Сеньюкова в урало-волжское «черное золото», конечно, ничто не поколебало ни на минуту. Подхватив эстафету из рук Учителя, Сеньюков настойчиво добивается того, чтобы резко увеличить объем разведочных работ на девонскую нефть, лично курирует их. В Башкирии, Татарии, Куйбышевской области поднимаются всё новые буровые вышки.

В подготовленном под редакцией Сенюкова коллективном фундаментальном труде «Урало-Волжская нефтеносная область», явившемся как бы продолжением одноименной работы академика Губкина, даны не только подробное описание геологического строения районов «второго Баку», но и конкретные рекомендации по ускорению темпов разведочных работ. Подчеркивается особая экономическая значимость «второго Баку», поскольку места добычи и переработки нефти здесь находятся вблизи районов потребления, что позволит сократить и даже исключить затраты на перевозки нефтепродуктов из Баку и Грозного, разгрузить транспорт.

Вскоре Сенюков, досконально изучив результаты исследований, выдвигает научную гипотезу о нефти- и газоносности Сталинградской, Саратовской, Пензенской областей и всего Нижнего Поволжья. Больше того – им подготовлен проект геологических изысканий в этих районах.

Надо заметить, что ярые противники Губкина к тому времени – 1940 году – становились в геологической нефтяной науке чуть ли не главными «законодателями».

Проект Сенюкова вызвал куда более жесткие и острые споры, чем тогда, когда решались – еще при Губкине – вопросы о «втором Баку», о нефти девона в Башкирии и Куйбышевской области, наконец, о кембрийской нефти Сибири.

Скептики откровенно заявляли:

– Нефтяные, а тем более еще и газовые месторождения в Нижнем Поволжье – вообще бред собачий!

Определеннее высказывались хозяйственники:

– Прежде чем ринуться в новые, неизведанные районы, не лучше ли сначала дождаться, пока будет получена должная отдача от уже изучаемых районов?

Но как руководитель Главгеологии в Наркомнефти Сенюков непреклонен. Зная, что вплоть до 1939 года в Нижнем Поволжье велись главным образом поиски минеральных вод, глин, строительных материалов, он тем не менее направляет сюда из Москвы группу нефтяников, поручив им искать жидкое топливо. Замыслы Сенюкова встретили резкое противодействие со стороны специалистов Нижне-Волжского геолого-разведочного треста – «хозяина» геологической службы в этом районе. Позднее они сумели заразить своим неверием и многих высокопоставленных коллег в Центре.

Правда, энтузиасты-нефтяники не оказались без поддержки. На

помощь пришли старейший геолог, профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского Борис Александрович Можаровский, крупный знаток районов Поволжья, геологи Леонид Алексеевич Кузнецов, Исмаил Ибрагимович Енгуразов.

И всё же был момент, когда Сеньюков чуть не оказался без производственно-технической базы, на которую делал ставку. «Угольщики», выделившиеся из прежнего Наркомтопа, твердо настаивали на том, что около того же Саратова надо искать не нефть, а уголь, и решительно требовали передать им всё хозяйство треста. Глубоко уверенный в нефтегазовых богатствах региона, Сеньюков сумел отстоять свое детище. Он резко изменяет направление деятельности треста. Поисковые и разведочные работы на нефть и газ развертываются широким фронтом вблизи Саратова, в Арчеде, в ста с лишним километрах от Сталинграда, и около Астрахани. И вскоре они дадут обнадеживающий результат. В конце 1940 года из разведочной скважины в Тепловке, что в 75 километрах от Саратова, забьет первая струя горючего газа.

Но и это известие не изменит мнения большинства геологов: «газовый фонтанчик» близ Тепловки они назовут простой случайностью. Каковой, по их словам, была, впрочем, и толбинская нефть Якутии.

Среди противников проекта Сеньюкова по изысканиям в Нижнем Поволжье были не только завзятые маловеры и скептики. Попадались и люди, попросту впадавшие в заблуждение от слепой веры в «авторитеты» геологической науки, в их непогрешимость.

«Золотое правило» Сеньюкова в любом деле одно: «Доверяй, но проверяй». Волей-неволей вступает в силу принцип: «Вы мне друг, но истина дороже!» Потому что, как он писал еще в работе «Река Толба...», отмеченной Сталинской премией, «от той или иной трактовки особенностей района зависит и оценка его практических перспектив».

Сеньюков остается верным себе – начинать «со дна» Земли.

Районы Нижней Волги – это для него часть Великой Русской платформы, на редкость сложной, даже путаной по своему геологическому строению. Одна третичная система нынешней, кайнозойской, эры в осадочных отложениях здесь представлена семью этажами – палеоценом, эоценом, олигоценом, палеогеном, миоценом, плиоценом, неогеном, а каждый из них, в свою очередь, испещрен многочисленными ярусами и свитами. Многоярусны и отделы осадочных пластов мела, юры, девона...

Строение фундамента Русской платформы изучал еще в конце прошлого века А.П. Карпинский. Впоследствии этим занимались

другие крупные геологи и долгие все академик А.Д. Архангельский. Итоговое суждение его свелось к признанию значительного развития нижнепалеозойских дислоцированных [перемещенных. – А.П.] толщ, которым он вместе с Е.В. Милановским дал название Урало-Волгид. Однако это воззрение было вскоре опровергнуто буровыми скважинами ... в Москве, Сызрани и Туймазах, поскольку они вскрыли кристаллический фундамент архейского* возраста непосредственно под девонскими отложениями, и, по словам Сенюкова, заслуживает внимания разве только «в несколько измененном виде».

Это были взгляды пусть новые, но все-таки, как говорят, общегеологические. А они не всегда пригодны при поисках «королевы недр»: здесь нужен иной «угол зрения» к процессам, происходившим на планете миллионы веков назад. Идти только на поводу укоренившихся взглядов, не проверяя их, – значит, заведомо обречь поиски на неудачу. «Это – не путь!»

Исследования Сенюкова показали, что кембрий, силур, девон (вплоть до так называемого живетского яруса в среднем его отделе) следов осадочных пород в районах Поволжья не оставили вообще: «В этот промежуток времени здесь продолжала существовать высокоподнятая суша, возникшая в архее, и только небольшая северная и северо-западная часть была заполнена нижнепалеозойским (кембро-силурийским) морем. [Это районы нынешней Ленинградской, Архангельской и пограничных с ними областей, а также Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии. – Авт.]. Широкие колебательные движения поверхности платформы, образуя крутые разломы в фундаменте, предопределяли её опускания и подъемы, а стало быть, и длительный процесс накопления осадков в зоне Поволжья». Только с учетом этих новых данных, добытых в полевых условиях, можно было выбрать верное направление поиска благоприятных структур, а значит, и промышленных скоплений «черного золота».

Месторождения Русской платформы, по мысли Сенюкова, заключены в треугольник, ограниченный с востока – Уралом, с юга – Кавказом, и с северо-запада – огромным древним выступом Балтийского щита и «испытывали те же движения», что и сами эти горные массивы, но иные лишь во времени и по масштабам. И здесь самыми верными оказывались взгляды академика А.П. Карпинского.

Что тоже было очень важным для удачи в поисках, оказалось: все

*Архейская эра – допалеозойская стадия развития Земли. (Авт.)

структуры районов Поволжья по своему строению мало отличаются от известных типов нефтяных структур «второго Баку»...

Сеньюков впервые выделяет здесь новый геологический регион – Ульяновско-Саратовскую синеклизу.* Нащупав главное звено, выдвигает рабочую гипотезу: ключ к нефти и газу и раскрытию тайны их происхождения здесь найдется лишь после того, как удастся прочесть все «письмена Земли» в геологических разрезах этой синеклизы. Как отметит Сеньюков в своей книге «Геологическое строение Ульяновско-Саратовской синеклизы», которая выйдет только в 1947 году, прогнозы не окажутся ошибочными.

А пока шли непримиримые споры между геологами, в словопрениях терялось драгоценное время, на неопределенный срок отодвигалось и открытие месторождений, в которых не сомневался в Москве только Сеньюков. Его научную веру в подземные богатства Нижнего Поволжья не могло поколебать ничто. И – никто!

Похоже, верна в противовес известной и такая поговорка: «Нет добра без худа». Кто знает, может, проект Сеньюкова и впрямь был бы утоплен в словесных схватках, а автор его, учитывая атмосферу тех лет, мог бы и элементарно не сносить головы, не настань круто всё переменившее воскресное утро 22 июня 1941 года, когда грянула война. Конечно, ни что иное, как только глубочайшая вера в собственные предсказания и могла подвигнуть руководителя Главгеологии Сеньюкова на отчаянный риск – взяться доказывать свою правоту в тот тяжелейший для Родины час. Он решительно взвалил на свои плечи «взрывоопасную» ношу, чтобы во что бы то ни стало наверстать упущенное время, а прежде всего – действовать без права на ошибку. В противном случае... Впрочем, тогда участь Сеньюкова легко угадывалась.

В ходе созванного Сталиным экстренного заседания по топливным ресурсам Сеньюкову поручают лично возглавить разведку регионов Нижнего Поволжья, в кратчайший срок выявить в них месторождения промышленного значения, с тем чтобы без промедления, сообразуясь с боевой обстановкой, поставить их на службу экономике, перестраиваемой на военный лад.

Зловещее смертоносное дыхание войны чувствовалось во всем. Как хлесткие удары по лицу, изо дня в день звучат по радио сводки: отступаем с жестокими боями... оставляем, оказывая упорное сопро-

*Синеклиза – буквально «безнаклонное». (Авт.)

тивление, город за городом, пядь за пядью родной земли... Хвастливые пророчества фашистской пропаганды: «7 ноября 1941 года войска фюрера пройдут победным маршем мимо Кремля поверженной Красной Москвы...»

Враг оккупирует многие жизненно важные центры страны, рвется к бакинской нефти. Расчет прост: окажись захваченным Баку – страна будет отрезана от своего единственного источника жидкого топлива, а значит, будет парализована авиация, станет вся моторизованная боевая техника. А опасность захвата Баку врагом нарастала.

По решению Госкомитета обороны весь аппарат Наркомата нефтепрома эвакуируется в Куйбышев. Сенюков, глубоко сознавая, насколько серьезно, важно и ответственно данное ему государственное поручение, идет, по мнению посвященных, на неожиданный, но единственно верный шаг: по его настоянию весь персонал возглавляемой им Главгеологии переезжает из Москвы не в Куйбышев, а в Саратов. «Здесь мы теперь нужнее всего».

Вести с фронта – одна тревожнее другой. Настала мучительная осень 1941 года, когда вражеские части подступили к самым воротам Москвы. Рвались к Волге, к Сталинграду... На голодном топливном пайке оказался Саратов, и именно тогда, когда надо было резко увеличивать выпуск продукции для фронта.

Геологи старались всячески форсировать работы, донельзя сокращать цикл поисково-разведочных исследований, с тем чтобы точно вычислить тот «пяточок» в неоглядных степях, который наверняка должен оправдать прогнозы. Никто не роптал, хотя приходилось часто забывать о сне. Жили в палатках, неотопливаемых летних дачах, строили землянки, за неимением подъемных механизмов и машин-тягачей инженеры и рабочие сами разгружали, перетаскивали на себе по частям тяжелое буровое оборудование, скопившееся на железнодорожных станциях и речных пристанях. Не было лесоматериалов для строительства вышек, и в осенний ледостав сами вылавливали из Волги баграми обледенелые бревна. Снова – в который раз! – пригодилась Сенюкову профессия его детства и отрочества – профессия сплавщика.

Не хватало рабочих рук, а нужно было как угодно, но ускорять ход дел. Приходилось нанимать людей дополнительно, сверх сметы, на собственный страх и риск, каждый трудился, не щадя себя. Чтобы как-то вознаградить энтузиазм рабочих, Сенюков, по сути, раздает им почти всю свою Сталинскую премию, накануне полученную.

Пусть тяжелойшей ценой, но искомый «пяточок» для закладки буровой будет найден в десяти километрах к северу от Саратова, близ Елшанки. По признанию специалистов, за фантастически короткий срок.

Ведь уже в октябре 1941-го, когда фашистские полчища оказались почти у самых стен Москвы, геологи приступили к бурению первой разведочной скважины. Вскоре выяснилось, что здесь, как позднее напишет Сеньюков, «наиболее эффективно проявляет себя горючий газ».

Несравненно более выгодное, чем даже нефть, экономичнейшее «невидимое» топливо, которое можно прямо пускать в топки котлов! Почти без всякой переработки! Это то, что было особенно ценно, особенно нужно стране! Будут открыты промышленные месторождения газа – для военной экономики высвободились бы миллионы и миллионы тонн нефти. Нефти, каждая капля которой тогда и впрямь была дороже золота!

И когда казалось, что не сегодня-завтра будет достигнут газоносный пласт и брызнет желанный «голубой» фонтан, установившиеся жгучие холода той на редкость студеной зимы начали косить людей, измученных и недосыпанием, и недоеданием. Чаше не выдерживали дети: их, одного за другим, сваливало воспаление легких, ибо в домах сутками держалась минусовая температура – нечем было топить печи.

Не одну ночь раздумывал Сеньюков, принимать или нет ему окончательно однажды пришедшее в голову решение, которое могло бы помочь сразу снять проблему с доставкой дров для рабочих поселка. Когда он поделился этой мыслью с одним из ведущих бурильщиков, даже тот, несмотря на болезнь сына-младенца, был обескуражен:

– Разве можно?

– Нельзя, – ответил Сеньюков. – Но разве на фронте, когда нужно, не вносят коррективы в тактику боя? За это, понятно, не всегда глядят по головке, но если удача – тогда победителей не судят.

– Но ведь тут особый случай...

– Согласен. А если нет другого выхода?

Далеко не случайно терзали Сеньюкова сомнения насчет своего решения.

Дело в том, что в его распоряжение как начальника Главка примерно с месяц назад поступили две новехонькие буровые установки, смонтированные на спецгрузовиках. Мало кто без зависти не заглядывался на них, на холодным блеском сверкающие и под солнцем, и под луной вороные лопасти буров. Но полученное дорогой ценой по особому заказу – ленд-лизу – оборудование Сеньюкову «не подчи-

нялось». Разрешением на его разборку или использование мог стать только приказ Верховного Главнокомандующего. До поступления такого приказа буровые установки должны были стоять в полной неприкосновенности. Но ситуация в поселке геологов и бурильщиков становилась настолько безвыходной, что Сенюков все-таки решается нарушить этот канон военного времени.

...Стояла удивительно ясная лунная ночь. Часы показывали чуть больше двенадцати. Собравшаяся, как по команде, небольшая группка людей, принялась за демонтаж одной из буровых установок, не сомневаясь, что Сенюков как руководитель Главка наверняка имел на то особое разрешение. А потом с пилами и топорами все садились в кузов машины и отправлялись в окрестный лес. Успели сделать несколько ездов. Возле большинства домов появились кипы бревен-сушняка и других вполне подходящих для вырубki деревьев. Без них остались только три окраинных дома, в том числе тот, где квартировали Сенюков с супругой. Нужна была всего еще одна ездка, но как раз ее и не успели сделать: по возвращении из рейса, ставшего последним, к Сенюкову подошли неведомо как и откуда появившиеся два сотрудника отдела кадров Наркомнефти:

– Зайдете потом в контору.

– Ладно, – ответил Сенюков и в первую очередь пошел помогать слесарям срочно вновь смонтировать на грузовике буровой станок, чтобы всё стало, как до демонтажа.

Разговор с кадровиками был коротким.

– Нарком, как вы знаете, в Москве, – сказали они. – Да и что нарком? Приказы Ставки нарушать не имеет права никто. Так что мы ваше дело передаем в военный трибунал. С завтрашнего дня и до окончательного решения трибунала от работы вас велено отстранить.

Идя по улице, Сенюков еще издали заметил, что возле крыльца его дома лежат три бревнышка и несколько поленьев, и нетрудно было догадаться, кто их подбросил. Жены дома не застал – та уже ушла на буровую. И только успел затопить печь – сразу уснул, прислонившись спиной к её боку.

Под вечер была встреча со следователем. Завязался долгий тяжелый разговор. А в его завершение прозвучали как легкое утешение слова:

– Единственное, что я могу сделать, это дать вам разрешение съездить в Москву. В парткомиссию ЦК.

– Я так и сделаю, – тотчас ответил Сенюков.

– Но попрошу не задерживаться и быть здесь через двое суток.

– Я не задержусь.

Оставив Ольге записку, что уезжает на дальнюю буровую, Сеньюков тут же отправляется в аэропорт.

Оказавшись в Москве, он узнавал и не узнавал её, сплошь затемненную, какую-то затихшую, ощетилившуюся, со следами бомбежек на некоторых улицах. Даже по соседству со своим шестиэтажным домом на улице Горького, где он только год с небольшим назад получил квартиру. Во всем вокруг просматривались суровые черты прифронтового города, лишь совсем недавно отразившего притязания и натиск жесточайшего врага.

День завтрашний не сулил ему ничего хорошего. Сознавая это, он, как только переступил порог собственной квартиры, сразу окунулся в страницы почти подготовленных к печати рукописей, чтобы вносить в них поправки и дополнения, чтобы не дать зря пропасть ночи, чтобы урвать у нее часы прежде всего не для сна – для дела. Работа так увлекла его, что он и не заметил, как наступил рассвет, приближавший час, когда ему предстояло держать ответ в ЦК за свою вынужденную опрометчивость в Елшанке.

В парткомиссии ЦК его приняла пожилая женщина в строгом костюме и подстриженная по-мужски. Это была одна из уцелевших после шквалов репрессий старая большевичка ленинского поколения. Вопрос был поставлен в лоб:

– О приказе вы знали?

– Знал. Меня с ним ознакомили сразу же, как только доставили оборудование.

– Знали и – нарушили.

– Знал. И – поступил безрассудно. Правда, эти буровые установки пока простаивали без дела.

– Почему? Или в вашем Главке есть лишнее оборудование?

– У нас не хватает людей. Механизаторов. Бурильщиков.

– Тем страннее то, что вы сделали. Вместо того, чтобы самому, да, да, самому отправляться с установкой туда, где в ней нуждаются, вы превращаете агрегат черт знает во что. Я читала в газете о поисках газа в Саратове. Там эти буровые на колесах были названы танками, идущими в атаку на недра.

– Я читал этот материал. Он был, кажется, в «Труде».

– В этой войне малодушие страшнее всего. Мы ж не возим в танках хлеб для осажденного Ленинграда! Танки нужны на передовой! Каждый танк, каждая пушка, каждая винтовка...

– Я всё осознал, пока ехал в Москву. Осознал и не прошу снисхождения...

– Кто собирается заняться вашим делом?

– Моим делом уже занимается военный трибунал.

– Я ничем не смогу облегчить вашей участи. Во-первых, потому, что считаю ваше поведение несовместимым со званием большевика, находящегося на решающем участке тыла. А во-вторых, приказ есть приказ. В военное время приказы не обсуждаются. Обращайтесь к товарищу Сталину.

– Подумаю над вашим предложением. Но в любом случае готов ответить по всей строгости военного времени.

С него берут подписку о невыезде, так что придется нарушить данное саратовскому следователю обещание не задерживаться в Москве больше двух суток.

Неясность, подвешенность ситуации, понятно, не могла не тревожить Сенюкова, хотя ему было чем отвлечься от этого, работой над рукописями, начатыми до войны. Но его куда больше заботило другое – как там, на Елшанке. За те несколько дней домашнего ареста, что прошли до вызова к следователю военного трибунала, он успеет не раз связаться по телефону с Саратовом. Узнает, что благодаря той «партизанской вылазке по дрова» с двойной нагрузкой стала работать пекарня и наладилась бесперебойная доставка хлеба поисковикам, что геологи и бурильщики трудятся с небывалым энтузиазмом, сутками не покидают буровые. Что, по показаниям приборов, уже где-то совсем близко до долгожданных пластов с горючим газом. Всё это было как бальзам на сердце. Со своей стороны, спешит поделиться осенившей его догадкой и потому просит обязательно скорректировать методику проходки одной из разведочных скважин (под № 7), что позволит существенно ускорить её бурение...

Явившись в условленное время к следователю трибунала, услышит:

– Вам придется остаться у нас. Рассматривать ваше дело будем завтра. Завтра, в 11 утра.

Переминаясь с ноги на ногу в одиночной тюремной камере, Сенюков мучительно размышляет над тем, что он непременно должен сказать завтра трибуналу. Конечно, в первую очередь покается. И будет умолять о пощаде, о том, чтобы поняли и учли положение, из которого и впрямь не было другого выхода. Да, он готов ответить по всей строгости военного времени, но обязательно должен просить трибунал дать ему единственную возможность искупить вину, хотя

и не злонамеренную, в любом качестве, пусть даже помощником бурильщика или разнорабочим, но уйти на новый участок. На тот, который был вычислен им за эти дни в Москве, и который расположен всего в ста километрах от Елшанки...

Твердо сказать, что с помощью тех «злополучных» лендлизовских установок он костыми ляжет, но непременно и быстро добудет там «голубое топливо», в котором так остро нуждаются оборонные заводы.

Но среди ночи его мысли неожиданно прервал всё более и более приближавшийся лязг металла об металл. Как будто кто перекатывал или рвал какие-то грузные цепи. Сеньюков приткнулся к решетчатой двери. И прежде догадался, чем успел понять: это шли к нему, упрятанному в глубинах тюремного подвала.

Вместе со следователем в камеру ворвался взволнованный инженер по технике безопасности из Главка:

– Товарищ Сеньюков! Вас срочно требуют!

– Значит, он-таки вырвался, миленький! – стиснув в объятиях инженера, больше выдохнул, чем сказал, Сеньюков. По его щекам текли слезы, но он их не чувствовал.

Предугаданный Сеньюковым за дни домашнего ареста в Москве газовый фонтан «отменил» рассмотрение военным трибуналом дела по поводу самовольного демонтажа лендлизовских буровых установок.

Уже через несколько часов машина с Сеньюковым мчала из Саратова в поселок геологов Елшанку.

Этот забивший из разведочной скважины газовый фонтан подтверждал: поисковики-разведчики на верном пути.

Но первая крупная победа геологов тоже не заставила себя ждать долго. В июле 1942 года ударила мощнейшая по тем временам струя, выбрасывавшая за сутки около восьмисот тысяч кубометров «невидимого» топлива. «Это «заговорил» верейский ярус карбона.

За открытием сразу последовала операция «внедрение». По предложению Сеньюкова Саратовский обком партии и облисполком обращаются с просьбой о промышленном использовании газа в Государственный комитет обороны. Он, как и ожидалось, инициативу эту поддержал, и уже в августе, в те дни, когда враг рвался к Сталинграду, началось строительство газопровода Елшанка – Саратов. Работами руководил Сеньюков. В ноябре 1942 года укрошенный газ по трубам пошел в топки Саратовской ГРЭС и оборонных заводов города. Вскоре на отопление газом были переведены хлебозаводы, бани, прачечные.

«Невидимое» топливо было поставлено на службу военной экономике, начало работать на людей, для фронта, для победы. Газ выручил саратовцев в самое тяжелое время.

Но чиновники из Наркомнефти, для которых, видно, куда важнее была ничем не запятнанная репутация и честь мундира, не могли обойтись без оргвыводов по «партизанскому» поступку Сенюкова. Тем более, узнав, что им занимался даже военный трибунал. Как бы то ни было, но руководство Наркомата воспользовалось этим как предлогом для того, чтобы избавиться от «вольнодумца» Сенюкова.

Еще в апреле 1942-го он отстраняется от должности начальника Главгеологии и переводится «подальше от крыши Наркомата» – в знакомый прежде Московский геолого-разведочный трест. Станет начальником специально учрежденной здесь Комплексной экспедиции по проблемам перспектив нефтеносности центральных областей. Уже в этом качестве, открыв первый мощный фонтан газа летом 1942-го, он организует и возглавляет работы по прокладке первого, 10-километрового газопровода Елшанка – Саратов. Как говорится, «расставание» с Наркомнефти и вынужденная смена «вывески» никак не отразятся на его энтузиазме. И уверенности в богатствах саратовских недр. А ожидания будут оправдывать себя, что ни неделя – всё сильнее. Ибо, несмотря на то, что, по сути, рядом бушевал обжигающий огонь войны, шла судьбоносная для страны Сталинградская битва, геологи ни на минуту не прекращают поисковых работ. В 1943-м забывают новые фонтаны не только в Елшанке, но и возле недалекого от нее поселка Курдюм. Это станет базой для прокладки в 1944-м еще одной газовой «нитки» до Саратова – протяженностью уже 17 километров, что вовсе снимет нужду города и его предприятий в дальнепривозном топливе, резко сократит потребление угля, нефти, дров.

Вскоре «заговорят» другие разведочные и эксплуатационные скважины. В сентябре 1944-го ударит фонтан вулканической силы: в сутки из «заточения» вырывалось свыше двух миллионов кубометров газа. «Так открывало свои «чертоги» знаменитое Елшанско-Курдюмское месторождение – первое в стране крупномасштабное промышленное месторождение природного газа».

Была разгадана еще одна тайна природы, известная в науке под названием «тайна саратовского газа». Елшанско-Курдюмский подземный «газовый резервуар» прослеживался на протяжении семнадцати и имел ширину «полосы» не меньше двенадцати километров. Это были огромные, доселе невиданные запасы – в миллиарды кубометров газа.

Бездна «голубого золота». Скептикам и маловерам от науки пришлось еще раз прикусить языки: такого мощного потока природного газа из недр саратовской земли не ожидал никто!

И вряд ли еще кому кроме как только Сеньюкову и могла тогда придти в голову идея, которую поначалу кое-кто назовет безумной (война продолжалась!) и с которой в начале 1944-го, минуя головы наркоматовских верхов, он обратится напрямую к Сталину. Передав ему лично в руки докладную записку с предложением о транспортировке саратовского газа в Москву. К осени 1944-го у Сеньюкова уже не оставалось вообще никаких сомнений в правильности шага, предпринятого им несколько месяцев назад.

– Надо освободить нашу столицу от завоза дров, угля, от «буржук»-печурок – жалкого наследия прошлого, – говорил Сталину Сеньюков. – Промышленность, городское хозяйство Москвы, жилища должны получить самое современное и самое дешевое в мире топливо. «Невидимое» топливо!

Еще в Москве не было отменено затемнение, еще шли ожесточенные бои на полях сражений, когда Государственный комитет обороны СССР в сентябре 1944 года принял постановление о строительстве газопровода Саратов – Москва протяженностью 783 километра. Страна не знала подобного сооружения – магистрали столь крупного масштаба!

Первые камни в фундамент этого грандиозного предприятия заложили геологи Сеньюков, Можаровский, Кузнецов, Енгуразов. Основная нагрузка по прокладке газопровода возлагалась на Главное управление аэродромного строительства НКВД СССР. Работы велись круглосуточно, на стройке было занято до 30 тысяч человек.

В горниле войны зарождалась новая, доселе вообще не предполагаемая отрасль промышленности – газовая индустрия. Отрасль, скорое появление которой и в мыслях не допускал даже такой великий предсказатель, как академик Губкин, зато делали реальностью такие его прямые последователи и ученики, как Сеньюков, в первую очередь.

Ныне почти никто и не ведает, что, оказывается, Москва до октября 1917-го была одной из наиболее отсталых в смысле газификации столиц мира. Если на одного жителя Лондона тогда потреблялось в год почти 180 кубометров газа, в Брюсселе – 120, в Париже – без малого 110, то в Москве – не больше 10. Газовое производство считалось делом сомнительным, частные предприниматели не желали рисковать деньгами, а царское правительство почему-то вообще не было заинтересовано в развитии такой отрасли. Правда, с приходом власти

Советов газификации стало уделяться больше внимания. Но речь, в основном, шла о выработке этого вида топлива искусственным путем.

Военное время напрочь отметало старорежимные, допотопные методы получения газа: оно впервые открывало возможность для широкомасштабного использования неисчерпаемых кладовых «невидимого» топлива, которое за миллионы лет выработала сама Природа.

И все-таки прежде чем новорожденная отрасль получит нынешний, для многих завидный «суверенитет», пройдут годы и годы нелегкой борьбы за её утверждение и становление. Учрежденный с открытием первых саратовских месторождений Главгазтоппром при правительстве СССР, в силу множества привходящих обстоятельств, еще очень и очень не скоро приобретет надлежащий полноправный статус самостоятельного ведомства.

Впрочем, яростное нежелание признавать «законность» появления новой отрасли давало знать о себе с первых её шагов.

Нитка газопровода Саратов – Москва пройдет болотами и топями, пересечет многие десятки рек, речек и озер. Но на её пути были не только эти преграды – природные. Прежде чем она «прошла» леса и степи, бессчетные болота и реки, надо было убирать с дороги всевозможные ведомственные барьеры, рогатки, которыми уставляло её великое множество псевдорадивых и лжерачительных хозяйственников: под военную бирку они всеми мерами силились законсервировать строительство, помешать ему. «Ничего, война всё спишет! – оправдывали они свои действия. – А главное сейчас для нас – самолеты, пушки и танки делать!» «Им будто невдомек было: без горючего вся эта техника – мертвая груда металла», – с иронией заметит Сенюков.

Сенюков, возглавляя и Государственную геологическую экспертизу по магистральному газопроводу Саратов – Москва, с присущими ему упорством и дотошностью решает сотни и сотни повседневных гидрогеологических, технических, организационных вопросов: это его детище. А ему, раз он берется за дело, не дано ничего другого, кроме как «жить и дышать», «дышать и жить» им. И он не знает иных темпов, кроме ударных. Именно такой настрой мог позволить оперативно – всего за два месяца! – выполнить изыскательные работы по разведке трассы, определению мест под компрессорные станции. Работы, на которых было занято всего десять партий геологов, геодезистов, проектировщиков и бурильщиков.

Не хватало труб, не было современных машин и механизмов,

автоколонн, изоляционных материалов, а трассу расчищали сами сварщики, геологи, строители. Потому только девиз «Сделать максимум возможного за минимальный срок» и мог подгонять к ускорению работ бригады того же, скажем, теперь уже скрытого за туманом легенд ЭПРОНа*, которому пришлось уложить по дну рек и озер больше десяти километров труб.

Как не раз писала газета-многотиражка «Боевая стройка», каждый понимал: он строит первый в стране дальний газопровод. Событием исключительного значения называет июньский номер газеты за 1946 год первый газовый факел в Подмосковье, зажженный монтажниками и строителями в честь прихода саратовского газа к границам столицы.

В июле 1946 года Москва «сдает в архив» за ненадобностью печи «буржуйки», выметает со дворов домов и предприятий угольные копи, вывозит за городскую черту дровяные поленицы, ломает дровяные сараи. Видно, надо было быть тому свидетелем, чтобы сполна понять смысл этого события: десятилетия, столетия Москва топила свои печи дровами, углем, и в один прекрасный день всё это должно было навсегда уйти в прошлое. Как и булыжные мостовые, извоз, конки, форейторы, калиберы, дрожки, фаэтоны, линейки, деревянные приземистые строения, всё «ветхозаветное».

Как «красный день» надолго запомнят москвичи день 11 июля того 1946 года: получая на жизнь довольно скудные пайки по карточкам – только год как кончилась война, – они не могли не нарадоваться тому, что теперь отпадали всякие заботы о дровах, нужда тратить на них деньги. В этот день на столичные квартиры, заводы, фабрики, электростанции, предприятия впервые пришло чудо-пламя – голубое пламя саратовского газа.

Для Сеньюкова не было другого, лучшего живого свидетельства того, чем так стремительно обернулась его вера в сокровища Нижнего Поволжья. И волей-неволей поверишь в искренность ходившей тогда среди москвичей молвы: люди готовы были не пожалеть денег на золотой памятник тому, кто одарил их такой «роскошью». Ибо произошедшее безо всяких натяжек воспринималось всеми как революция в быту. Равно как и в экономике.

Сталин, внимательно следивший за ходом сооружения газопровода Саратов – Москва, безусловно, не мог оставить вне своего внимания на-

*ЭПРОН – Экспедиция подводных работ особого назначения. (Авт.)

учный подвиг Сенюкова. По Постановлению Совнаркома СССР еще в январе 1946 года ученому-геологу присуждают очередную Сталинскую премию 1-й степени за обоснование, открытие и исследование саратовских месторождений газа. Но, пожалуй, по-своему куда символичнее другая награда, которую вместе с группой строителей и эксплуатационников газопровода Саратов – Москва вручили в Кремле и Сенюкову, – орден Красной Звезды, почетнейший знак боевой доблести.

Богатства топливных ресурсов, таящихся в недрах саратовской земли, превзошли самые смелые ожидания. Отныне в стране впервые начинает разворачиваться по-настоящему широкий, планомерный и целенаправленный поиск нового, более совершенного, чем нефть, топлива – «невидимого золота». И в наши дни уже мало кто даже вообще допускает мысль, что когда-то могло быть иначе... Могло и было. До появления газопровода Саратов – Москва, положившего начало созданию мощной топливной империи – Единой системы газоснабжения СССР. В 1948-м вступили в строй магистральные газопроводы Дашава – Киев и Кохтла-Ярве – Ленинград, Туймаза – Уфа. В 1956-м – газовая магистраль Ставрополь – Москва. Уже позднее – сверхмощные трассы Газли – Центр, север Тюмени – Запад и т.д.

Люди сведущие утверждают, что рекорд скорости, установленный первооткрывателями газовых сокровищ и строителями почти 800-километровой магистрали Саратов – Москва остается непобитым и до сих пор. Но не это главное. Оно – в другом. В том, что это ПЕРВЕНЕЦ ГАЗОВОЙ ИНДУСТРИИ – новой отрасли народного хозяйства. Отрасли, которая, зародившись в войну, достигла потом подлинного расцвета и воистину исполинских масштабов. К полуторастам тысячам километров приближается ныне протяженность магистральных газопроводов, и ими можно более чем в 3,5 раза опоясать Землю по экватору. С помощью природного газа выплавляются почти вся сталь и чугун. Этим самым экономичным топливом пользуются в быту почти 200 миллионов человек. Вряд ли поддается подсчету выгода от еще одного экологического блага, дарованного отраслью, – чистоты воздушных бассейнов над сотнями и сотнями городов и промышленных центров, благодаря чему в немалой степени оберегается самый священный капитал – здоровье людей.

Наверное, будучи только основоположником целой (да какой!) отрасли науки и экономики Василий Сенюков уже вправе был бы рассчитывать на благодарность и современников, и потомков. Но для него самого это лишь малая толика того, что ему было суждено свершить.

С годами любители казуистики будут мудрить над тем, как вообще понимать термин «газовая индустрия». Цель ясна – с возрастанием масштабов отрасли сузить или умалить во всяком случае роль в этом газопровода Саратов – Москва. А стало быть, и автора идеи, главного идеолога и инициатора его сооружения. Кому-то не иначе как многовато показалось связывать рождение мощной ветви экономики с именем Сеньюкова.

Впрочем, вовсе не в подобной славе видел он смысл жизни, главное для него то, что он делал и сделал Дело. Дело, благодаря которому он, подобно мифическому Прометею, сумел отыскать, добыть и подарить людям огонь фантастической силы. Огонь, способный осветить миллионы и миллионы городских квартир и сельских домов, наполнить энергией мышцы заводов, фабрик, электростанций.

Трудно удержаться и не привести выдержку из доносящей отзвук своего времени статьи в первом номере газеты Управления строительства газопровода Саратов – Москва «Боевая стройка» за 1947 год: «Построен дальний газопровод – первенец газовой индустрии... Как много труда, энергии вложено в это сооружение! Сто тысяч стыков накрепко соединили трубопровод. Ни на минуту не гасла дуга сварщика. В дождь и мороз, в любое время дня и ночи трудились люди самоотверженно для Москвы, для города, в котором живет великий Сталин...»

Кстати, геолог Сеньюков безусловно входил и в состав государственной комиссии по приемке этого сооружения в эксплуатацию.

А теперь – информация к размышлению. Немного об удивительном. О том, сколь тихо, скромно и незаметно вспоминались вообще и прессой в частности юбилейные 10-я, 20-я, 30-я и 40-я годовщины с момента ввода в строй первенца газовой индустрии. Как будто 11 июля 1946 года произошло некое заурядное событие, не означавшее ни крупной ломки в сознании и быте людей, ни начала резкого поворота к прогрессу в экономике. Дальше – больше. То ли в насмешку, то ли с тайной целью вовсе «замазать» ту памятную дату, в год 20-летия первого появления чудо-пламени Саратова в Москве, в 1966-м брежневские «верхи», ничтоже сумняшеся, объявляют 11 июля Днем... рыбака.

Только к своему золотому юбилею – 50-летию – газопровод Саратов – Москва наконец достаивается, чтобы о нем заговорили во всеуслышание. Была небывалая масса публикаций в огромной массе центральных и столично-московских газет и прочих изданий. Ни в какой из них не было одного – даже скромной, для приличия, ссылки на то, кто был его главным закоперщиком. Кто, переупрямив всех и вся, в

первую очередь ускорил наступление времен, когда один из известных ученых-англичанин Дж. Бернс не без зависти был как-то вынужден сказать: «Русским исключительно повезло с открытием месторождений природного газа: запасы его имеются во всех частях страны».

Но как и очень многие в России, англичанин Бернс вряд ли даже отдаленно знал, кто предвосхитил и с чего начиналось то везение.

Казалось, вся «эпопея», связанная с открытием газовых сокровищ под Саратовом, с прокладкой локальных и сооружением первого дальнего газопровода, уже не могла оставить Сенюкову времени на что-то еще. Но это только казалось. Со стороны. И – только тем, кто не очень близко или мало знал о неумности его натуры. А лихолетье войны лишь удесят�еряло его энергию и стремление сделать как можно больше для фронта, для отпора врагу, для Победы.

С резким, как то требовалось, расширением выпуска самолетов, машин, танков небывало быстро росла нехватка в горючем для них. Надо было во что бы ни стало находить новые источники нефти. Именно под этим углом зрения Сенюков неослабно, тщательно изучает геологические материалы, схемы, разрезы, поступившие из Сибири, Средней Азии, европейского Северо-Запада страны. И всё же главные надежды видит в «организации фронтального наступления» на недра Урало-Поволжья, в подтверждении прогнозов Губкина на «черное золото» из девонских глубин. И Госкомобороны СССР мобилизует «мозг страны», как в ту пору говорили о ведущих ученых, на штурм «девона Губкина».

Еще до войны, в 1940–41 годах, редактируя фундаментальный коллективный труд «Урало-Волжская нефтеносная область», Сенюков довольно обстоятельно ознакомился с геологическим строением этого района. Теперь он видел свою задачу в том, чтобы определить наиболее выгоднейшие точки для закладки скважин, которые дали бы нефть наверняка. Стране нужна была верная нефть! Еще раз пересмотрены сотни схем, чертежей, геологических карт и нарядов, лично обследованы десятки структур, опрошены сотни бурильщиков и инженеров на промыслах, дававших нефть из более молодых, чем девон, пластов.

– Нефтяное дело – рискованное, – вспоминались не раз слышанные слова Губкина. – Нечего бояться неудач... Нужно под разведки подвести научную базу и сочетать теорию с практикой, и тогда ошибок будет меньше. Надо очень детально изучать геологическое строение не только данной разведочной скважины, но и разрезы всех пробурен-

ных по соседству скважин, исследовать «капризы» каждой буровой.

Первые разведочные скважины на девонскую нефть было решено начать бурить на Самарской луке (Куйбышевская область), в Туймазах (Башкирия) и в Северокамске (Пермская область).

Новые, созданные в войну буровые долота из сверхтвердого сплава должны были пробить почти двухкилометровый жесткий слой кремневого панциря, под которым природа, казалось, навечно укрыла древние клады «черного золота». Бурение, изучение извлеченных буром образцов пород велись круглыми сутками – в холод и в слякоть, в дождь и в стужу.

К началу 1943 года во «втором Баку» нефть давали уже десятки скважин. Но проблему должен был решить только девон.

25 апреля 1943 года издается совместный приказ, подписанный замом наркома нефтяной промышленности Н. Байбаковым и вице-президентом Академии наук СССР И. Бардиным, направленный на то, чтобы срочно наверстать упущенное в освоении девона «второго Баку» и форсировать работы по поискам девонской нефти в Урало-Волжской нефтеносной провинции. К этим работам помимо Сеньюкова привлекаются также председатель Комиссии по мобилизации ресурсов Поволжья и Прикамья при АН СССР академик Е.А. Чудаков, начальник геологического отдела НК нефти Г.А. Гришин, другие ведущие ученые и хозяйственники.

О таком широком походе на девон мечтал до последних дней своей жизни академик Губкин. Он начинается практически лишь спустя четыре года после его смерти. И начинается во многом благодаря тому, что удалось доказать нефте- и газоносность Нижнего Поволжья, а главное – несомненное существование вдвое более древнего, кембрийского «черного золота».

Удачу принесла осень 1944-го. На Самарской луке, а затем и в Туймазах забили мощные фонтаны девонской нефти. Всем стало ясно: открыты богатейшие залежи! Прогнозы Губкина подтверждались более чем блестяще! Бензин, солярка, смазочные масла из девонской нефти потекли в «оборонные резервуары» огромным потоком.

Годы спустя девонскую нефть дадут многие районы Татарии, Башкирии, всего Урало-Поволжья. Запасы «черного золота» девона «второго Баку» превзойдут самые смелые ожидания. Будут открыты нефтяные богатства девона на европейском северо-востоке страны – в предгорьях Тимана. Прогнозы Губкина, его предсказания подтвердятся с лихвой: один девон «второго Баку» будет годами поставлять без малого всю Большую нефть страны.

В этом велика заслуга учеников и последователей академика. И не в последнюю очередь Сеньюкова, энтузиаста девонской нефти, горячо, настойчиво боровшегося за претворение в жизнь одного из заветов Учителя. Будь то совещание по общегеологическим вопросам, или встреча с писателями и журналистами, или специально, по его инициативе, созванная в Ленинграде в 1948 году Всесоюзная девонская конференция (кстати, первая и последняя! – Авт.) – везде с трибуны звучит убедительное, страстное слово Сеньюкова, оратора о неисчерпаемых сокровищах «черного золота» в девоне.

Уже после войны, в 1946 году, в Пензе выйдет первая в своем роде книга «К вопросу нефтеносности девонских отложений Русской платформы и Западного Приуралья», написанная Сеньюковым совместно с профессором Тихоновичем по материалам Первой комплексной экспедиции 1942–1945 годов. В ней авторы, опираясь на данные анализа первых, открытых в 1944 году месторождений девонской нефти, определяют главное направление разведочных работ на «черное золото» в девонских отложениях всей европейской части страны. Своеобразным наброском к этой книге несомненно надо признать научную работу «Мобилизация нефтяных ресурсов «второго Баку» в годы Великой Отечественной войны», написанную Сеньюковым в 1943 году и получившую высокую всеобщую оценку.

...Война близится к завершению. Всё позади. Тревожная московская осень 1941–го. Тяжелейшая битва у стен твердыни на Волге – Сталинграда. Знаменитая Курская дуга. Героическая оборона Ленинграда. Наши армии освобождают Киев, Одессу, Севастополь. Наступают по всему фронту. Гонят врага в его собственное логово.

На всю мощь работает индустрия «черного золота»: потребность в горючем для военной техники растет небывалыми темпами, изо дня в день. «Выдыхаются» одни нефтяные пласты, в строй вступают новые. Но к исходу войны подготовленных к эксплуатации нефтяных площадей становится всё меньше и меньше. До войны страна ежегодно добывала до 30–35 миллионов тонн нефти, а в 1945 году – в целом едва «наскребли» 20–25 миллионов.

И вновь народному хозяйству угрожал острый топливный голод. Жизнь настоятельно требовала кардинально решить эту проблему № 1 экономики: страна приступала к мирному строительству, к великому восстановительному труду.

1941 г.
Сыктывкар.
Встреча
В.М. Сенюкова
с учащимися
средней
школы
№ 12

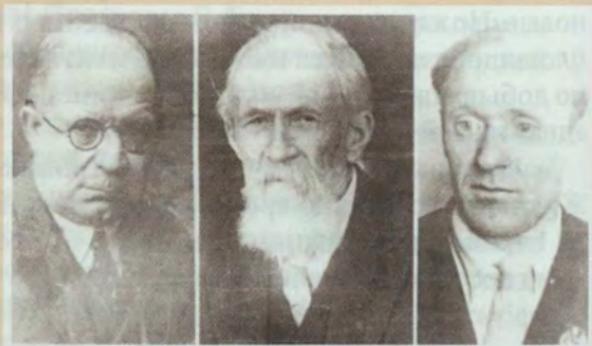

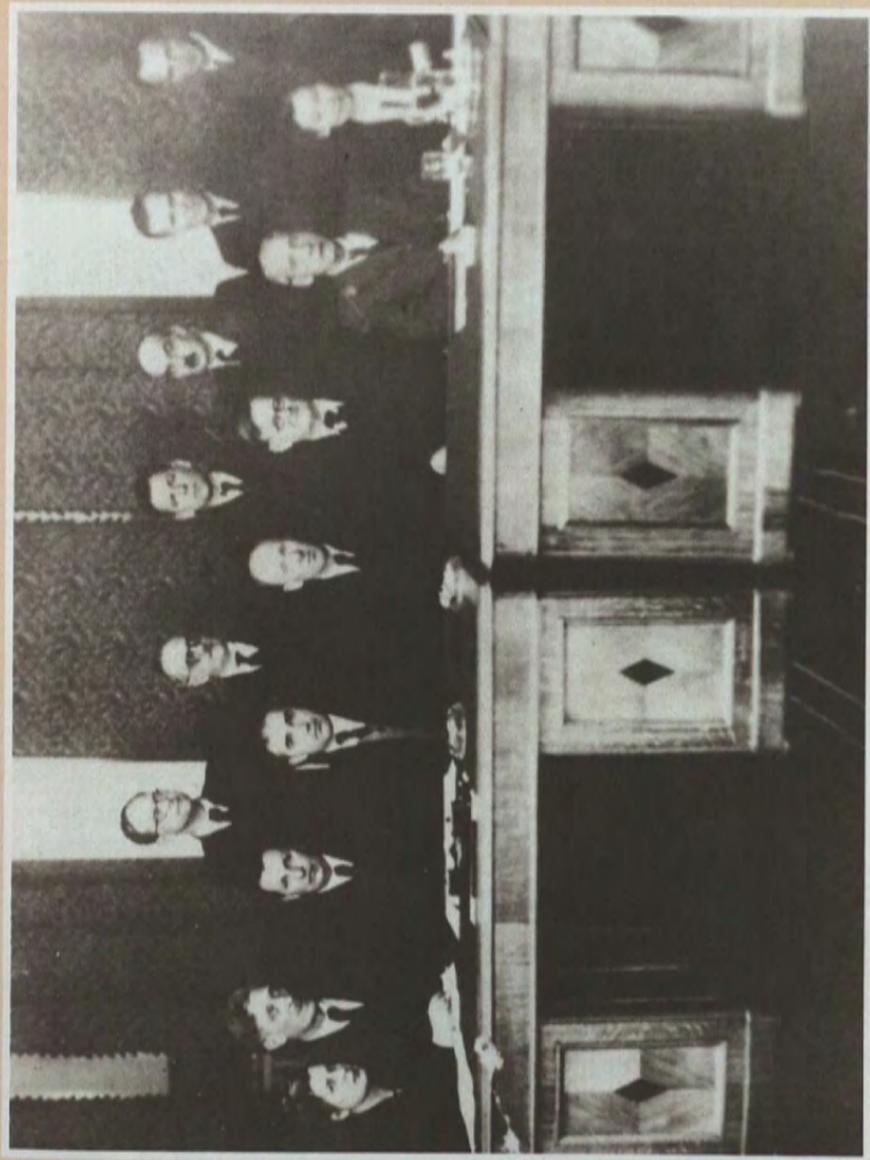
1971 г. Москва.
В Кремлевском саду

1920 г. Усть-
Сысольск.
В.М. Сенюков
и его дядя
(по маминей
линии)

Март 1941 г. Москва.
Выдающиеся деятели
советской науки, им
присуждены Сталинские
премии 1-й степени:
Н.Н. Бурденко,
В.А. Обручев,
В.М. Сенюков

1950 г. Москва. Участники заседания Ученого совета Московского филиала ВНИГРИ

1970-е гг. Москва.
В.М. Сенюков

1974 г. Москва. В Музее революции.
В.М. Сенюков за просмотром
экспозиции

1974 г. Москва.
В.М. Сенюков в
лаборатории по
проблемам происхож-
дения нефти и газа

1973 г. Княж-
погостский
район. На ма-
лой родине.
На берегу реки
В.М. Сенюков
с племянни-
ком Реомиром

1970-е гг. Москва.
ВНИИгаза. В.М. Сенюков
во время выступления

1935 г. Москва. В годы учебы в Московском нефтяном институте,
среди сокурсников В.М. Сеньюков

1974 г. Москва.
Перед зданием
ВНИИгаза.
В.М. Сенюков
с коллегами по
работе

1970 г. Москва.
В.М. Сенюков на приеме
у чиновника докладывает
о нефтегазоносности
Тимано-Печорской
провинции

Апрель 1974 г.
Сыктывкар.
Актный зал СГУ.
За столом
президиума
(справа налево):
Е.Д. Ликанова,
В.М. Сенюков,
В.А. Витязева,
Б.Я. Брач,
В.С. Дегтев,
В.В. Бурлыкин

1935 г. Москва. Коллективный снимок инженеров-геологов Московского нефтяного института

1960-е гг.
Во время одной
из геологических
экспедиций

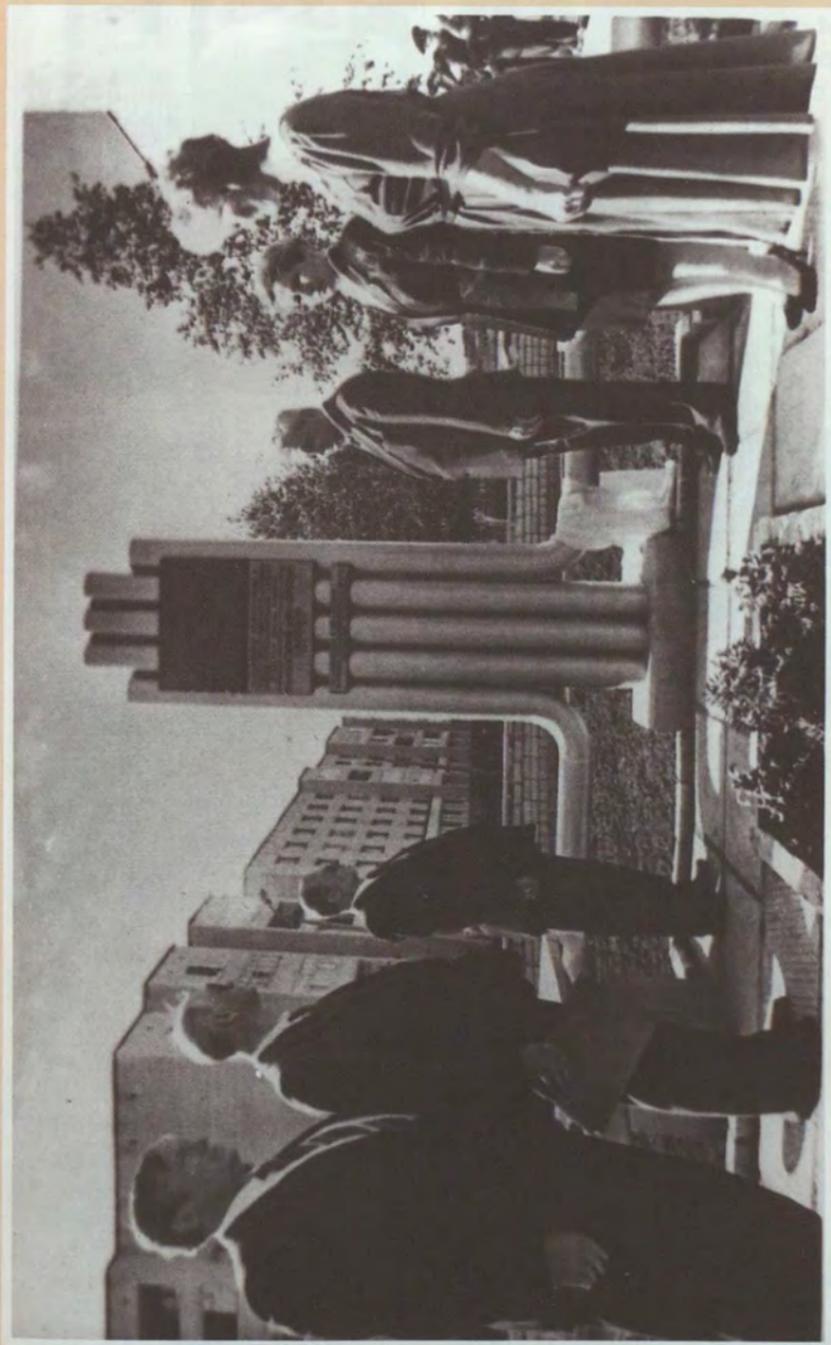
1963 г. г. Березово
Тюменской области.
В.М. Сенюков

1960 г. Княжпогостский район.
Во время отдыха на малой
родине. В.М. Сенюков
с родными

1940-е гг.
с. Весляна. На
реке Вымь
в лодке группа
людей, среди них
В.М. Сенюков

2.08.1996 г. Емба. Открытие мемориальной стелы по случаю 50-летия газовой индустрии страны и 90-летия со дня рождения В.М. Сенюкова

1974 г. Москва.
В Музее революции.
Встреча с коллегой.

1971 г. Сочи. В ботаническом саду
В.М. Сенюков и селекционер
Ф.М. Зорин рассматривают
плоды на деревьях

1930-е гг. Сыктывкар.
В.М. Сенюков и
М.Т. Пономарев

1963 г. г. Березово Тюменской
области. В.М. Сенюков
за редактированием статьи

1929 г. Сыктывкар. В. М. Сеньюков среди делегатов 7-го Коми областного съезда Советов

1929 г.
Усть-Сысольск.
В.М. Сенюков
с младшей
сестрой
Анисьей

1931 г. Москва.
В.М. Сенюков
с сыном Ремиром
и женой
Богдановой Анной
Филимоновной

1944 г.
Сталинградская
область.
В.М. Сенюков
и его зам
по экспедиции
Н.С. Нисвит
и бурильщики

1956 г.
Саратовская
область.
На скважине.

1962 г.
г. Марково
Иркутской
обл. Фонтан
кембрийско-
го газокон-
денсата
и нефти
из опорной
скважины

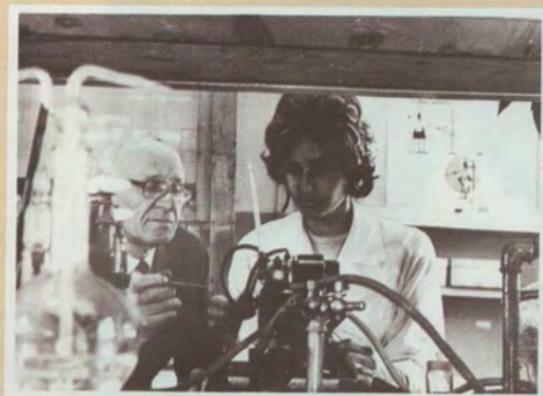
1962 г. с. Кони, Княжпогостский район. В гостях у старшей сестры Анны Михайловны

1940-е гг.
д. Кони, Княж-
погостского
района.
А.П. Щанова
и Анна Михай-
ловна Жилина
(родственники
В.М. Сеньюкова)

1930 г.
г. Сыктывкар.
В.М. Сеньюков,
его младшая
сестра Анисья
и их друзья

20.11.1974 г. Сочи.
В актовом зале.
На комсомольском
собрании.
В президиуме среди
других В.М. Сеньюков

1974 г. Москва.
В лаборатории
по проблеме
происхождения
нефти и газа

1940-е гг. Москва.
В.М. Сеньюков

1969 г. г. Сыктывкар. В Президиуме Верховного Совета Коми АССР. Слева направо: Безносов П.А.,
Калюжный В.А., Морозов И.П., Витязева В.А., Сенюков В.М., Катаев Е.Ф.

1960 г. Княжпо-
гост. Около роди-
тельского дома
В.М. Сенюков
с родными

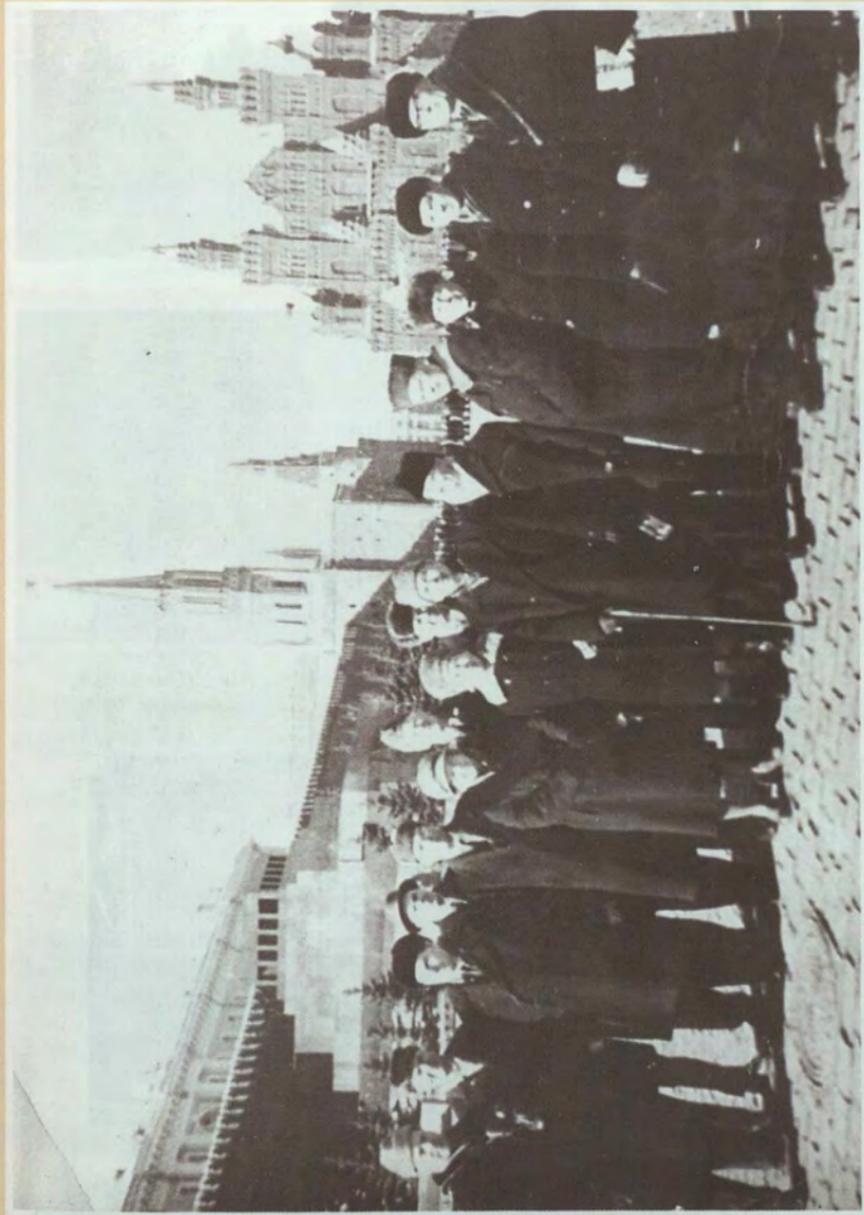
1929 г.
Усть-Сысольск.
В.М. Сенюков
среди учащихся
курсов
по подготовке
правовых
работников

г. Москва.
В.М.Сенюков

1964 г. Якутск.
Профессор
В.М.Сенюков
с одним из своих
учеников и после-
дователей

1971 г. Москва. На Красной площади делегация из Коми АССР, среди других В.М. Сенюков

1949 г. г. Антугай.
Буровая вышка

1962 г. Тюменская обл.,
Берёзовский р-н

1962 г. г. Марково, Иркутская обл.
Пожар на буровой скважине

Октябрь 1930 г. Москва. В годы
учебы в Московском нефтяном
институте

1970 г. Москва.
ВНИИгаза. В.М. Сеньюков
рассматривает минералы

1947 г. Москва. В торжественном зале Кремля. В.М. Сеньюков среди награжденных Сталинскими премиями

1971 г.
Москва
В.М. Сеньюков
с сыном
Ремиром
и внучкой
Ольгой

1977 г.
г. Сыктывкар.
В учебной
аудитории СГУ
В.М.Сеньюков
выступает перед
студентами

1929 г. Усть-Сысольск.
В.М. Сеньюков – пред-
седатель пролетарско-
го студенчества Коми
автономной области

1950-е гг. с. Онежье. У церкви
Пресвятой Богородицы группа женщин.

Встреча ветеранов геологии Республики Коми в Москве у памятника И. Губкину в 110-летнюю годовщину со Дня рождения В.М.Сенюкова. 25 апреля

1930 г.
с. Онежье
Княжпогостского
района.
В.М. Сенюков
с онежскими
ребятишками

1948 г. г. Ухта.
В.М. Сенюков и
Н.Н. Тихонович
на фоне Красно-
го знамени

21 мая 2017 года. Посещение земляками могилы В.М. Сенюкова на Введенском кладбище.

СТРАТЕГИЯ ГЛУБОКОЙ РАЗВЕДКИ

«...Если у общества появляется техническая потребность, то это продвинет науку вперед больше, чем десяток университетов».

Ф. ЭНГЕЛЬС

«Велико незнание России».

Н.В. ГОГОЛЬ

«Геологу для выработки научных методов прогнозирования залежей полезных ископаемых нужна вся Земля».

Академик А.П. КАРПИНСКИЙ

Э то уже становится атрибутикой и неким бедствием века: великое число наших сограждан, начиная от генсеков, президентов и генералов (в том числе «свадебных») и кончая академиками и депутатами разных рангов, прямо-таки обуреваемо страстью-болезнью – непременно и поскорее! – «осчастливить» массы собственным жизнеописанием и пополнять ряды «писателей». Хотя свершенное этими «авторами» для народа подчас вообще сомнительно, а чаще – не стоит и ломаного гроша.

Для таких, как Сенюков, подобный путь к славе и «вхождению в историю» не только претит, но и чужд. И – заботит меньше всего. Для них жаль даже тратить время на такого рода «писания». Их занимают главным образом писания совсем другого склада.

...Уже на следующий день после Парада Победы на Красной площади, за которым Сенюков наблюдал как почетный гость, он наглухо запирается в своем рабочем кабинете, чтоб никто не отвлекал, и садится за внимательную вычитку полученной накануне с машинки объемнейшей своей статьи «Теоретические основания районирования Русской платформы в отношении нефте- и газоносности». Никто, конечно, кроме него самого, и ведать не мог, что этот научный труд будет той «ласточкой», что сделает «весну» в его новом проекте. Проекте, который станет и впрямь стратегическим планом глубокой разведки недр Союза и «задаст непочатый край работы» на десятилетия не только геологам, но и специалистам многих отраслей знания.

В редакции центрального журнала «Нефтяное хозяйство», куда он приносит рукопись, все знали, чем были сплошь заполнены дни и ночи Сенюкова в войну. Потому вполне резонным прозвучал вопрос:

– Да когда же вы успели?

– Статья написана на основе доклада, который я делал

в ГИНе*, кто помнит, еще в 1942 году, – как бы оправдывался Сеньюков.

В статье, опубликованной спустя месяца три, в октябрьском номере журнала за 1945 год, Сеньюков, оперируя материалами как изученными, так и лично добытыми в полевых условиях до и в годы войны, впервые ведет речь о «попытке наметить, хотя бы в самых общих чертах, принципы определения наиболее благоприятных поясов и центров возможного нефте- и газообразования на Русской платформе» – от Прикаспия и Кавказа до Тимана и Белого моря. Он в подробностях восстанавливает перед читателем события и рельеф платформы в разные геологические эпохи, периоды, века, обстоятельно анализирует природу возникновения современных очертаний земного ландшафта, прослеживает цикл его формирования от архея до нашей эры и – в связи с этим – процесс образования залежей нефти и газа.

Набросав под таким углом зрения план общего развития Русской платформы и уточняя её геологическую карту, Сеньюков намечает и исходные районы для поисков промышленной нефти и газа, назвав их «узлами нефтеобразования». Соединяя центры таких узлов, выделяет несколько крупных площадей, в которых наиболее вероятно образование нефтяных и газовых месторождений. Предлагает назвать эти площади «поясами нефтегазонакопления». Сеньюкову видятся четыре таких пояса: два – в центральной и северо-западной части платформы, образующих два прямоугольника: внутренний и внешний, и еще два – на северо-востоке – Тимано-Уральский и на юго-востоке – Прикаспийский.

Статья была снабжена сноской «Печатается в порядке обсуждения» и вызвала бурные толки среди геологов.

Тем временем Сеньюков уже готовит свою докладную записку в правительство о «новом наступлении на геологическом фронте», как в ту пору по её поводу было замечено Сталиным, о генеральной разведке недр.

В войну исследования геологии Сибири были несколько свернуты: главные силы специалистов стягивались на поисках горючих ископаемых в районах Среднего, Нижнего Поволжья, «второго Баку». Но созданные в свое время по инициативе Сеньюкова геолого-разведочные управления и тресты на местах всё же – елико возможно – продолжали вести изыскания.

Материал о геологическом строении пространств Сибири накапливался. И постоянно анализировался, изучался.

Под рукой у Сеньюкова оказались огромные кипы «геологических

*ГИН — геологический институт АН СССР.

документов» не только по азиатской, но и европейской части страны. По всему Союзу. И что особенно важно – почти все эти материалы об истории развития Земли добыты своими руками или самим проверены в полевых условиях. Потому не кого-то еще, а именно Сенюкова и могла ВПЕРВЫЕ озарить мысль взглянуть на необъятные просторы страны как на единый геологический материк.

И родившийся замысел достоин своего времени. «Да, это теперь назрело. Это единственно верный путь изучения недр страны – покрыть всю её территорию сетью глубоких разведочных скважин. Но только – пробурив их в геологически наиболее выгодных точках, «прошив» в них всю толщу пластов осадочных пород до кристаллического фундамента, отбирая, по мере проходки, пробы от каждой «начинки слоеного пирога» земной коры. Данные, полученные при таком бурении, станут для геологов ОПОРОЙ в познании строения всей планеты до самой её мантии, в тысячи раз ускорят разведочные работы на все виды полезных ископаемых и помогут составить в кратчайшие сроки точную сводную карту размещения природных богатств».

Метод познания глубинной геологии СССР – в континентальном масштабе – будет называться «ОПОРНОЕ БУРЕНИЕ», а докладная записка на имя Сталина – «За разработку и научное геологическое обоснование метода опорного бурения и системы размещения опорных скважин на территории СССР». Труд займет добрых две сотни страниц машинописного текста и будет иметь карту-схему.

Обширный раздел в «Записке» – научное обоснование поисков нефти и газа на Русской платформе. Здесь будут еще глубже и шире развиты мысли, высказанные в известной по журналу «Нефтяное хозяйство» статье, раскрыты перспективы девона «второго Баку» и к югу и западу от него.

Районы, в которых задумано поставить глубокое бурение, Сенюков относит к двум резко отличающимся частям Русской платформы: области приволжских впадин, объединенных в структуре Ульяновско-Саратовской синеклизы, и области Подмосковной синеклизы.

Выявив тесную связь Приуральской зоны с Русской платформой, Сенюков выделяет три пояса – площади нефтеобразования: Тимано-Печорский, Волго-Уральский (Прикамско-Башкирский) и Урало-Эмбенский. И научно обосновывает их большую практическую ценность.

Сенюков напоминает, что на Русской платформе, включая и Урало-Волжскую нефтегазоносную провинцию, до кристаллической мантии Земли пробурено всего несколько десятков глубоких скважин. В то же время «на Мидконтиненте в САСШ, по геологическим условиям

имеющем много общих черт с Русской платформой, их заложено несколько сотен тысяч, что, конечно, не могло не сыграть исключительную роль в открытии там крупнейших месторождений нефти и газа». Обширнейшая территория Русской платформы – это «практически еще почти нетронутое поле деятельности для открытия колоссальных залежей «черного золота» и «невидимого топлива».

Автор «Записки» подчеркивает, что здесь пока ведется разведка лишь отдельных частных площадей (структур третьего порядка), решаются второстепенные, частные задачи, а не общие – главные, ведущие. Отстаивает мысль: в поисках нефти и газа мало брать за отправную точку лишь общее представление о том, что, скажем, территория Русской платформы – это комплекс таких структур первого порядка, как древнейшие Балтийский кристаллический массив – на Северо-Западе, Украинский – между правобережьем Днепра и северными берегами Черного и Азовского морей, Воронежский – в пределах Курской и Воронежской областей и система впадин: Урало-Волжской, Московской, Днепроовско-Донецкой и Прикаспийской. «Если мы хотим найти несметные нефтяные и газовые клады, наш «щуп» должен прошивать прежде всего структуры второго порядка – «валы» и «впадины», более поздние сооружения природы в пределах самих структур первого порядка». И назвав восемнадцать таких зон-поясов поднятий и прогибов, намечает точки для бурения всего-навсего пятидесяти четырех опорных скважин. На всю обширную территорию европейской части Союза!

Говоря о геологическом освоении пространств Средней Азии, Сениюков отмечает: «В нефтеносной провинции – Ферганской долине – добыча и разведка ведется только в наиболее открытой части структур «первого Адарского кольца». Между тем центральная часть области, таящая наивысшие перспективные богатства, остается совершенно неизученной. Для расширения промышленной разведки здесь совершенно необходимо изучить строение недр в центральной части Ферганской депрессии». Здесь задается шесть опорных скважин.

Сениюков предлагает также научно обоснованный план дальнейшего освоения Крымско-Кавказской нефтяной провинции, предлагая пробурить считанные единицы скважин на Апшеронском полуострове, на юго-восточном склоне Кавказского хребта, а также в долине реки Куры. А кроме того и в Грозненской нефтяной области, в Майкопском нефтяном районе.

Называет он и точки для закладки скважин в Туркмении – «для изучения всей Прикаспийской низменности».

И, конечно, у энтузиаста-исследователя Сибири на особом счету – её необъятные просторы. Геологические знания Сенюкова о ней к 1946 году заметно пополнились. Его внимание всё больше и больше привлекает Сибирское Заполярье, Арктика, где, по его пока еще предварительным прогнозам, могут найтись структуры, благоприятные для скопления нефти и газа.

Поэтому, отметив в «Записке», что глубинные недра территории Сибири остаются совершенно неизученными, Сенюков напишет: «Среди коллектива советских геологов... всё более укрепляется вера в огромные потенциальные возможности пространств Сибири в отношении нефтегазоносности как палеозойских, так и мезозойских отложений».

Чтобы придать поискам верный курс, он предлагает:

– срочно возобновить бурение законсервированных в войну скважин в районе Тавды, в Ермаковско-Невской структуре (Кузбасс), в Усть-Кутской структуре (бассейн реки Лены) и на Амгинской структуре (Якутия);

– заложить пять опорных скважин на территории Западно-Сибирской низменности; три скважины в Минусинской котловине (на Быстрянской структуре): три скважины на северо-западном погружении Кузбасса и три – в Чулымо-Енисейской впадине; 4–5 – на стыке восточного склона Северного Урала с пересечениями Енисейского кряжа и Таймырской депрессии, предварительно выполнив здесь геофизические исследования»...

Словом, по Сенюкову, опорным бурением должна быть охвачена вся Европейская часть СССР (Подмосковье, Волго-Уральская область, Белоруссия, Украина, Прибалтика, автономная республика Коми, все северные, центральные и восточные районы РСФСР, Кавказ, Крым), Сибирь – Восточная и Западная, Сибирское Заполярье, Средняя Азия и Дальний Восток. Столь дерзкого, сколь и грандиозного плана широкого научного геологического наступления на недра ни отечественная, ни мировая история наук о Земле еще, конечно, не знавала.

Как бы объясняя рождение своей идеи, Сенюков скажет в «Записке»: геологам «уже почти известно, что все полезные ископаемые (нефть, газы, уголь и др.) на земном шаре концентрируются по определенным узлам. Эти закономерности в основном обусловлены сменой материков и океанов в результате движений земной коры». А уровень знаний вполне позволяет переходить на значительно более смелые эксперименты, к решению более смелых задач, с тем чтобы познать законы, по которым легко будет определить условия залегания наиболее богатых зон концентрации нефти и газа и резко повысить качество

геологических работ. Благодаря этому удастся быстрее изучить всю нашу территорию и организовать добычу жидкого и газообразного топлива на высоком научном уровне».

В «Записке» Сеньюков пишет: «О том, насколько накладны иные пути – бессистемные поиски, разведка с помощью «диких кошек», неудачу, более чем убедительно говорит опыт США, где всё чаще стали сетовать на то, что нефтяная геология практически превратилась в фактор разорения страны: уровень добычи 240 миллионов тонн нефти в год в США достался ценой бурения 1200 тысяч (! – Авт.) скважин».

Сеньюков убежден: такой длительный, «эволюционно-экспериментальный» путь для нас абсолютно неприемлем», нужно «перекрыть его революционным теоретическим путем в десятки раз скорее».

Докладную записку Сеньюкова Сталин изучает с красным карандашом в руках: многие её страницы пестры от пометок, от самых похвальных восклицаний, неизменно подписанных размашистым: «И. Сталин».

Особенно поражает Сталина, что «широкое континентальное геологическое наступление на недра», это «грандиозное мероприятие» Сеньюков предлагает провести... почти без особых капитальных затрат – только лишь за счет некоторой перестановки сил геолого-разведочной службы страны, поскольку «пустые» скважины, не дающие ни нефти, ни газа, составляют пока 70–80 (!!! – Авт.) процентов от общего числа пробуренных»...

Если вспомнить, что только за довоенные годы разведчиками-геологами было пробурено около 10 тысяч скважин, то 70–80 процентов и от них составят довольно немалую цифру. И всё же «коренной вывод» для Сеньюкова в другом: высокий уровень добычи не является следствием лишь высокого абсолютного числа эксплуатируемых скважин, а главным образом – нахождения высокодебитных месторождений, что в разведочном деле наиболее трудная задача. «Её в конечном счете должна решить хорошо поставленная теоретическая геология».

Смелый эксперимент, по расчетам Сеньюкова, потребует сил более чем скромных. Всего 113 (!!! – Авт.) опорных скважин. И еще четырех так называемых «опытно-опорных», они станут «ключом для расшифровки данных по геологии на 113 опорных в целом по Союзу».

Такая фронтальная разведка, согласно Сеньюкову, позволит геологам, геофизикам, геохимикам и буровикам за три-четыре года (к 1950 году. – Авт.) нарастить добычу нефти в стране до 120–180 миллионов тонн в год.

Надо вспомнить: принятый в марте 1946 года Государственный

план восстановления и развития народного хозяйства СССР на послевоенные 1946–1950 годы ставил задачу довести к концу пятилетки ежегодную добычу нефти до 60 миллионов тонн. Считалось, что это будет реально и уже достаточно для того, чтобы экономика могла крепко встать на ноги.

Докладная записка Сенюкова, с апреля 1946 года исполнявшего обязанности директора Всесоюзного нефтяного научно-исследовательского института, а по совместительству – начальника СИБ-3 вновь созданного Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР*, вносила в Государственный план существенную поправку.

Сенюкова срочно вызывают в правительство.

...Телефонный звонок будит его в три часа ночи – во вполне обычное для той поры «деловое время». На другом конце провода – Сталин.

– Я только что закончил чтение Вашей докладной записки. Советовался с Байбаковым (тогда министр нефтепрома Н.К. Байбаков. – Авт.). Он – поддерживает. Вы предлагаете стоящее дело. Я назначил чрезвычайное заседание Совмина. Оно начнется через полчаса. Будем обсуждать записку, не откладывая. Прошу Вас прибыть в Кремль. Машина, думаю, уже ждет Вас у Вашего подъезда...

Короткий разговор накануне заседания Совета Министров с присутствием членов Политбюро ЦК.

Сталин: Васылий Михайлович! Когда я читал Вашу «Записку», мне вспоминался Бальзак...

Перехватив несколько недоуменный взгляд Сенюкова:

– Видеть лы... Бальзак писал свои книги настолько увлеченно и страстно, что перо едва поспивало за мыслью. Ваш труд, по-моему, отмечен тем же... Я не специалист в геологии, но, признаюсь, читал «Записку» в захлеб...

Сталин не скупился на похвалы, говоря о «Записке» Сенюкова, и, поручив министрам «изучить её досконально», заметил:

– Вот как надо работать!

Последующие события все-таки сложатся не совсем так, как думалось Сенюкову. Но поначалу делу будет придан довольно быстрый ход.

По прямому указанию Сталина учреждается Московский филиал Ленинградского Всесоюзного научно-исследовательского геолого-разведочного института (ВНИГРИ), на который всецело возлагается

*В марте 1946 года, в связи с преобразованием СНК СССР в Совет Министров СССР, Наркомнефти разделяется на два самостоятельных министерства нефтяной промышленности: а) восточных районов и б) западных и южных районов.

воплощение в жизнь идеи Сенюкова. Издаётся соответствующее решение правительства, выпускается Положение о бурении 113 опорных скважин. Создаются мощные базы глубокого бурения в 4-х министерствах и, кроме того, специальная база для бурения четырех опытно-опорных скважин с её 11 дорогими роторными и десятками крелиусных станков. Подчеркивается особое значение опытно-опорных скважин: с их помощью, помимо тщательного испытания пластов с нефтью, газом, водой, исследований ненарушенного керна всех слоев, надлежит «выяснить вопросы гелионосности, радиоактивности и решать другие важнейшие народнохозяйственные задачи...»

К детальному, на новом этапе, изучению истории земной коры привлекаются самые крупные научные силы. Всё это наступление возглавит Сенюков: в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 24.01.1947 г. он назначается директором Московского филиала ВНИГРИ.

Опорное бурение, этот, по всеобщему признанию ученых, подлинно советский проект генеральной разведки недр, получает настоящую путевку в жизнь, и, как уже позднее отметят люди сведущие, полностью оправдывает себя как основной метод распознавания перспектив нефтегазоносности, подтвердит свое непреходящее научное значение для всестороннего познания геологического строения всех регионов бывшего Союза.

Какое крупное месторождение нефти или газа ни возьми – будь то в Якутии или в Тюменской области, в Средней Азии или на Таймыре, на Украине или в Татарии, в Коми или в Восточной Сибири, в Эстонии или на Кавказе, – все они до единого вскрыты бурами опорных скважин. И не одни только нефтяные и газовые сокровища. В том и особая ценность опорного бурения, что оно, помимо всего, открыло кратчайшие пути к новым подземным кладам железных и марганцевых руд, меди и никеля, золота и алмазов, кобальта и урана...

Как тут не вспомнить слов академика Губкина, услышанных Сенюковым в начале пути в науке:

– Да, нефтяная геология, пожалуй, самая трудная наука. Тут и черновой работы больше, чем где-либо. И удачи порой дожидаются долго-долго! Но зато уж и отдача для всех наук и для экономики несравнима с любой другой отраслью.

По обыкновению своему, Сенюков, конечно, намеревался «провести идею в жизнь в весьма короткие сроки: это была вполне реальная задача». Тем не менее воплощение замысла затянется на долгие годы.

Сенюков, будь то публичные лекции в зале Московского политехнического музея или выступления перед бурильщиками, конференции геологов или научные семинары, везде и неизменно повторяет одну мысль: да, проект генеральной разведки недр в масштабах всего Союза не мог, к сожалению, появиться до войны – тогда еще оставалось много «белых пятен» на геологической карте страны. За 1939–1946 годы их становилось всё меньше, а данных о «телосложении» глубин Земли достаточно для того, чтобы такой проект сумел «созреть». И он «созрел», но только и безусловно – в развитие идей академика Губкина о региональной нефтеносности. (О газоносности в канун 1940-х практически говорили вообще как о чем-то не так важном).

Иными словами, проект опорного бурения был в первую очередь нацелен на решение проблемы жидкого топлива. И Сенюков был уверен: благодаря этому сумеет скоро добыть не капли, а моря своей мечтанной кембрийской нефти. Не меньшие надежды возлагал на девон «второго Баку». Тем более что промысловики стали получать новейшую для своего времени технику – отечественные буровые станки, оснащенные мощнейшими, но легкими, удобными в обращении двигателями- дизелями, которые даже американцы тогда не без зависти называли «королями моторов». В войну подобные двигатели обычно ставили на знаменитые танки «Т-34». Больше стало поступать к поисковикам и турбобуров, способных вгрызаться в самые твердые и глубокие пласты Земли.

Всё это в большой мере предопределило многие достижения в реализации идеи Сенюкова. «Заговорил» девон в Башкирии. Особенно памятным и крупным оказалось там Бавлинское месторождение. И всё же настоящее начало «второму Баку» суждено было положить мощному фонтану девонской нефти, забившему близ села Ромашкино в Татарии весной 1948 года. Фонтану благородного золотистого цвета, казавшемуся всем самым достойным, самым лучшим памятником главному предсказателю нефтяных богатств девона – академику Губкину. Не напрасно потом бывший председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков в своей книге «Дело жизни» прямо назовет открытие Ромашкинского месторождения эпохальным событием в развитии нефтяной промышленности страны.

На опорную буровую в Ромашкино Сенюков прибывает в тот же день, как только узнает о победе поисковиков. Ярко светило солнце, стояла теплынь, уже пробивалась трава. То была ни с чем не сравнимая

поездка: она подарила встречу с исполнившейся Мечтой Учителя. Правда, потом имела несколько курьезное завершение. Будучи в Ромашкино, Сеньюков на радостях без спроса забирает у девчат-коллекторш флакон с остатком дорогих духов, выплескивает содержимое на землю и наполняет фасонистую бутылочку девонской нефтью, чтоб увезти отсюда как драгоценный памятный сувенир. Дома, распаковывая его походный рюкзак, жена обнаруживает сверток, в котором был флакон самых тогда модных духов, за которыми охотились все щеголихи столицы, и, конечно, обрадовалась «подарку». А когда развернула... Словом, ушел он в свой кабинет и всю ночь ворочался, скрипел раскладушкой, расстроенный столь неожиданным финалом поездки в Ромашкино...

Пройдет всего год-два, и благодаря открытиям «черного золота» в девонских пластах Земли Татария одна станет поставлять стране около 50 миллионов тонн нефти, а всё «второе Баку» будет годы и годы являться основным регионом нефтедобычи Союза.

Кстати, ромашкинский мощный фонтан девонской нефти несомненно помог отвести от Сеньюкова удар со стороны тех сил, что развернули отдававшийся потом долгим эхом погром среди деятелей науки в злопамятном 1948 году. Складывалось так, что еще недавно имевший открытый доступ к Сталину Сеньюков, которого однажды – и не без оснований (!– Авт.) – вождь прозвал даже «генералиссимусом геологии», стал всё больше замечать: в отношениях между ними начала вырастать невидимая, но в то же время прочная, непробиваемая стена. Он лишался всякой возможности не только – при особой надобности – очных встреч, но и прямых телефонных переговоров со Сталиным. Это, безусловно, не могло не настораживать Сеньюкова, поскольку он всей душой верил в поддержку с его стороны и был искренне предан ему. И все-таки больше всего Сеньюков был предан своему Делу. Хотя оно далеко не всегда приносило удачи и радости.

* * *

Путь Сеньюкова-ученого пролег там, где наука особенно тесно переплелась с жизнью, с прогрессом в экономике, с политикой. И ему довелось идти на опасный риск не только в своих походах по Сибири, за «золотым руном», или по степям Поволжья и дебрям Приуралья, но и в утверждении правоты, в борьбе за идеи Губкина.

Вслед за докладной запиской о генеральной разведке недр он разрабатывает и уже в первой половине 1947 года представляет в прави-

тельство широкий план поисков «черного золота» в сибирской Арктике.

Рекогносцировочные, в основном, исследования в заполярных Енисейско-Хатангской и Таймырской впадинах с 1933 года вели Арктический институт и Горно-геологическое управление Главсевморпути. Изучив материалы, ознакомившись с ходом дел, Сенюков находит, что за тринадцать лет пока удалось лишь выяснить несколько существенных геологических вопросов для оценки перспектив нефтеносности Арктики, но вне поля зрения остались многие кардинальные проблемы. В своей докладной «О направлении геолого-разведочных и поисковых работ на нефть в Арктике на конец пятилетки» (1946–1950 гг. – А.П.) ученый подчеркивает: бурение на «черное золото», развернутое в этом районе страны, притом в больших объемах, начато преждевременно, без научного обоснования, без правильной планировки различных категорий разведочных приемов и исследований, чем и объясняется его совершенно ничтожный промышленный эффект.

Прежде чем приступить к закладке скважин в вечной мерзлоте, пишет Сенюков, надо было точно знать как саму тектонику Хатангской впадины, так и её «сопряжение» с предгорной зоной Верхоянского хребта, с Западно-Сибирской низменностью, с Тунгусской впадиной. Всё же это пока намечено очень схематично, приблизительно, требует тщательной проверки. В сущности, отмечает далее ученый, здесь до сих пор не ясна главная линия удара. То, что делалось, в основном представляло топтание на месте: скважины пробурены наобум, без учета главного – какому горизонту подчинены нефтеносные залежи района.

Имея конечной целью открытие на Таймыре промышленных залежей нефти и газа, Сенюков намечает план исследований геологии Арктики всего с помощью восьми-десяти опорных скважин. Позднее они вскроют уникальные месторождения топлива, и сегодня о сокровищах Сибирского Заполярья знает весь мир. Но как вообще идее об опорном бурении, так и «арктическому проекту» Сенюкова суждено будет сбыться отнюдь не скоро.

...В проекте об опорном бурении Сенюков ставил принципиально важный для развития народного хозяйства вопрос: следует резко ускорить перевод советской экономики на современное сырье и топливо – на нефть и газ.

Но едва только успело получить полное «добро» дерзновенное, уникальное начинание ученого, как снова поднимают голову «угольщики», пытавшиеся (правда, безуспешно) помешать исследованиям Сенюкова еще в Нижнем Поволжье, в войну. Их всячески готовы под-

держат и ученые-геологи, которым затея Сеньюкова была поперек горла. Якобы по указанию сверху признается чуть не самым важным форсировать добычу угля, торфа, заготовку дров как промышленного горючего материала. Малоэффективные твердые виды топлива настойчиво выводятся на ведущее место в топливном балансе Союза.

Конференция по развитию производительных сил Сибири. Форум крупнейших геологов СССР. Иркутск. Середина 1947 года. Уже здесь «угольщики» навязуют общественности свою точку зрения. Особенно во время острой дискуссии, развернувшейся здесь вокруг проблемы кембрийской нефти.

Владимир Сергеевич Карпышев, главный геолог Восточно-Сибирского георазведтреста:

– Оценка Сибирской платформы в отношении её нефтеносности никогда не была единодушна. Немало скептиков и на этом высоком собрании... Но как и во всякой разведке, в поисках нефти можно встретиться с неудачами, которые ни в коей мере не должны служить поводом к отрицательным выводам. Кембрийская нефть, полученная в Якутии, на Толбе, является «живым свидетелем» нефтеносности Сибирской платформы. Мы уверены, что будет открыта промышленная кембрийская нефть и в юго-восточной части этой платформы.

Глубокой верой в кембрий проникнуты выступления профессора Н.А. Флоренкова, представителя Якутского георазведтреста Ф.Г. Гулари.

Профессор Сеньюков:

– Путь практического решения проблемы нефтеносности кембрия Восточной Сибири лежит через бурение глубоких опорных скважин в районах, не изученных глубоким бурением, куда, в первую очередь, следует отнести Усть-Кут, Бельск–Усолье и Божежан–Каменск. Темпы и качество работ будут решать успех. Научная вера в нефть, в сибирскую нефть – в этом залог успеха!

Но сторонников кембрия в ту пору еще очень и очень немного.

Геолог Толстихина:

– Геологическая история этой территории неблагоприятна для сохранения залежей нефти в том случае, если эти залежи в большом количестве когда-то и сформировались.... Нецелесообразно сейчас вкладывать большие народные средства в дело поисков и разведок нефти в Сибири.

Особенно показателен доклад профессора Сергея Владимировича Обручева по теме «Геологические перспективы минерально-сырьевой базы Иркутской области», в котором было сказано:

– ...Вопрос, который возбудил очень оживленную дискуссию, – это

вопрос о нефти... Еще недавно считалось, что в таких древних отложениях, как нижний палеозой, вряд ли происходило накопление органических осадков в таком количестве, чтобы могла образоваться нефть; кроме того, эти осадки подвергались таким изменениям в течение дальнейшей жизни Земли, что трудно предположить, чтобы эта нефть могла сохраниться. Но открытие несколько лет назад на реке Толбе в Якутии доказало, что и в древнепалеозойских отложениях может заключаться нефть. В связи с этим надежды на палеозойскую (конечно, профессор имел в виду – кембрийскую. – А.П.) нефть сильно возросли, но в настоящее время нужно считать, что вопрос этот практически для настоящего дня не имеет такого значения, какое ему приписывали раньше. Это, конечно, чрезвычайно важный вопрос и в научном, и в практическом отношении, но надежды на обнаружение промышленной нефти в ближайшем будущем в пределах Иркутской области не так велики. Поэтому, если решать вопрос о том, как получить немедленно жидкое топливо, то, конечно, надо отдать предпочтение ПОЛУЧЕНИЮ ИСКУССТВЕННОГО жидкого топлива из УГЛЕЙ, так как это может быть сделано немедленно, а промышленные залежи нефти, может быть, будут найдены, может быть, нет, или, может быть, – через много времени.

(В одном оказывается прав профессор Обручев: нефть в пределах Иркутской области найдут «через много времени». Но не потому, что её запасы там «не так велики», а прежде всего потому, что опорная буровая, в силу неверия и косности, будет заложена, скажем, на том же Усть-Куте не в 1947-м, а только в 1961-м! А ведь понадобилось всего чуть более полугодя, чтобы уже в марте следующего 1962 года забил мощный, невиданной силы фонтан кембрийской нефти! Как она была бы кстати для страны в том, 1947-м!)

Об Обручеве-отце, академике-геологе, Сеньюков говорит с благодарностью: «Он дал мне большую силу ориентации в поисках, положительно ответив на вопрос, существовала ли органическая жизнь до кембрия: его выводы позволили доказать, что она и в кембрии уже получила мощное развитие...»

По поводу доклада Обручева-сына, геолога-профессора, выступившего, как, впрочем, и десятки других крупных ученых и специалистов, против поисков сибирской нефти, за ускорение добычи угля, Сеньюков тогда не мог сказать иначе:

– КАК МОЖНО ДОПУСКАТЬ ИСКУССТВЕННОЕ ПОЛУЧЕНИЕ ЖИДКОГО ТОПЛИВА ИЗ УГЛЕЙ, КОГДА СИБИРЬ ВСЯ ПЛАВАЕТ В НЕФТИ! НЕВЕРИЕ В НЕЕ НЕПОСТИЖИМО УМУ!

Но мнение большинства – против малочисленных «кембрийцев». За искусственное жидкое топливо из углей. За форсирование их добычи. Что и записывается в решениях конференции. Это «основное мнение научно-технической общественности» хозяйственники кладут в основу перспективных планов освоения Сибири, придав ему таким образом законную силу. И – на многие годы.

Но вскоре откроется и «оборотная сторона» этого шага противников сибирской нефти.

«В результате победы в войне 1941–1945 годов, по репарациям, Советский Союз получает, в числе прочего, дорогостоящее оборудование уникального нефтеперерабатывающего предприятия – и что особенно ценно! – в полном комплекте. «По указанию сверху завод монтируют... в Омске, который весьма и весьма далек от всех известных, да и предполагаемых месторождений нефти. Но тут была своя «логика». Поскольку решения представительнейшей Иркутской конференции по развитию производительных сил Сибири отрицали наличие нефти в её недрах и даже – более того! – необходимость в поисково-разведочных работах на «черное золото» и поскольку каждому ясно было, что сибирская экономика все-таки не выедет на жидком искусственном топливе из углей, средства, выделенные на освоение этого края, вкладываются... в сооружение трансконтинентального, почти трехтысячекилометрового нефтепровода из Европы в Азию – магистрали «второе Баку – Омск». В предприятие, нужда в котором по меньшей мере сомнительна! Надо вспомнить об острейшем дефиците в трубах! Об огромной капиталоемкости самой прокладки столь сложной трассы, не способной окупить себя и за десятилетия!»

С присущими ему прямоотой и горячностью Сеньюков бьет тревогу во всех инстанциях:

– Перекачивать из Европы в Азию нефть, которой сама Сибирь буквально залита, – абсурднее ничего не придумаешь! Вместо того, чтобы пустить средства на действительно широкую, фронтальную разведку и найти по-настоящему несметные нефтяные клады в самые кратчайшие сроки!

Сеньюкова услышат. «Правда, не те, кому надо было бы, кому близки государственные интересы. А те, кому, волею обстоятельств, всё было дозволено и всё сходило с рук и в последние годы жизни Сталина».

Один из главных знатоков геологического строения всей территории страны, человек недюжинных знаний по нефтяной и газовой науке, Сеньюков сломя голову кидается в бой, когда видит неоправданные, по здравому смыслу, деяния и в науке, и в практике. Его неизменный

союзник – глубокая вера в собственную правоту, в поддержку народа.

Смелость и упорство Сенюкова только сильнее распалют противников нефтяного и газового топлива. Сняты с руководящей работы в главках все ближайшие сторонники ученого, верные последователи и ученики академика Губкина. Один из них, слывший особенно активным борцом за ускоренное развитие газовой индустрии в стране, направляется на завод, вырабатывающий... жидкий газ. «И это в стране, где запасы природного, дешевлешего газа, уверен, вообще неисчерпаемы!»

Вскоре очередь доходит и до Сенюкова. Его вызывают в Кремль, а привезут на Лубянку. К главному в ту пору куратору и доверенному лицу по топливно-сырьевым ресурсам в высшем руководстве страны – Берии. В кабинете помимо него самого его «правая рука» Багиров. Любезно пригласив Сенюкова усесться в кресло, оба в один голос, без обиняков принимают решение распекать его и за выступление на конференции в Иркутске, и за протесты против прокладки нефтепровода «второе Баку» – Омск.

– Ну чего ты лезешь на рожон, когда вся научная общественность «за»? Разве тебе мало того?

– Это глупость – нелепее нету!

– По-твоему, все глупые, один ты – умный...

– Убежден, ничемная затея – тянуть такой дальний трубопровод туда, где я в ближайшее время найду моря нефти. Обещаю!

– Твои посулы всем надоели. Твоя сибирская нефть у всех навязла в зубах, набила оскомину. Ты собираешься понять это?!

– Никогда!

– Ты что – продолжаешь подкапываться под Баку?

– Почему же! Я и в Баку вижу новые, более глубокие и более мощные нефтяные горизонты. И уверен – они будут найдены! Что до Сибири – меня от нее не откrestить никакими силами. Я костыми лягу, но добыю своего!

– Благодарю Орджоникидзе, что тебя не упрятали за решетку еще в 1937-м. Но учти, ничего не потеряно! За подрыв ты ответишь головой и сейчас. За миллион, который ты выбросил на ветер в Якутии. (Кстати, этим «миллионом» Сенюкову «тыкали в нос» годами. – Авт.). Где твоя... эта к-кембрийская нефть?!

– То не ваша, моя забота!

– Выкинь это из головы, иначе мы тебя сгноим с лагерной пылью!

Или просто уберем...

– Х... вы посмеете, даю вам голову на отсечение! Сам товарищ Сталин не позволит!

– Забудь к нему дорогу! – это последнее, что услышал Сеньюков: от неожиданно нанесенного чем-то тяжелым удара по голове потерял сознание.

Очнулся неизвестно спустя какое время на койке в больничной палате. Как узнал потом, в кремлевской клинической больнице.

Потянутся казавшиеся невыносимо долгими дни безделья, пока не наступит час вызволения из «белого плена». Не терпелось скорее, как можно скорее включиться в работу. Вернуться к вынужденно оставленным исследованиям.

Но не подозревал Сеньюков, что по выходе из больницы его уже поджидал очередной, не менее крепкий удар.

Придя в свою проблемную лабораторию в проезде Владимирова, он застанет там жалкое нагромождение приборов, аппаратов, свалку из битых пробирок, бутылей, трубок. Всё повергнуто в прах – дорогостоящее оборудование, лабораторные эксперименты по проблеме происхождения нефти, начатые еще со студенческой скамьи. Важнейшие для науки и единственные в мире опыты, заложенные пятнадцать лет назад. Вычеркнуты годы и годы исследований, которые вот-вот должны были дать первые результаты и открыть многие тайны природы. Всё обращено в груды, в развал. Всё надлежало начинать сызнова...

Прежде Сеньюков не раз слышал угрозы, что не миновать ему потери поста директора института «за разбазаривание госсредств» на, как многие считали, безрезультатное бурение опорных скважин. Но не придавая тому значения, неизменно отвечал:

– Меня Сталин назначил, только Сталин и снимет!

Надо прямо признать: явно недооценив изменившуюся обстановку, Сеньюков здесь ошибся как ни в чем другом.

Запись в его трудовой книжке от 31.08.1951 года свидетельствует: он снят с работы в должности директора Московского филиала ВНИГРИ «за необеспечение руководства и за хоз. злоупотребления» приказом за № 459 министра нефтепрома Н.К. Байбакова (позднее – Председатель Госплана СССР).

Как бы то ни было, но Сеньюкова фактически отстраняют не просто от должности, а – что главное – от руководства всем затеянным им делом генеральной разведки недр Союза. И переводят на работу... по «закрытой» урановой проблеме. Но он и за нее берется с жаром, с обычным для него энтузиазмом и увлеченностью: стране, создававшей установки для ядерных исследований и атомное оружие, во всё большем количестве требовались чистый графит, металлический уран,

и только таким ведущим геологам Союза, как Сенюков, и было под силу активно и оперативно помочь физикам в решении этой задачи.

Но на новом месте ученый пробудет не так уж долго: вскоре ему предъявляют обвинение в утере совершенно секретных государственных документов. Накануне Сенюков брал их из Особого отдела для ознакомления и, как того и требовали предписания, не мог не возратить. Между тем в секторе выдачи папку с важнейшими документами по урановому топливу на месте «не обнаруживают». Подозрение падает на Сенюкова, «забывшего» сдать секретные материалы. Фабрикуется «дело о пропаже», им заинтересовывается лично сам Берия. А на Сенюкова накладывается строгий домашний арест.

Пребывая не одну неделю в неведении, пока ведется «следствие», Сенюков, конечно, ни минуты не теряет напрасно. Строка за строкой заполняются страницы многотомного труда «Кембрий мира», изучаются материалы по древнему палеозою, почерпнутые из зарубежных геолого-информационных источников, новинки литературы по нефти, изданные в США, в Англии, во Франции... По памяти восстанавливаются некоторые данные экспериментов и результаты многолетних опытов по проблеме проблем мировой геологии – генезису «черного золота».

Убедившись окончательно, что прямое обращение к Сталину исключалось напрочь, Сенюков – с риском для себя – пишет и через нарочных, втайне, отправляет пространное письмо тогдашнему первому секретарю МК партии Н.С. Хрущеву. Письмо, в котором открыто говорит о Берии всё, что о нем думает и что на самом деле представляет собой руководитель КГБ. (Насколько станет известно позднее, это письмо сослужит Н.С. Хрущеву свою службу при принятии решения об аресте и казни самого Берии)...

Настанет день, когда Сенюкова увозят из дому. Судилище ведет сам Берия. У Сенюкова отбирают партийный билет. Выносят приговор о расстреле. Уводят в камеру смертников. Но дальше дело опять приобретает непредвиденный оборот.

Обычно Берия расстрельные списки особо известных или именитых относил на визу Сталину. Сенюков оказался в числе сорока приговоренных к высшей мере. Придя в кабинет Сталина и положив список ему на стол, Берия отошел к окну, поджидая, пока Иосиф Виссарионович изучит представленный материал. Не прошло и минут пяти, как Сталин обернулся к Берии и поманил рукой:

– Лаврэнтий, иды сюда...

Тот приблизился к столу. Сталин, тыча пальцем на одну из строк в расстрельном списке, поднял на Берию глаза:

– Ты видишь?... Сэнуков Василий Михайлович... Сваэго дважды лаурэата – нэ позволю! – и, к нескрываемому неудовольствию Бери, собственноручно вычеркнул фамилию Сенюкова из списка, добавив вслед:

– И нэмэдлэнно, сэгодня жэ асвабоды его из тваэй турмы! И впрэдь его нэ трогай!...

Вскоре Сенюкова восстанавливают в правах члена партии, возвращают партбилет. Как и должно было быть, «утерянные» секретные документы будут найдены. Сенюков продолжит прерванные изыскания. И за открытие месторождения урановых руд удостоится еще одной, третьей по счету, Сталинской премии. Правда, присужденной по специальному «закрытому» постановлению правительства.

Немного погодя Сенюкову поименно назовут тех, кто был прямо повинен в том, что едва не кончилось его расстрелом. Подскажут, что он вправе возбудить против них уголовное дело. И будут обескуражены ответом:

– У меня хватает настоящих дел, чтобы еще тратить время на это...

Нет, он пока не будет приглашен даже во ВНИИГАЗ – институт, одним из основателей которого являлся. Тем более в свой – филиал ВНИИГРИ. Или в министерство. Четко сработает принцип: «Нет дыма без огня». Самое большее, что ему «доверят» после всего случившегося, – это должность старшего геолога темы № 6 геолого-поисковой конторы в тресте «Союзнефтегазразведка», а через месяц, в январе 1952-го, чин старшего инженера проектно-сметной группы.

Казалось бы, падение по служебной лестнице – ниже и не придумать. Но и это не сломит воли и упорства Сенюкова в главном – в том, чтобы, неважно в каком качестве, но продолжать начатое прежде. И с геологическим молотком в руке, с рюкзаком за спиной он снова выйдет на тропу первопроходцев, исходит тысячи километров по вечной мерзлоте тундры. Бассейн реки Таз, водоразделы между её притоками и рекой Пур; города Туруханск, Игарка, Дудинка, пространства заполярного Таймыра и севера Тюменской области, Хатанга, Нордвик, бассейн реки Оленек, впадающей, как и величавая Лена, в море Лаптевых, – здесь пролягут новые маршруты Сенюкова. Ему самому лично доведется проверять данные геологического строения Арктики, выяснять особенности недр Заполярья, Сибирской платформы и Западно-Сибирской низменности. Подтверждать собственные научные прогнозы в отношении нефте- и газоносности этого района Сибири.

Противники идей Губкина в нефтяной науке, как и «угольщики», не один год будут держать верх в топливной политике страны. Тем горячее, страстнее звучат на любых совещаниях и конференциях слова Сеньюкова:

– Когда в 1919 году Ленину показали образцы нефтеносных пород, доставленные из Татарии, он дал указание незамедлительно организовать разведку на «черное золото» в этой республике. Заметьте, в те трудные, казалось бы, гибельные для страны дни. Кому же не ясно, как мы обкрадываем себя, когда вместо широких научных поисков верных месторождений нефти и газа, прежде всего гоним вовсю добычу угля, допотопных видов твердого топлива?! Тем самым невольно сдерживая развитие таких современных отраслей промышленности, как, скажем, химия, тормозя технический прогресс во всем народном хозяйстве!

Так будет, пока не станут реальностью многие очистительные меры под знаком поворотного в жизни страны события XX съезда КПСС (1956 год). Съезда, которому во многом только и обязаны своим подлинным стартом Большая нефть, Большая индустрия газа, Большая химия, успехи всей Большой экономики Союза. Именно этот съезд впервые наметит, как настоятельно необходимый шаг, крутой поворот в сторону ускоренного подъема индустрии «черного золота» и «невидимого топлива». С него берет начало курс на преимущественное развитие добычи нефти и газа с возрастающим их использованием как сырья для химических производств. Именно в рубежном 1956 году будет учреждено наконец самостоятельное Министерство газовой промышленности Союза, то есть получает все «права гражданства» новая отрасль индустрии – та, о рождении которой возвестил вступивший в строй еще в 1946-м первый дальний газопровод Саратов – Москва.

Сегодня Газпром – чуть ли не самая процветающая экономическая «держава» на общем фоне отечественной экономики. Он занимает ведущее место в топливно-энергетическом балансе страны – его удельный вес достиг уровня почти 50 процентов.

Идея, предложенная Сеньюковым в 1946 году в Докладной записке на имя Сталина, десятилетие спустя обретет новый мощный размах, а в последующем обернется открытием невиданных сокровищ «черного золота» и «невидимого топлива».

Придет время, когда Сеньюков с гордостью скажет: «Триста (!!! – Авт.) опорных скважин у нас разрешили задачу, аналогичную по значению более чем полутора миллионам (! – Авт.) скважин, пробуренных в США».

Вооружив геологов выверенным компасом поиска и разведки, выбрав своим «плацдармом» всю ширь территории Союза, сеть опорных скважин не только стала лоцией на пути к тайникам подземных богатств, но и «выдала» столь обширный научный материал, что над ним будут годы и годы работать ученые десятков отраслей знания.

Весьма примечательная выдержка из центральной газеты уже середины шестидесятых:

«Две великие энергетические артерии протянулись параллельными линиями на карте Родины: Волга с каскадом электростанций и газопровод Бухара – Урал... Пейзаж индустриального Урала в изображении венчается нередко высокими заводскими трубами с облаком дыма. У художников это получается хорошо: дым клубится красивым облаком и уходит в простор неба, символизируя мощь индустрии. Не видно только, что из труб одной лишь Средне-Уральской ГРЭС под Свердловском, работавшей на УГЛЕ, выбрасывалось ежедневно на ДОМА и головы ЛЮДЕЙ ШЕСТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ПУДОВ ЗОЛЫ! НА КИЛОМЕТРЫ ВОКРУГ ЗЕЛЕНЬ РАСТЕНИЙ ПЕЧАЛЬНО ТУСКНЕЛА СКВОЗЬ ПЕПЕЛ. И ВОТ НАГЛЯДНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ РАБОТЫ ГАЗОПРОВОДА: ДЫМ ИСЧЕЗАЕТ С УРАЛЬСКОГО НЕБА... Труба газопровода несет 19 миллиардов кубических метров газа в год, а это пропасть энергии. В пересчете на ЭЛЕКТРИЧЕСТВО она составляет почти 40 МИЛЛИАРДОВ КИЛОВАТТ-ЧАСОВ. Для сравнения напомним, что весь каскад волжских электростанций... всей матушки-Волги в целом в год дает 29 миллиардов...»

Добавим: по топливному эффекту газопровод Бухара – Урал часто приравнивали к трем таким гидростанциям, как самая мощная в мире Братская ГЭС. Но не менее отраден индустриальный пейзаж страны: ДЫМ И КОПОТЬ ИСЧЕЗЛИ НЕ ТОЛЬКО С УРАЛЬСКОГО, НО И МОСКОВСКОГО, ЛЕНИНГРАДСКОГО, ЧЕРЕПОВЕЦКОГО, ТУЛЬСКОГО. ЛИПЕЦКОГО, ГОРЬКОВСКОГО НЕБА. ИЗ ВОЗДУХА, КОТОРЫМ ДЫШАТ ДЕСЯТКИ, СОТНИ ДРУГИХ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ СОЮЗА. НА ДЕЛЕ ОБЕРЕГАЕТСЯ ГЛАВНЫЙ И САМЫЙ СВЯЩЕННЫЙ КАПИТАЛ – ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА.

Это только штрих «крутого поворота», претворенного в явь усилиями армии геологов. И героев-строителей.

Только один, маленький штрих. Но он вполне дает знать, почему после 1956 года в разведку на нефть и газ страна стала вкладывать средств больше, чем на поиски всех остальных полезных ископаемых, вместе взятых.

Моя первая встреча с Сенюковым произошла в августе 1952 года. Будучи наслышан о нем как о большом ученом, лауреате Сталинских премий, я, конечно, даже в мыслях не мог допустить, что в то время он всего-то, оказывается, был... начальником Ергенинской геологической экспедиции. Правда, что мне стало известно уже позднее, открывшей крупное газоконденсатное месторождение в степях Кубани – на Березано-Выселковской площади. Это предопределило дальнейшее направление геолого-разведочных работ во всем Краснодарском крае. Начало же им как раз проложила опорная скважина, что в числе других также предусматривалась к бурению проектом Сенюкова о генеральной разведке.

Но это тот случай, когда верность прогноза ученого подкреплялась при его личном, так сказать, участии. А как шли дела на десятках других опорных буровых? Судить об этом можно было больше по отчетам. Между тем многие из них оказывались «липовыми». Во-первых, из соображений дискредитировать саму идею скважины зачастую бурились не в тех точках, что были первоначально намечены в проекте. Во-вторых, только небольшую часть из них можно было назвать действительно ОПОРНЫМИ, поскольку закладывались они с намеренным нарушением требований. А в-третьих, нередко за таковые выдавались самые заурядные «дикие кошки», которых более чем хватало и бурению которых покровительствовал и кое-кто из высокопоставленных чиновников госаппарата, всячески благоволивших немалому числу противников теории Губкина, и из недоброжелателей самого Сенюкова. Кое-чья неприязнь к последнему оборачивалась по сути саботажем его идеи.

Всё это, разумеется, не могло не создавать благодатную почву для разговоров о разбазаривании средств на бесполезное бурение опорных скважин. А еще больше – о сомнительности начинания Сенюкова. И потому – о желательности вообще покончить с этим «пустым» занятием. Тем более, после того, как его главный идеолог был фактически «отстранен от руля» и повержен.

Но идея сама повержена быть не могла. Она «работала», находила своих настоящих проводников. Правда, получилось, как подчас происходит с иной песней, которая, будучи сочиненной композитором имярек, потом завоевывает такое признание, что уже не мыслится иначе как народная.

Да, «неудобный» и «неугодный» Сенюков формально окажется лишенным возможности административно контролировать ход реализации собственного замысла. Ибо, начиная с января 1953 года, больше

двух десятилетий будет являться лишь руководителем одного из подразделений в институте ВНИИГАЗ. И, наверное, еще и поэтому большинство геологов, даже прямо внедрявших в практику метод опорного бурения, с годами переставали знать, кто его подлинный автор.

Находясь в Тюмени, не от дилетантов, а от весьма именитого ученого слышу примерно следующее:

– Только опорному бурению обязано своей всемирной славой богатейшее «третье Баку», но что этот метод родился в 1946-м, узнаю впервые.

Один из недавних моих собеседников, тоже занимающий в науке довольно высокое положение, и вовсе выказал полное (а, может, напускное?) неведение, когда на вопрос о заслугах Сениюкова как ученого ответил:

– Он, кажется, кое-что сделал для края, где родился.

Другой, не менее уважаемый и сам прошедший сквозь нелегкие испытания геолог Г.А. Чернов готов изо всех сил убеждать любого, что проект опорного бурения был рассчитан только на европейскую часть Союза.

Их мне доводилось слышать немало – суждений, граничащих либо с элементарной неосведомленностью, либо с добросовестными заблуждениями, а больше – с сознательным неприятием доминанты, которая была свойственная Сениюкову. Речь о том, что его свершения носят отнюдь не только и не столько локальный и даже региональный (что, кстати, само по себе не так уж и мало значаще, если, скажем, это такой регион, как Поволжье, Тюмения или Коми), сколько широко-масштабный, глобальный и стратегический характер. Трудно, пожалуй, найти среди его коллег второго такого, кто с самого начала пути воспринял как научное и жизненное кредо слова академика А.П. Карпинского, вынесенные в эпиграф этой главы.

Потому легко объясним эпизод, имевший место еще при жизни самого Сениюкова.

В конце 1963 года в Москве вышла книга «Открыватель подземных тайн», являвшаяся, как справедливо сказано в предисловии к ней члена-корреспондента Академии наук СССР М. Варенцова, «по существу первой обстоятельной работой о замечательном советском геологе И.М. Губкине». Автор – московский литератор М. Лapidус – решил, как водится, один её экземпляр с дарственной надписью преподнести Сениюкову. Обрадованный самим фактом выхода в свет долгожданной книги о своем крестном отце в науке и главном Учителе, он пригласил литератора к себе домой и принял в самом добром к нему предрасположении. Однако встреча длилась недолго. Минут через пятнадцать Сениюков неожиданно изменился в лице и, обрушив на

гостя каскад ругательных слов, выставил его за дверь, бросив вослед:

– Прежде чем браться писать, надо изучить суть вопроса!

То был бы не Сенюков, поступи он иначе, наткнувшись на «незамеченное» и членкором Баренцевым утверждение, приведенное на 316-й странице книги: «открытия при Губкине и после него месторождений нефти... были сделаны именно благодаря предложенной им системе бурения опорных скважин». (Подчеркнуто мной. – Авт.)

Что называется, одним росчерком пера приоритет в «коронной» для Сенюкова как ученого идее бездумно приписывается Губкину, который вовсе не нуждается в преувеличивании заслуг – их у него и так более чем достаточно.

Нетрудно представить, как повел бы себя Сенюков, доведись ему прочесть на 135-й странице книги бывшего Председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова «Дело жизни», вышедшей почти двадцатью годами позже, в 1982-м, следующее: «Одно из бесспорных достижений советских геологов – опорное бурение, идея которого была высказана в свое время академиком И.М. Губкиным...» (Подчеркнуто мной. – Авт.)

Не в характере Сенюкова было предпочитать худой мир доброй ссоре: дескать, я живу и ты живи. В таком «болоте», считал он, наука немедленно кончается. И не допускал никакого компромисса в принципиальных вопросах.

За то, что ошибающихся и заблуждающихся в отношении и авторства идеи и термина «опорное бурение», хватало и хватает поныне, прежде всего следует благодарить, как говаривал Ломоносов, «неприятелей наук российских».

Сегодня многие – кто больше, кто меньше – восхищаются возможностями, которые открывает перед поисковиками рожденная временем новая ветвь науки – космическая геология. Нет сомнения, что вкупе с современными, всё более совершенствуемыми наземными методами разведки она поможет открыть не одно крупное месторождение полезных ископаемых.

Её несомненной и воистину знаменательной предтечей стал отмеченный подлинно космическим взлетом научной мысли грандиозный проект разведки недр на шестой части планеты Земля, предложенный Сенюковым в 1946-м – за десять лет до запуска первого в мире искусственного спутника.

В ЭПИЦЕНТРЕ ПРОТИВО- СТОЯНИЯ

*«Всякое начало трудно – это спра-
ведливо для любой науки».*

Ф. ЭНГЕЛЬС

*«Посев научный взойдет для жатвы
народной».*

Д.И. МЕНДЕЛЕЕВ

Мне не привелось бывать в старинном селении Березово у реки Вогулки на севере Тюменской области. Но знаю: одной из главных его достопримечательностей считают – и непременно показывают всем гостям – памятник бурильщику Николаю Драцкому. Как уверяют именитые ученые-геологи, именно он перевез буровую установку в собранном виде с прежнего на то, выбранное им по наитию место, где в сентябре 1953 года и ударил неожиданно фонтан горючего газа. Фонтан, высота струи которого достигала 40–50 метров, а суточный выброс – нескольких сотен тысяч кубометров. Мол, фонтан был «случайный», хотя – больше чем знаменательный. Самый первый в Сибири вообще, он к тому же возвестил о начале «тюменского феномена».

Эта легенда вполне вписывалась во всячески подогревавшиеся и стойко и широко поддерживавшиеся в те годы постулаты о правильности тактики поисков нефти ли, газа ли с помощью «диких кошек». Легенда легендой, а на самом деле всё обстояло совершенно иначе, что подтверждает в своих воспоминаниях даже бывший заместитель министра угольной промышленности СССР (угольщик! – Авт.) В. Литвинов. Вот что он пишет, восторгаясь тем, когда ученик (Сенюков) превосходит Учителя (Губкина):

– Еще в 1939 году Сенюков обратился к руководству Наркомтопа, (тогдашнему наркому Л.М. Кагановичу. – Авт.) с докладной, в которой с поразительной уверенностью заявил: «...На территории Западной Сибири... в настоящее время известно шесть пунктов с достоверными признаками нефти: в Сургутском районе, на реке Тавде, в Звериноголовском и Шадринском районах, в окрестностях станций Ганьков-

ской и Называевской. Грандиозная по площади Западно-Сибирская низменность – одна из самых перспективных геологических областей в Сибири по нефтеносности, и уже в настоящее время выделен ряд районов для разведки кайномезозойских и более глубоко лежащих палеозойских отложений, в которых предполагаются залежи, до некоторой степени аналогичные нефтяным месторождениям «второго Баку». После войны Сениюков вновь возвратился к идее поисков нефти за Уралом. Его предложение организовать здесь опорное бурение, которое должно было кардинально выявить особенности строения недр этих районов, вскрыть нефте- и газоносные горизонты, не встретило поддержки, но он всё же добился постановки буровых работ в районе селения Березово в Тюменской области».

Так что в пору развеять наконец добросовестные или намеренные заблуждения многих ученых мужей, да и геологов-разведчиков насчет случайности выбора точки заложения той знаменитой скважины. Как раз в то время будучи на севере Тюмени и узнав, что вовсе не там, где положено, была смонтирована опорная буровая, именно Сениюков, а не кто-то еще, зная, что ему терять уже нечего, и уговорил бурильщика Драцкого на свой страх и риск перебросить собранную установку туда, где ей надлежало быть по проекту генеральной разведки недр.

Удивительно другое, пожалуй, действительно случайное, но по своему примечательное совпадение. В 1933 году вблизи поселка Нахабино в Подмоскovie группа энтузиастов, куда входили малоизвестные Ф.А. Цандер, С.П. Королев, М.К. Тихонравов, провела первый запуск 1-й жидкостной ракеты – предшественницы современных космических. Именовалась ракета Р-1. Точно такой же номер – Р-1 – имела опорная скважина близ Березова на севере Тюмени, возвестившая о рождении крупнейшего в бывшем Союзе нефтегазового королевства, потому что Березово после этого сразу превратилось в центр геологоразведки всей Западной Сибири.

Тем не менее после 1953 года утечет еще немало воды и сменится немало зим и весен, прежде чем этот регион заставит заговорить о себе на весь мир. Почти то же самое можно сказать и о Якутии, да и всей Восточной Сибири.

По рассказам очевидцев, 15 октября 1956 года из опорной скважины со счастливым номером Р-1, пробуренной на правом берегу якутской реки Вилюй, ударил мощный газовый фонтан. И это всем запомнилось как грандиозное и даже сказочное зрелище. За короткий отрезок времени буровая вышка превратилась в 50-метровый ледо-

вый столб, из которого с шумом, сопоставимым с ревом реактивного двигателя, вырывался газ. На укрощение фонтана потребовалось три месяца напряженной работы в условиях суровой зимы.

Но очень немногие знали, что открытие этого, первого в Якутии Усть-Вилуйского промышленного газового месторождения тогда вполне могло и не состояться или состояться неизвестно когда, если бы накануне, в 1954-м, получило ход уже подготовленное решение Центра о прекращении всяких нефтегазопроисследовательских работ в этой республике. Оно отбросило бы на неопределенный срок создание здесь собственной индустрии нефти и газа, а значит, возможность отказа от привычного завоза нефтепродуктов, чем нанесло бы ей непоправимый экономический ущерб.

Диктат Центра вкупе с господствовавшей командно-административной системой ощутимо ограничивали самостоятельность регионов, и это отрицательно сказывалось чуть ли не в первую очередь на сфере геологического освоения недр Союза в целом и в деле поиска кладовых «черного золота» и «невидимого топлива» – особенно. Складывалось так, что всячески поддерживались «верхами» и имели превосходство люди, для кого, казалось, важнее всего принцип «Чем хуже, тем лучше». Ученые, чьи «теории» не находили реального подтверждения на практике и отвергались самой жизнью и опытом, безусловно не могли равнодушно, безревностно взирать на успехи тех коллег, чьи предвидения и прогнозы оправдывались чуть ли не на каждом шагу.

Нефть как полезное ископаемое известна давно. Но споры о её происхождении не утихают и ныне: это проблема проблем геологии. Их не один десяток – гипотез о происхождении нефти, а тем более её месторождений. Противостояние между сторонниками каждой из них достигало порой, в силу обстоятельств, непредсказуемого накала. Такого, который, к примеру, обернулся даже разгромом лаборатории Сенюкова, где велись многолетние исследования этой проблемы. Лаборатории, фактически ставшей жертвой борьбы за утверждение в жизни научных идей академика Губкина. Казалось бы, ничто не предвещало подобной бури тогда, когда эти исследования только начинались.

В тридцатые годы внимание Сенюкова-студента привлекают «Микробиологические очерки» Т.Л. Гинзбург-Карагичевой, вводящие в мир вечных «тружеников-невидимок», в мир микроорганизмов. Оказывается, ученые еще в конце прошлого века впервые заставили

«работать на человека» планктон, обнаруженный в обычном озерном иле: эти микросущества были способны разлагать органические вещества. Но Т.Л. Гинзбург-Карагичева писала в своей книге о микроорганизмах, открытых ею... в нефтяных скважинах. Бактерии, живя на больших глубинах, как выяснилось, питались нефтью. Нефтяными углеводами! «Значит, разрушали их, изменяли состав нефти, приводили к образованию других соединений!»

Проблемная лаборатория Сеньюкова в московском проезде Владимирова с самого своего основания вела исследование с учетом достижений совсем молодой отрасли науки – микробиологии нефти. «Без этого невозможно ответить на вопрос, как появилась нефть: всё живое на Земле находится в тесной взаимосвязи с миром этих «невидимок».

Изо дня в день здесь велись наблюдения за жизнедеятельностью бактерий, их «поведением» в искусственно создаваемых условиях, имитирующих извержения вулканов, горообразование, землетрясения – все те процессы, которые претерпевала Земля в геологические эпохи своего развития. Изучалось влияние на живые организмы силовых линий магнитного поля, радиоактивного облучения.

Для Сеньюкова памятны слова, сказанные Губкиным еще в 1937 году: «...представляется необходимым горячо пожелать, чтобы микробиология помогла и химии, и геологии до конца разрешить проблему происхождения нефти и всех сопутствующих ей продуктов».

Особенно широко поддерживавшаяся учеными так называемая «зостеро́вая теория» профессора Калицкого, казалось бы, уже в тридцатые годы должна была сдаться от первого же соприкосновения с фактами: в нефтях обнаружили гемины – производные крови животных, да и само «черное золото» было найдено в пластах тех времен, когда в природе еще не было зостеро́вых цветковых растений, которым, по Калицкому, только и обязана нефть своим рождением. Между тем эта «теория» спокойно переносила все противоречия и – как ни в чем не бывало – стойко «держалась» до самого недавнего времени. «Ясно, что мои исследования не могли быть «по нутру» противникам идей Губкина!»

Тайна нефтеобразования, будучи «гвоздевой» проблемой нефтяной науки, – неизменно предмет острых дискуссий, самых противоречивых толков. «Динамику» этой проблемы прямо-таки распирает редкая путаница во взглядах ученых, царящая десятилетия.

Долгие годы не признается полностью стройная гипотеза Губкина об органическом происхождении нефти, хотя она подтверждалась десятками

и десятками открытий, предсказанных и научно обоснованных ученым.

Острота дискуссий усугубляется тем, что в прямой зависимости от той или иной трактовки проблемы генезиса нефти находятся успехи или издержки всей экономики Союза. Чисто научная как будто проблема постоянно оборачивается насущными для советской индустрии задачами. И удачи или неудачи в их решении определяют достижения или потери в целом по народному хозяйству страны: только верный курс в геолого-разведочных изысканиях мог гарантировать окупаемость материальных – и немалых! – затрат, их эффективность.

Но борьба мнений чаще всего выходит за рамки обычной полемики: кое-кто из ученых пользуется недозволенными приемами, прибегая к отнюдь не научным доводам, что, конечно, надолго задерживает открытие месторождений «черного золота», а тем более природного газа, который как топливо этими «теоретиками» вообще долго сбрасывался со счетов. Несмотря на то, что в его экономичности каждодневно убеждало всех саратовское «невидимое топливо», с середины 1946 года поступавшее в столицу по трубопроводу Саратов – Москва.

Развенчать реакционные теории в геологии призваны были результаты опорного бурения. Антигубкинцы предчувствовали это. И, понятно, не собирались сдавать позиций без боя. Своим оружием они снова выбирают... обстановку – на этот раз первых послевоенных лет. И ставят перед собой задачу: всеми мерами приостановить ход программного для наук о Земле начинания. Это им удается.

Несмотря на все трудности, дух последователей учения академика Губкина сломлен не был. Накал борьбы между сторонниками различных взглядов в нефтяной геологии день ото дня нарастает еще сильнее, достигает кульминации...

Приглушенные отзвуки острых схваток в науке о нефти доносятся и поныне: слишком велико было горение страстей, чтобы они могли уняться враз.

В начале 1947 года, как известно, был дан ход внедрению опорного бурения. Но вскоре оно будет заметно приторможено, а затем и вовсе свернуто. Верх одерживают ошибочные теории. В итоге, как напишет позже, в 1961 году, в статье, опубликованной журналом «Геология нефти и газа» П.Я. Антропов*, занимаясь поисками нефти и газа на основе псевдонаучных теорий и израсходовав с 1947 по 1957 годы только на территории Сибири и Дальнего Востока почти 5 миллиардов

*В ту пору – министр геологии и охраны недр (Авт.)

рублей, георазведчики не сумели открыть ни одного промышленного месторождения нефти. Больше того, после подобного экспериментирования в Сибири создалась крайне неясная картина для оценки перспективы исследуемых районов.

Антропов подвергает разбору публикации апологетов антигубкинских взглядов Мирчинка и Брода, и в первую очередь их статью («О задачах геологической науки...» – А.П.), опубликованную в сборнике «Философские вопросы естествознания», изданном МГУ им. М.В. Ломоносова. Он пишет:

– Статьи И.О. Брода и М.Ф. Мирчинка имеют отрицательное значение, и если своевременно не выбросить их из арсенала геологической науки и практики, они, безусловно, могут привести к нежелательным последствиям, крайне отрицательно повлиять на геологоразведочные работы по поискам месторождений полезных ископаемых и по оценке перспектив крупных территорий. Некоторые могут подумать, что теоретические высказывания М.Ф. Мирчинка и И.О. Брода имеют лишь «академический» интерес. К сожалению, это не так. Исходя из такого рода теоретических концепций, М.Ф. Мирчинк давал оценку месторождения Газли. Ведь факт, что М.Ф. Мирчинк, например, даже после опробования продуктивных горизонтов в месторождениях Газли, Джаркак, Караул-Базар и др., писал, что «промышленное значение каждого из этих месторождений не так уж и велико». Вот к чему могут привести теоретические заблуждения. Это крупнейшее (предсказанное, кстати, Сениюковым. – А.П.) месторождение Газли, по мнению М.Ф. Мирчинка, не так-то велико!

Было бы полбеда, если бы Мирчинк был просто теоретиком. Нет, он, в недавнем руководителе геологов Азербайджана, не один год являлся ведущим экспертом по научному прогнозированию и оценке месторождений нефти и газа по всей стране. Притом отнюдь не сторонником Губкина или доброжелателем Сениюкова. И это проясняет многое.

П.Я. Антропов – далее:

– ...Мирчинк проводил линию, что геологией нефти и газа должны заниматься геологи только нефтяного профиля, тогда как ими могут заниматься и геологи... которые, понимая специфику этого дела, еще находятся и в ладах со своим предметом – знанием геологии... Разве секрет, что создатель отечественной геологической нефтяной науки И.М. Губкин, окончивший Ленинградский горный институт в возрасте 39 лет, специализировался в стенах института по твердым полезным ископаемым и в начальный период своей инженерной

деятельности некоторое время работал на медных месторождениях Урала? М.Ф. Мирчинк... прикрываясь спецификой геологии нефти и газа... долгое время настойчиво проводил линию на непризнание огромной народнохозяйственной значимости природного газа как одного из лучших видов энергетического топлива и сырья для химической промышленности (Подчеркнуто мной. – Авт.) То, что теперь считается большим благом и достижением, совсем не так давно признавалось М.Ф. Мирчинком чуть ли не несчастьем, а открытия газовых месторождений характеризовались, будем до конца откровенны, весьма вульгарными эпитетами. Сколько потеряно времени в открытии газовых месторождений и как мы... отстали с использованием этого замечательного дара природы!!! Ответ ясен.

Последуют ответные журнальные выступления Мирчинка и Брода.

Когда знакомишься с ними, затем анализируешь их, невозможно отделаться от одной мысли: насколько живучими оказались закоснелые, консервативные концепции в науках о Земле, в объяснении вопросов происхождения нефти и её месторождений. И – насколько был прав академик Губкин, еще в 1934 году сказавший: «Верная разгадка происхождения нефти в природе имеет для нас не только научно-теоретический интерес, но и первостепенное практическое значение... сугубую остроту».

Твердо следуя совету Учителя, Сенюков первые свои опыты по генезису нефти ставит еще в Якутии, в полевых условиях, когда готовит к бурению первую скважину на кембрий. В своей работе «Река Толба» Сенюков еще в 1938 году напишет:

– Следует обратить внимание на то обстоятельство, что Якутский край представляется весьма благоприятным для разрешения целого ряда спорных вопросов современной нефтяной геологии, как то: происхождения нефти, её миграции, условий аккумуляции и т.д., ибо здесь мы имеем дело только с одним... горизонтом – нижним отделом кембрия. Все эти вопросы, над которыми работает практическая и научная мысль, имеют пока еще лишь косвенное промышленное значение, но решение их может открыть нам более правильные, новые и более ускоренные пути в разведке нефти. И не исключена возможность, что на основе познания всех тех условий, в которых природа воспроизводит нефть, удастся полностью освоить и организовать промышленный процесс (!!! – А.П.) её получения. То, что «производит» природа, должны производить и мы. (Подчеркнуто мной. – Авт.)

С 1951 года Сенюков практически заново приступает к прерванным исследованиям по теме «Генезис нефти». Восстанавливается

разрушенная «доброжелателями» проблемная лаборатория, всё более уставляясь необходимыми для экспериментов оборудованием, аппаратурой, приборами. Закладываются опыты. Но научная работа отныне вступит в качественно новый этап – расширяется экспериментальная база: по специальному решению возглавлявшегося Н.С. Хрущевым Московского комитета партии в распоряжение Сеньюкова отводят дополнительный полигон для исследований – бассейн подмосковного озера Лесное, которое потом станет подлинной и чуть ли не единственной в мире лабораторией на воздухе, под открытым небом, еще одним постоянным рабочим местом ученого.

За разгадку тайны «черного золота», которой увлекся еще в годы учебы в alma mater, Сеньюков принимается теперь с еще большим рвением: надо спешить! «Вопрос о происхождении нефти и газа тесно связан с проблемой происхождения жизни на Земле. Что родилось первым: простейшие углеводороды, а потом – белки, жизнь? Или жизнь, а потом – нефтяные углеводороды? До сих пор нет четкого ответа на эти вопросы. И главное – как важно скорее поставить результаты экспериментов на службу народному хозяйству, положить начало новым, еще невиданным достижениям отечественной геологии!»

«Материнским» для нефти материалом профессор Сеньюков, как и академик Губкин, считает органические, а по-научному биогенные илы и образовавшиеся из них породы. Поэтому «на натуре», на озере Лесном, ему надлежит тщательно проследить, как получается этот материал, какие бактерии участвуют в процессе, почему пресные озера способны «дать» только торф и что нужно сделать, чтобы он «дозрел» до нефти.

На берегу Лесного вырастают домики – озерные лаборатории. В герметически закупоренных реакторах, кстати, самим Сеньюковым сконструированных, заполненных водой, глиноземом, песком и озерным илом, днями, месяцами, годами идет самотеком процесс, в результате которого, по ожиданиям, должны будут родиться нефтеподобные продукты.

Само озеро соединяют трубами с другим, соседним водоемом и, исключив какие бы то ни было дополнительные оттоки и притоки воды, станут моделировать процессы трансгрессии (наступления) моря и его регрессии (отступления), ведут постоянные наблюдения за ходом образования донных осадков, «поведением» озерной флоры и фауны – всех живых организмов. Словом, воспроизводятся все те процессы, тесное взаимодействие которых обуславливает в природе

происхождение, а точнее – рождение нефти и газа. Лесное становится центром, куда результаты исследований биологов, химиков, почвоведов, микробиологов, ведущих наблюдения за пресными и солеными водоемами, стекаются со всех концов Союза.

В результате процессов, протекающих в озерных реакторах, позднее выделится газ, содержащий метан и его производные. Рождается первое предположение:

– Кто знает, может, метан и есть та петелька, с которой микроорганизмы начинают вязать сложную сеть нефтяных углеводородов...

Это надо проверить. Нужны годы и годы глубоких, тщательных исследований, раздумий, сравнений, новые эксперименты, долгие, беспокойные будни.

Роль микроорганизмов, правильность предположений вскоре выявляют на практике, в промышленном масштабе. Первый обнадеживающий опыт проводят в Саратовской области, на Елшано-Курдюмском нефтегазовом месторождении. Сенюков находит, что обнаружившееся здесь падение суточного выброса «черного золота» и «невидимого топлива» из подземных горизонтов – результат закупорки смолой и остатками нефти пор, по которым нефть и газ обычно движутся в пластах. Проходит несколько суток, и производительность скважин резко поднимается, далеко превышает все лучшие прежние показатели: «сработают» микроорганизмы ила, привезенного из Лесного и закачанного в пласты. Приходит еще один вывод:

– Ил озера Лесного – биогеореагент. А биогеологическое воздействие на пласт может вернуть к жизни все те нефте- и газопромыслы, которые теперь отнесены в разряд безнадежно «выдохнувшихся». За этим методом – большое будущее.

Сенюкову известно: сокровища «черного золота» и «невидимого топлива» в недрах Земли несметны, природа припасла их за сотни миллионов лет практически в неисчерпаемых количествах. Но, разгадывая тайну происхождения нефти, он своими исследованиями приближает время, когда человек заставит работать на себя «тружеников-невидимок», когда привычными станут понятия «микробы-геологи», «микробы-разведчики», «микробы-добытчики». Когда люди завладеют богатствами самого дешевого – искусственного – «черного золота», научатся обращать в океаны нефти безжизненные пески необъятных пространств пустынь, дюн и барханов.

Год от года рос интерес к экспериментам Сенюкова на подмосковном озере, проявляемый и отечественными, и зарубежными

учеными: на глазах возникали новые науки – микробиология углеводородов, микробиологические методы разведки и добычи нефти, газа, других полезных ископаемых. Науки, устремленные в век двадцать первый, в будущее. Понятно то внимание, которое уделяется в мире наукам-«новичкам», имеющим непреходящее значение для прогресса во всех областях жизни.

Потому думается, что еще впереди и должная оценка созданной Сеньюковым научной школы по изучению генезиса нефти и газа, основы которой вместе с ним утверждали такие ученые, как доктор геолого-минералогических наук, лауреат премии имени Вернадского Г.П. Вдовыкин, замечательный ученый-практик из Уфы, доктор наук Э. Юлбарисов, кандидат химических наук А.И. Шишенина, кандидаты геолого-минералогических наук КН. Талдыкина, Т.Г. Чернова, М.Н. Иванова, Л.В. Буланова, В.К. Дудоладова и др.

Но уже сегодня можно уверенно сказать: усилиями этой школы отмечены как несостоятельные почти все многочисленные, большей частью надуманные теории и гипотезы по важнейшей для геологов проблеме и практически доказана неоспоримость идей академика Губкина.

Правда, ценой небескровного противостояния, быть в эпицентре которого Сеньюкову, видимо, тоже было предназначено судьбой.

ДОЛГО- ЖДАННЫЙ ВУЛКАН

«Мы работаем не для каких-то отвлеченных теорий, не для самоуслаждения, не для щекотания своих мозгов, наоборот, наши усилия тесно связаны со всей громадной практической работой великого строительства».

Академик И.М. ГУБКИН

Мысль эта пришла к геологам не так давно. Но ныне они уверены:

– Там, где природа уготовила людям соляные источники, можно смело искать и «черное золото». Соль и нефть в недрах Земли – спутники.

На берегу реки Куты, в километрах двух выше от её впадения в реку Лену, издавна действовал соляной промысел. Слава об Усть-Кутском солеваренном заводе разносилась далеко по Сибири. В тридцатые годы Усть-Кутским районом Иркутской области всерьез заинтересовались геологи: соль, по их словам, – соляные купола – тектоника, благоприятная для скопления мощных залежей нефти.

– Будет в Иркутской области найдено свое «черное золото», – сказали тогда энтузиасты-исследователи. – Будет найдено!

Они не ошибутся. Только прогнозы подтвердятся тремя десятилетиями позднее: так вышло по воле тех, кто, по словам Губкина, «в воздушных дворцах и замках теории находил убежище от действительности», кто вольно или невольно потрафлял тому, чтобы кембрий, «заговорив» в 1936 году, смолк затем до начала шестидесятых.

Открытие нефти на якутской реке Толбе камня на камне не оставляло от расплодившихся во множестве псевдонаучных теорий. Противникам идей Губкина надлежало как-то спасти устои своих школ. Путь выбран самый простой: во что бы ни стало, любыми доступными средствами доказать, что кембрийская нефть Якутии – случайность.

Проходили годы тридцатые. Сороковые. Пятидесятые. Настали шестидесятые. Кембрий «молчал».

– Что поделаешь! Даже время за то, что толбинская нефть – обманная карта, подкинута природой, – «беспомощно» разводили руками маловеры. И открыто называли стремления Сеньюкова найти

моря именно кембрийской нефти и именно в Сибири несбыточной мечтой, на которой советовали ставить большой крест.

Однако подобные советы он отметал с самого начала. Еще в марте 1939 года, в совместной докладной на имя наркома топливной промышленности Губкин и Сеньюков, предлагая резко изменить направление поисков нефти в Сибири, прямо говорят, что в первую очередь важно «форсировать работы по изучению нефтеносности кембрийских отложений Сибирской платформы в бассейне рек Лены и Ангары (Усть-Кут, Киренга, Уда), провести детальную геологическую и топографическую – для обеспечения георазведработ – съемку в районе Усть-Кутской структуры, где в 1938 году были выявлены признаки нефтеносности».

1946 год. В Докладной записке в правительство Сеньюков настаивает: надо срочно возобновить бурение законсервированных скважин и в Усть-Кутской соляной структуре (Иркутская область).

1947 год. На Иркутской конференции по развитию производительных сил Сибири ученый снова в числе первоочередных для глубокого опорного бурения площадей называет Усть-Кут.

Поиском сибирской нефти заняты, даже в суровую военную годину, отряды геологов. Разведчики-нефтяники Кравченко и Сатириади, Павловский и Фролова, Арсеньев и Нечаева, Карпышев и Ситников, ученик и последователь Сеньюкова, активный «кембриец» А.К. Бобров, – все они поверили в «золотое руно» века. Приостановленная войной, разведка кембрийской нефти, по сути, возобновляется лишь к 1950 году.

1952 год. Геологосъемочная партия, возглавляемая К. Гинзбург, проводит тщательные исследования Марковской площади Усть-Кутского района. Составлены геологические карты, разрезы осадочных отложений. Все данные – за нефтеносность.

Все сходятся на том, что Марковскую локальную структуру нужно бурить в первую очередь: здесь нефть должна быть! И это ни у кого не вызывает сомнений. Но сверху спускают задание: разведочные работы вести только к югу от Иркутского амфитеатра, как геологи называют южную часть Сибирской платформы. Северные и северо-восточные районы Иркутской области наобум причисляются к малоизученным и даже не наносятся на карту перспектив нефтеносности Сибирской платформы. Между тем к 1953 году о строении «севера» и «северо-востока» – Жигалово–Усть-Кутской синеклизы – уже известно несравненно больше, чем о «юге». Мнения разделяются. Но главные силы треста «Востсибнефтегеология» (прежнего Восточно-Сибирского геолого-разведочного) брошены на поиски нефтяных структур «юга».

Борьба между сторонниками «севера» и «юга» разгорается изо дня в день острее. «Южанам» удается добыть очень небольшие количества нефти и газа. Этого достаточно для того, чтобы малoverы могли сказать:

– Вот видите – нет и нет в кембрии промышленной нефти!

Поисково-разведочные работы на «севере» свертываются почти насовсем: одерживает верх козырная для «южан» рабочая «теория Ангарского вала». Начиная с 1939 года, в Иркутской области было пробурено около ста скважин – залежей «черного золота» встречено не было.

– Дальнейшие поиски бессмысленны. Сколько можно тратить средств ради того, чтобы лишь удостовериться в прямых или косвенных признаках нефти! – рассуждают в Министерстве нефтяной промышленности (возглавлявшемся тогда Н.К. Байбаковым. – Авт.). И в конце января 1957 года издают приказ: разведочные работы на Усть-Кутской площади прекратить.

Геологи, уверенные в «черном золоте» Усть-Кута, упорно продолжают доказывать свою правоту.

Май 1957 года. Ученый Совет геологического факультета Иркутского университета принимает кандидатскую диссертацию аспиранта Георгия Александровича Кузнецова. Горячая убежденность, глубокий геологический анализ структур, непроверяемые, научно обоснованные факты и выводы – всем этим отмечена работа диссертанта-соискателя.

Кузнецов: Усть-Кутская структура, несомненно, наиболее перспективна в отношении нефти.

Оппоненты: Но скважины, пробуренные в этом районе, её же не дали!

Кузнецов: Только потому, что они были заложены без учета особенностей геологического строения района.

Оппоненты: Как же Вы можете настаивать на продолжении разведочных работ на Усть-Куте, когда этот район как малоперспективный оценен даже в недавнем январском приказе министра!

Кузнецов: Да, в настоящее время поисковые работы здесь закрыты и сосредоточены в пределах так называемого Ангарского вала. А район, о котором я говорю, расположенный, по мнению некоторых геологов треста, в пределах Прибайкальской впадины, отнесен по перспективности на нефть к участкам второй очереди. Так ли это? Нет. Мы, повторяю, считаем: только через Марковскую антиклиналь лежит кратчайший путь к кембрийской нефти Прибайкалья.

Оппоненты: Южные районы дали выбросы газа с признаками нефти. Зачем же мы полезем в северные, отдаленные районы, где и того не обнаружили?

Кузнецов: Это высказывание ни на йоту не поколеблет моих убеждений в том, что никакого Ангарского вала в природе нет. Такой точки зрения придерживаются многие геологи самого треста «Востсибнефтегеология». Теперешнее направление запланированных им поисков нефти мы считаем неправильным. Понять это не трудно, если хоть немного разбираться в нефтяной геологии. Марково, только Марково в первую очередь надо бурить на кембрий!

Ряды сторонников Сенюкова пополняются. Но и в ту пору их еще не так много. Работы на Усть-Куте по-прежнему свернуты. Более того, сверху запрашиваются сведения, на основании которых можно было бы узаконить прекращение поисков нефти в кембрии. Выход подсказывается простым сопоставлением: по объему буровых работ 1958 год в Восточной Сибири соответствует 1938 году в районах «второго Баку». Но там к 1938 году уже, мол, были открыты Ишимбаевский, Туймазинский, Бугурусланский, Самаро-Лукский, Прикамский и начаты разведкой Саратовский и Татарский районы. А в Восточной Сибири? К 1958 году не открыто ни одного нефтяного района. Факты более чем веские! И в декабре 1958 года начальник Главгеологии РСФСР издает приказ, которым трест «Востсибнефтегеология»... вообще упраздняется. В Москву срочно вылетает тогдашний первый секретарь Иркутского обкома партии Семен Николаевич Щетинин, чтобы отстаивать право на поиски кембрийской нефти, на само существование треста.

Еще два года с лишним уходит на увязки, согласования, межведомственную и межгородскую переписку: буровая вышка опорной скважины на Усть-Кутской структуре поднимется только к лету 1961 года.

...В воскресное утро 18 марта 1962 года в празднично украшенном селе Марково (был день выборов в Верховный Совет СССР) произошло событие, которого ждали и не ждали. Неподалеку от того места, где три столетия назад «государев крестьянин» Кипрюшка Марков поставил по-над Леной-рекой первый сруб, ударил мощный фонтан самой древней из добываемых на земле нефтей. Самой «выдержанной» в природе – кембрийской нефти. Нефтяной смерч вырвался наружу из глубины 2164 метра. До тысячи тонн нефти и полумиллиона кубометров газа выбрасывал в воздух за сутки «Кембрийский фонтан». Светло-желтая, с изумрудным отливом, струя нефти ополоснула красный флаг на верхушке буровой сорокаметровой вышины.

Еще только занималась заря воскресного дня, когда геофизик Виталий Ефименко заметит наличие газа в скважине – верный признак близости нефтяных пластов. Предупредив бурильщиков, ни на минуту

не отходит от пульта управления кароттажной станцией – приборами, непрерывно следящими за «самочувствием» буровой. Долото начинало вгрызаться в 2163-й метр толщи земли, когда из скважины стремительно пошел ввысь – на добрых полста метров – столб нефти. Виталий, забыв о противогазе, ринулся к самому жерлу потока: надо было во что бы ни стало взять первую пробу «черного золота». Успеет набрать его в бутылку, но ядовитый газ яростно ударяет в лицо, сдавит дыхание, не давая опомниться, с бешеной силой снова и снова лезет в нос, слепит глаза. Ефименко падает, сраженный буйно, неистово клопочущим нефтяным вулканом, не успев даже позвать кого-нибудь на помощь.

Рев фонтана оглушал, перемежаясь с радостными возгласами, люди, ошеломленные победой, очумело подставляли лица брызгам необычного среди зимы дождя, по древней традиции мазали нефтью лица и не сразу заметили Виталия Ефименко, – он недвижно лежал с зажатой в руке полупустой бутылкой. Спасать его было уже поздно...

Поначалу все растерялись: не были готовы к тому, чтобы укротить «выходца» из седой древности. Ждали его только к осени, на проектной отметке 3500. Да еще и не было до конца ясно, разрешат ли верхи бурить скважину до этой глубины. Потому не собирались менять даже старый привентор, который на буровой установке служит как предохранитель на случай, если вдруг вырвется фонтан. А обернулось это гибелью человека.

Был март, и у подножия вышки, на снежном ложе, вовсю, наяву, разливалось море кембрийской нефти. Грозило затопить строения, рвалось распадками к реке Лене. В любую секунду нефтяной фонтан мог стать огненным факелом, наделать бед.

Дом нефтеразведки превращается в оперативный штаб. Население Маркова срочно эвакуируется в безопасные места. Сооружаются спасательные запруды. На помощь к нефтеразведчикам приходят портовики Усть-Кута, строители из Братска. Под рукой не оказывается ничего лучшего, и на рытье мерзлого грунта в карьерах в ход идут ломы и лопаты. Спешно готовится специальная, сложная арматура для укрощения фонтана.

Битва в тайге требовала собранности, слаженных действий, бессонных ночей. И ежеминутного мужества и отваги! Едкий, дурманящий запах газа далеко вокруг пронизывал воздух. Малейшая искорка могла привести к взрыву невиданной разрушительной силы.

Нефтяной поток бушевал двадцать пять дней и ночей кряду! И порой казалось: его не победить. Нефтяники говорили:

– Закрывать фонтан не легче, чем открыть. Тем более, когда у

него нором под стать самому первооткрывателю кембрийской нефти – такой же неукротимый!

Узнав о марковском фонтане, коллеги спешат поздравить прежде всего Сенюкова, к нему устремляется огромный поток поздравлений, приветствий: всё, что связано с «вестями из кембрия», у геологов мира десятилетиями ассоциируется не с чьим-нибудь, а в первую очередь с его именем. Это – ЕГО научная школа. Бесперывные телефонные звонки, бесчисленные телеграммы. Это была победа! Над маловерами. Над снобами от науки. Полная капитуляция псевдонаучных нефтяных теорий всех мастей! Полное торжество идей Учителя – академика И.М. Губкина!

– Ивану Михайловичу Губкину не посчастливилось увидеть свою девонскую нефть. Но её нашли верные ученики и последователи. Они достали с самого дна Земли и еще более древнюю нефть – кембрийскую! – отвечает Сенюков на приветствия. – Таков непреложный закон жизни: то, во что очень сильно веришь, не сбыться не может! Никогда! Я горд, что дождался праздника! А это настоящий праздник для науки: на нашу экономику, на человека будет отныне работать не только девон, но и еще более богатый кембрий! Ведь марковский фонтан означает: найдется нефть и на Енисее, и у Саян, и вдоль Верхоянского хребта, и в Арктике. Словом вся Сибирь – и Восточная, и Западная – «плавает» в океане «черного золота»! Научная вера в сибирскую нефть – в ней был залог успеха!

Печать всего мира взалхлеб сообщает о победе геологов-нефтяников и рабочих на сибирской реке Лене. На десятках, сотнях языков склоняется простое русское слово «Марково». О кембрийской нефти, найденной в Иркутской области, как в свое время об открытии на Толбе, пишут как о сенсации века. Обширные очерки, корреспонденции, статьи посвящают этому важному событию центральные газеты и журналы, всесоюзное радио и телевидение. Изо дня в день о битве на Лене, длившейся почти месяц, информируют своих читателей, слушателей печать, радио Иркутска. Миллионы телезрителей области смотрят передачу, в которой с рассказом о кембрии выступает прилетевший сюда из Москвы Сенюков.

Корреспонденты, отечественные и зарубежные, много и подробно пишут о необычной, невиданной мощи марковского фонтана, о небывалом его суточном выбросе в тысячу тонн, о поистине героических буднях, которыми живет Марково, пока не удастся уgomонить «кембрийскую стихию». Отмечают: «Недаром эта нефть пролежала шестьсот миллионов лет. Она почти не нуждается в перегонке – ею на

месте заправляют тракторы, автомашины, дизельные тягачи. Светлых продуктов в ней – бензина и керосина – больше 80 процентов! Мир еще не видал нефти столь отличного качества!» «Чистое золото!» – отзываются о ней знатоки.

Марково тех дней сравнивают с полем боя: разрытая кругом земля, сломанные трубы, развороченные пни, вывернутые тачки, обломки лопат, досок.

Вскоре рядом с опорной буровой взмывают вверх стрелы еще шести вышек. Долота нащупывают новые пласты земли с кембрийской нефтью. Эстафету первооткрывателей подхватывает молодежь шестидесятых: на 70 вакантных мест бурильщиков подается 7 тысяч заявлений энтузиастов, желающих освоить «кембрийскую целину» Сибири. В одно лето преображается облик древнего Маркова: современные двухэтажные 16-квартирные жилые здания оттесняют приземистые постройки прежнего селения, его обживают новые люди.

...Сениюков прибывает в Марково в самый разгар битвы с нефтяным вулканом.

– Теперь всё позади: три десятилетия поисков и раздумий, неудач и находок, жестокие споры и презрение маловеров. Так здравствуй же, кембрийское море! Вот мы и свиделись с тобой – назло всему племени консерваторов! – окунув руки в разливанное озеро нефти, сплошь перепруженное земляными перемычками, зачерпнул пригоршню рыжей, в янтарных бликах жидкости, плеснул её себе в лицо.

Люди, обступившие его, глядели на него заворуженно, как на чародея-волшебника, стояли молча, словно боясь нарушить тишину, понимали: в священные минуты встречи «старых друзей» – да еще после тридцатилетней разлуки! – пусты любые, самые сильные слова.

– Ради одной такой минуты не жаль прожить целую жизнь, пройти все мыслимые на свете испытания, но – пережить её, наперекор всему! – только и нашелся сказать Сениюков...

Фонтан был укрощен 12 апреля, на 26-е сутки. В искусственном озере скопилось 30 тысяч тонн нефти – на 15 тяжеловесных железнодорожных эшелонов. Но увозить её возможности не было: уже тронулся лед на Лене, со дня на день ожидался паводок. Срочно принимается решение: сжечь...

И когда запылился факел, мгновенно охвативший всю «озерную» гладь, никто не заметил, как Сениюков украдкой смахнул слезу: вспомнилось, чего ему стоили первые 750 граммов мечтанной нефти нефтей...

Первооткрывателя кембрийской нефти приглашают к себе иркут-

ские ученые и тюменские школьники, рабочие Омска и журналисты Ленинграда, крестьяне Якутии и воины Прибалтики, студенты Саратова и металлурги Норильска.

– Путь мой в науке был не из легких, – говорит на этих встречах Сеников. – Но я не искал иного: смешно было бы надеяться, что это будет дорога без сучка и задоринки, прямая, как стрела. Трижды нет! Трудности были неизбежны, какую бы масть они не носили. Наше поколение обязано было преодолеть их во что бы то ни стало.

– Тридцать лет жизни отдал я одной мечте – найти Большую сибирскую нефть. И вопреки канонам доказать: вся Сибирь «плавает» в нефти, – скажет он на одной встрече. – Я счастлив безмерно, что дожил до той минуты, когда моя мечта становится явью, воплощается в жизнь усилиями тысяч геологов, поисковиков-разведчиков, буровиков. Наша страна обретает здесь, в Восточной и Западной Сибири, поистине неисчерпаемую кладовую «черного золота». И еще более несравненно выгодного топлива – природного газа, найденных запасов которого хватит на сотни лет! Вот о чем возвестили миру открытие нефти на Толбе еще в 1936 году и марковский фонтан 1962-го. Лена-река, печально знаменитая в истории мрачными, позорными событиями 1912 года, ровно полвека спустя прославилась на всю планету солнечно светящимся фонтаном драгоценной «земной крови» – нефти нефтей.

Еще в довоенном, сороковом, страна Советов едва сумела добыть из недр 32 миллиона тонн нефти. Понадобилась всего четверть века, чтобы ежегодная добыча «черного золота» достигла более 240 миллионов тонн. США потратили на достижение такой цифры сто с лишним лет и триллионы и триллионы долларов. Мы пришли к этому самым выгодным – революционным путем! За какую-то четверть века родилась, окрепла и успела расцвести новая отрасль промышленности – Большая газовая индустрия. Это означает: созданы все условия для подлинного расцвета Большой химии, Большой энергетики, всей Большой экономики Союза. К этому привела – наряду с другими – дорога, которую пробивали сквозь таежные чащобы и болотные хляби, непролазные дебри и по неприступным скалам, сквозь километровые кремневые толщи земли и твердь неверия и косности сначала единицы, затем десятки, сотни, тысячи энтузиастов. Дорога к кембрию.

Долгожданный фонтан из кембрия и впрямь прорвал стену недоверия к его «пленнице». И неопровержимо свидетельствовал: океан кембрийской нефти давно ждал выхода! И если проследить

хронологию, получается, что марковский «вулкан» Восточной Сибири сразу прибавил оптимизма и надломленным неудачами и неверием поисковикам нефти и газа в Сибири Западной, и косвенно стал своеобразным ускорителем рождения «третьего Баку» (к чему, как известно, Сеньюков также причастен еще и впрямую).

В то же время этому «вулкану», похоже, была уготована роль эдакой «третьей ступени ракеты»: отработав свое, уйти в небытие. Действительно, первоначальный бум вокруг Маркова довольно быстро будет приглашен теми высокопоставленными «доброжелателями» Сеньюкова, у которых само слово «кембрий» вызывало зубовой скрежет. Затем, с середины 1960-х, тот шум будет захлестнут мощным гулом тюменских фонтанов нефти и газа, и сегодня Марково вообще НИГДЕ не упоминается, как будто там произошло если не самое заурядное событие, то по меньшей мере местного, а не ПРИНЦИПИАЛЬНО ВАЖНОГО ДЛЯ НАУКИ и ЭКОНОМИКИ ЗНАЧЕНИЯ. Во всяком случае, если довольно часто кое-кто удостоивался высоких наград даже за обычное открытие какого-либо месторождения нефти или газа, то марковских героев подобная оценка их труда обошла точно. Более того, налицо оказывалось стремление как можно больше умалить значение мощного кембрийского фонтана. Пораженные патологической неприязнью или немилостью к кембрию (читай – Сеньюкову), чиновники из «высоких кабинетов» призвали тут сказать свое слово даже деятелей науки. И «услугу» от кое-кого из них ждать пришлось недолго. Вскорости после того, как «заговорила» марковская, а затем и другие скважины по соседству, иные ученые мужи сделали свое «открытие», которое, конечно же, не поддается никакой проверке. Они, что им, понятно, ничего не стоило, взяли и время начала появления первых живых организмов на планете Земля запросто отодвинули еще на сотни миллионов (!!! – А.П.) лет. И многие пласты в ней, считавшиеся молодыми, солидно постарели, как по мановению волшебной палочки. И тогда выходило: Сеньюков-то, столько лет просто бредивший своим «золотым руном», оказывается, открыл вовсе не кембрийскую нефть, а ДОКЕМБРИЙСКУЮ.

Как бы то ни было, прав был автор очерка в одном из апрельских номеров «Литературной газеты» того, 1962 года, назвав Сеньюкова несомненным первооткрывателем кембрийской и, стало быть, АПОСТОЛОМ СИБИРСКОЙ НЕФТИ.

Добавим: и не только. В подтверждение чему будет достаточно привести лишь один, но весьма убедительный аргумент в виде выдержки из публикации в газете «Калининградская правда» в мае 1968

года. Речь об интервью, за которым к Сенюкову обратился её корреспондент в связи с тем, что первая же опорная скважина, пробуренная здесь, в Гвардейском районе области, разразилась фонтаном нефти.

Вопрос: На чем основывались предположения советских геологов о наличии месторождения нефти в Прибалтике, в частности, в нашей области?

Ответ: Счастье открытия богатств земных недр всегда является результатом длительной работы большого числа людей. В нашей стране изучение недр проводится строго на научной основе. Осуществлено бурение большого количества так называемых опорных скважин, позволивших получить богатейший материал для проведения разведки полезных ископаемых. Именно на этой основе удалось выявить ряд крупных залежей нефти. К таковым относится и месторождение в Гвардейском районе.

Вопрос: Чем объяснить, что нефть обнаружена одновременно сразу в двух районах Прибалтики – у нас, а также и в Литве, около Клайпеды? Есть ли какая-либо связь между ними?

Ответ: Зарубежные ученые, занимавшиеся в прошлом изучением природных ресурсов Прибалтики, категорически отрицали возможность наличия здесь нефти. Поэтому открытие её залежей сразу в двух точках – безусловное достижение и доказательство правильности того направления поисков, которое характерно для отечественной нефтепромысловой геологии. Можно предположить, что такие же счастливые находки ждут разведчиков и в других местах Прибалтики, расположенных на краях Балтийской впадины.

Вопрос: Что можно сказать о физических свойствах и химическом составе нашей нефти?

Ответ: Особо хотелось бы отметить, что эта нефть найдена в отложениях КЕМБРИЙСКОГО возраста. Это обстоятельство важно уже само по себе, так как в Советском Союзе в таких древних отложениях нефть открыта только в Сибири. О её химических и физических свойствах можно говорить лишь приблизительно, пока не проведен тщательный анализ. Однако уже сейчас ясно, что обнаруженная нефть относится к числу легких и малосернистых, а следовательно, удобных для промышленной переработки.

КЛЮЧ К СОКРОВИЩАМ РОДНОГО КРАЯ

*«Я предчувствую, что россияне...
пристыдят самые просвещенные
народы успехами своими в науках,
неутомимостью в трудах и вели-
чием твердой и громкой славы».*

ПЕТР ПЕРВЫЙ

Сама кочевница по натуре и призванию, Ольга Владимировна Флерова, став спутницей Сенюкова и в жизни, и в делах и сполна разделяя тяготы не одной геологической экспедиции, со временем все-таки обрела «оседлость». Хотя бы за тем, чтобы больше внимания уделять дочери от первого супруга Наташе и её семье. А поскольку полем деятельности «неисправимого» Сенюкова по-прежнему оставался весь Союз, довольно частыми оказывались такие сцены:

– Опять? Ты же обещал, что оставишь наконец свою манеру уходить из дома даже в праздники!

– Понимаешь, Оленька, – оправдывался, обычно уже будучи в походной форме, Сенюков, – там у ребят что-то не ладится, они просили срочно помочь...

– Я ничего не желаю понимать! Надо мной уже все знакомые смеются. Они даже подсчитали: за последние десятки лет ты Новый год, например, в семье отмечал только три раза...

Да, Сенюков вообще недолюбливал именно праздники – нелепый, по его мнению, обычай людей бросать все дела и легкомысленно веселиться, когда столько еще не закончено... Ну а кочевой образ жизни просто вьелся в кровь и не отпускал до конца дней. Ему было тесно в каменных стенах Москвы. И когда где-то, пусть даже на Сахалине или Таймыре, геологам или буровикам требовалась только его помощь, он немедля отправлялся в путь. Избранник своей эпохи, он не умел отказывать никому.

Но отовсюду, где проходили маршруты бесчисленных поездок Сенюкова, он вместе с образцами пород или флаконами с нефтью неизменно привозил домой, в Москву, и памятные фотоснимки,

запечатлевшие газовые или нефтяные фонтаны. И, как всегда, с теплыми благодарственными надписями. Каждая фотография – прежде всего свидетельство неременной причастности Сеньюкова к отображенному на ней событию, за каждой – страница его поисков, неудач и побед. По одной из них легко узнать, когда впервые вырвалась наружу кембрийская нефть неподалеку от Калининграда, по другой – когда взметнулся ввысь первый фонтан оренбургского газа, по третьей – когда открыли месторождение «черного золота» на Сахалине, по четвертой – когда «заговорили» газовые недра богатейшей Шебелинки, по девяностой... Красноречив снимок с надписью: «Василию Михайловичу Сеньюкову, энтузиасту, неутомимому поборнику тюменской нефти и газа в знак большой благодарности. А. Протозанов.* 3.07.64 г. (Кстати, заметим, что в тот, 1964 год, о Тюмени говорили, причем многие не очень уверенно, пока только как о перспективном нефтегазоносном районе, потому что её недра упорно «молчали» и главные открытия крупных залежей «черного золота» и «невидимого топлива» были еще впереди).

Подобных фотосувениров за долгие годы геологических странствий накапливалось достаточно. И все они будут равно дороги Сеньюкову. Но есть среди них снимок, к которому ученый отнесется особенно сердечно и любовно и который станет хранить бережнее других на самом видном месте своей московской квартиры. Это фотография, запечатлевшая укрощенный нефтяной вулкан среди приполярного редколесья и снабженная лаконичной, но выразительной надписью: «Дорогому Василию Михайловичу! Закоперщику Усинской опорной от Морозова. V.– 68 г.»

Символична признательность, с которой написаны слова, адресованные Сеньюкову тогдашним первым секретарем Коми обкома партии Иваном Павловичем Морозовым. Но символичен и сам полублюбовительский снимок: он станет для ученого как бы постоянным напоминанием о родных краях, о взлелеявшей, взрастившей и давшей путевку в науку его земле предков, республике Коми. О родине, с которой, несмотря ни на что, он не порывает связей никогда. Напротив, чем дальше, тем больше верит он в еще не до конца раскрытые, но богатейшие возможности для того, чтобы о ней заговорил весь мир. И с присущей ему увлеченностью будет способствовать этому посильным личным, живым участием.

О сокровищах, которые таятся на территории республики Коми,

*А.К. Протозанов – в ту пору первый секретарь Тюменского обкома КПСС, позже – ответственный работник Госплана СССР.

догадывались многие. Но, как однажды заметит Сенюков, счастье открытия богатств земных недр выпадает на долю не каждого. Их, эти клады, по словам академика Губкина, «нужно уметь взять», не забывая совета великого Ломоносова насчет обязательности здесь «доброго прилежания с требуемым знанием».

Надо сказать, Сенюков всегда щедро делился с геологами республики и знаниями, и умением распознавать самые, казалось бы, сложные, замысловатые загадки природы. Взгляд через призму кембрия позволял ему по-новому высвечивать строение подземных горизонтов территории, которую геологи чаще называют Тимано-Печорской, или, если быть точнее, Тимано-Урало-Пайхойской провинцией. И в научной деятельности Сенюкова эта провинция долгие годы занимает прочное и достойное место еще с 1937 года, когда началось близкое с ней «знакомство» его как научного куратора всех геологоразведочных работ здесь от Наркомата тяжелой промышленности. С тех пор не было ни одного сколько-нибудь значительного события в хозяйственно-научной жизни республики, в котором он бы не участвовал. Был экспертом по нефтешахтам, почетным делегатом всех геологических конференций республики Коми, входил в редакционную коллегию по подготовке проектов многих решений, предусматривающих эффективное освоение её природных богатств.

Отсчет новой истории нефтегазовая индустрия республики Коми, как известно, ведет со знаменитой телеграммы Ленина, посланной руководителю экспедиции А. Ломову* в конце зимы 1920 года в Архангельск. Вот её текст: «Постарайтесь разыскать или поручите разыскать печатные материалы и отчеты о нефтеносном районе реки Ухты в музее общества изучения Северного края и в управлении государственными имуществами. Ленин».**

То было время, когда Север только-только был очищен от интервентов, России предстояло выбраться из оков разрухи и топливного голода, потому понятно значение, которое придавалось поискам здесь запасов жидкого топлива. Но пройдут годы и годы, прежде чем в таежной глухомани поднимутся буровые вышки, забьют нефтяные фонтаны.

Путь к нефтяным, как и газовым кладам республики будет «установлен» не одними удачами. Будут ошибки и поражения, без них не обойтись при поиске и разведке этих ископаемых. Будут помехи

*А. Ломов (Г.И. Опноков) – заместитель Председателя ВСНХ, занимавшийся тогда топливными вопросами.

**В.И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5-е. Т. 51, С. 156.

и иного рода – та же недобросовестность иных геологов, и то, что называют добросовестными заблуждениями. Все они вместе надолго задержат открытие крупномасштабных месторождений.

Заметные успехи в освоении нефтегазовых кладовых придут с организацией Ухтинского территориального геологического управления. Будет найден ряд промышленных залежей и «черного золота», и «голубого топлива». Но все эти месторождения окажутся причисленными к открытиям местного значения.

Несмотря на поиски, длившиеся не один десяток лет, не удавалось подтвердить фактическими данными гипотезы о наличии крупных запасов нефти и газа в срединном массиве Большеземельской тундры, выдвигавшиеся такими учеными, как Карпинский, Чернов и другие. Здесь, безусловно, могло бы «сказать» весомое слово опорное бурение, но и оно не сразу было принято как эффективный метод изучения региона. Долгие годы шло топтание на месте с объемами добычи «черного золота» и «невидимого топлива». Больше того, к началу 1960-х годов сокращаются эксплуатационное и почти свертывается разведочное бурение, до минимума сводятся поисковые, тематические и геофизические исследования. Ликвидируются и Ухтинский геофизический, и Печорский геологоразведочный тресты, сейсмопартии передаются под начало контор бурения, а каротажные – в распоряжение полевых съемочных партий. Особые надежды геологами республики Коми возлагаются на Джебольскую газоносную площадь: сюда направляют огромные средства и технику глубокого бурения для 16 скважин глубиной в среднем до 2,5 километра, начинают возводить крупный поселок на Печоре, строить автодорогу от Ухты до Троицко-Печорска. Даже планировалась закладка газопровода Джебол – Березники. Но геологоразведчиков подстерегла крупная неудача: обширное «на авось» бурение не подтвердило расчетных запасов природного газа, и вся работа была полностью свернута. Всё это окончательно подорвало веру в перспективы развития Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции.

Сложившаяся ситуация, конечно же, не могла не тревожить Сеньюкова, неизменно связывавшего с этим регионом, своим родным краем, самые оптимистические прогнозы. Потому закономерно, что именно ему Заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Госплана СССР Николай Константинович Байбаков, нефтяник по профессии, поручает провести анализ изученности запасов углеводородного сырья в республике Коми, вплотную разобраться с тем, как

ведутся геологоразведочные работы в Тимано-Печорской провинции, а главное – дать оценку перспективам разведки на нефть и газ в регионе. Профессор Сенюков, как и обычно, берется за работу с энтузиазмом и дотошностью. И – по привычке – проведет её в кратчайший срок. Не только благодаря тому, что его помощниками станут десятки, сотни геологов, нефтеразведчиков, буровиков, промысловиков, исследователей. Не в последнюю очередь благодаря тому, что он сам довольно неплохо и давно знаком с геологической историей Северного края, на которую теперь по-новому позволяли смотреть и данные, полученные наукой в ходе генеральной разведки вообще. Разведки, коренным образом изменившей суждения о запасах полезных ископаемых в недрах Союза и «вручившей» поисковикам верный компас для выхода к действительно крупным месторождениям минерального сырья.

Любопытен ход мыслей ученого. Ему известно, что большинство месторождений в Тюменской области приурочено к центральной полосе Западно-Сибирской низменности, то есть к зоне, несколько удаленной от её краевых частей, тогда как на древних платформах – Русской и Восточно-Сибирской – нефте- и газовые месторождения тяготеют именно к их краевым зонам, прилегающим к горным кряжам – Тиманскому, Уральскому и Кавказскому на первой и к Саяно-Прибайкальскому и Верхоянскому – на второй платформе. И если Лено-Верхоянская газонефтеносная провинция простирается на тысячи километров вдоль берегов могучей сибирской водной магистрали – реки Лены, то Тимано-Уральская и Волго-Уральская – полосой на тысячи километров, вдоль Печоры и Волги. «Так перекликаются три великие сестры-красавицы – Лена, Волга и Печора, обнимающие нашу великую Отчизну нефтегазовыми поясами, сохраняя в центре, в пределах Западно-Сибирской низменности, наиболее выгодные запасы нефти и газа». Так что для Сенюкова «Тимано-Урало-Пайхой» – это, по сути, продолжение подземного океана нефти и газа Западной Сибири.

Всестороннее изучение геолого-промысловых, геофизических, поисково-разведочных и научно-исследовательских работ позволило научно обосновать оптимальные направления освоения природных богатств республики. В первой половине августа 1967 года проект этого плана рассматривает и одобряет специальное представительное совещание в Министерстве геологии СССР. Это означает: дана «зеленая улица» генеральной разведке недр европейского Северо-Востока в региональном масштабе. Разведке, которую, по предложению Сенюкова, намечено провести с помощью 44 опорных и параметрических скважин,

размещаемых в геологически наиболее выгодных точках – по основным тектоническим зонам нефтегазовой провинции. Пройдет совсем немного времени, и ученые, специалисты получат бесценный материал о геологическом строении огромной территории «Тимано-Урало-Пайхоя».

Опорные скважины проторят путь к нефти у берегов величавой и полноводной реки Усы, прорезающей полярное Приуралье с востока на запад, к уникальному Вуктыльскому подземному газоконденсатному резервуару, к ряду других крупных природных кладовых. Всё это выведет республику Коми в ряд крупных нефтегазодобывающих баз страны. Из недр республики возьмут свое начало нефтепровод Уса – Ухта – Ярославль, магистральный газопровод «Сияние Севера», а в начале 1970-х годов вспыхнет голубое пламя вуктыльского газа в квартирах жителей её столицы – города Сыктывкара.

Но Сениюков еще больше убеждается: потенциальные возможности недр Тимано-Печорья далеко не исчерпаны. Опираясь на полученную геологическую информацию, он особые надежды возлагает на не «нащупанные», более глубоко расположенные этажи земной коры – пласты триаса и меловых отложений, а главное – на такие её горизонты, как девон и нижняя толща карбона. Предпосылки к тому дают, как ему удалось выяснить, длительное существование древней суши на среднем и южном Тимане, имевшие здесь место перемещения древних морей.

Логично, что вслед за идеей об опорно-параметрическом бурении Сениюков приходит к мысли развернуть на территории Тимано-Печорский провинции сеть сверхглубоких скважин от 6 до 10 километров. Он составляет проект, в котором научно обосновывает важность их заложения, называет двадцать точек, где их геологически и экономически разместить наиболее целесообразно.

Немалоги числа знаков общественного признания и поощрения удостоится за свою жизнь профессор Сениюков. Но по-своему ценным станет для него навсегда свидетельство, которым отметят его заслуги перед земляками, – диплом о присуждении почетного звания «Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР».

ЗА КЛАДАМИ... РАКЕТОЙ, или ПРОЕКТ НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ

«Единственно, в чем мы можем быть уверены, рассматривая будущее, это в том, что оно будет предельно фантастичным».

Артур КЛАРК

Среди множества официальных государственных званий России есть и такие: «Заслуженный геолог», «Первооткрыватель месторождения». Вопреки даже элементарному приличию, Сеньюков не отмечен ни тем, ни другим из этих знаков признания. Да и вряд ли он мог рассчитывать на них, когда почти постоянно находился «на ножах» с руководителями ведомства, от которого сие зависело, особенно – долгие годы стоявшим у его руля, как он сам говаривал, «неоргаником» академиком Сидоренко. Академиком, которого Сеньюков «долбал», где только мог, но который наверняка не допускал и в мыслях, что Сеньюкова подобная награда если и могла интересовать, то в самую последнюю очередь. Но главное в другом. В том, что еще нет того официального звания, которое больше всего подошло бы для Сеньюкова. Ибо, по существу, независимо ни от кого и ни от чего, он для людей сведущих навсегда остается «Геологом геологов» и Первооткрывателем такого числа крупных месторождений подземных кладов, какое никому из коллег даже и не снилось.

Имея в виду, что Сеньюков всю жизнь стремился прежде всего раздвинуть границы своей нефтяной и газовой «державы», кто-то довольно метко – и справедливо! – назвал его и Королем нефти и газа.

Но наступят дни, когда ему присвоят еще один «титул», но на сей раз... подруги жены. Между собой всегда считавшие Сеньюкова чудачком, они станут именовать его космонавтом. С тех пор, как в доме всё чаще будут звучать разговоры о ракетах. Нет, Сеньюков, незадолго до того справивший «платиновый» юбилей, уже по одной этой причине не мог собираться в космический полет. Как и прежде, его волнуют всё те же, самые что ни на есть земные дела. Дерзкой и грандиозной

окажется та идея, которая с некоторых пор увлечет и, лишив покоя, будет день ото дня занимать всё сильнее и сильнее.

А предрешат всё встреча и знакомство с таким же, как и он сам, кочевником по натуре, генерал-майором инженерно-технической службы Михаилом Ивановичем Циферовым.

Как рассказывает московский литератор Юлий Медведев, Циферов сорок лет служил как военный инженер. В войну построил сотни объектов – дотов, аэродромов, морских причалов. После нее – постоянно-временное проживание почти в полутора десятках городов и поселков Союза. Пока, наконец, житейские дороги-пути не привели в Москву. И всё же одно оставалось неизменным – готовность сорваться, если надо, с места в любое время суток. У него, сжившегося с кочевой бездомностью, в гардеробе всегда стоял чемодан с парой белья, бритвенным прибором и другими предметами первой необходимости.

О «родственности душ» Сеньюков и Циферов, понятно, узнают чуть позже той, оказавшейся решающей для обоих, встречи, что произошла в здании Госкомитета по науке и технике в центре Москвы. Встречи, что положила начало редкостному творческому тандему беззаветно увлеченных делом людей.

Циферов, помня о мало радовавшем исходе прежнего здесь же совещания, на это заседание Научного Совета по проблеме «Создание и использование техники реактивного движения в горной промышленности» шел без какого-либо энтузиазма. Ожидая, что большинство, как и в тот раз, будет снова доказывать, что долото и колонки бурильных труб решают все проблемы и потому нет смысла распылять средства на разработку иного вида бурового оборудования. Это означает, что его изобретение, признанное ОСОБО ВАЖНЫМ, будет и дальше циркулировать в узком кругу ОСОБО ДОВЕРЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ и ЛИЦ, где оно признавалось никому не нужным. Тем не менее какие-то надежды на лучшее всеял материал о нем, опубликованный накануне в «открытом» Бюллетене изобретений № 10 за 1968 год.

Присутствовавший на заседании Научного Совета – как официальный эксперт Госкомитета – Сеньюков, едва сдерживая себя, дождался, пока закончится доклад Циферова. Даже не раз порывался вслух объявить о своем полном его одобрении. Послал об этом записку в президиум. И как только докладчик вышел в коридор, схватил его под руку и увел в сторону, чтоб поговорить обо всем с глазу на глаз.

Не час и не два продлится беседа, которая, безусловно, окрылит Циферова и из которой он особенно надолго запомнит фразу Сеньюкова:

– Михаил Иванович, благодаря твоему изобретению мы решим вторую часть сибирской проблемы!

Имелось в виду, что первая часть её успешно решена: в Сибири открыты многие крупные месторождения нефти и газа. И дело оставалось за умелой и экономичной организацией их надежной транспортировки в Центр и другие промышленные районы западнее Урала.

Цели, которые ставят перед собой исследователи недр Земли, понятны всем. Чем глубже проникает человек под её поверхность, тем больше возможности находить минерально-сырьевые богатства. А кроме того – получать ответы и на теоретические вопросы образования полезных ископаемых, зарождения жизни на планете, да и возникновения её самой. Но уже на глубине семи километров температура приближается к 200 градусам по Цельсию, а колоссальные давления превращают там обычную глину в камень такой твердости, до которой и граниту далеко. Традиционные виды бурения здесь встречают своеобразный «звуковой барьер», из-за чего темпы проходки падают, а технические трудности возрастают. Экономические требования наталкиваются тут на возможности техники. Вот почему на бурение, скажем, 7-километровой скважины уходит не менее 7 лет! Ясно, что подобные темпы проходки глубоких, а тем более сверхглубоких (допустим, 15-километровых) скважин надолго задерживают решение множества и научных, и практических проблем.

Резко и круто способно менять привычную картину изобретение, которое специалисты называют «подземным реактивным снарядом» (ПРС), а если быть точнее – подземной ракетой инженера Циферова.

Рабочий орган ПРС – «газовые кинжалы», которые из нескольких сопел буровой головки вырываются со скоростью 2 тысячи метров в секунду при температуре 1000–1500 градусов. Сконцентрированная на небольшой площади колоссальная энергия разрушает породу с огромной скоростью! Вместе с восходящим потоком отработавших газов на поверхность Земли ракета выбрасывает до двух тонн размельченного грунта в секунду! За 20 секунд ПРС вгрызается в землю на 20 метров! И главное – становятся ненужными ни буровые вышки, ни громоздкие дизели, ни колонны труб. Но кроме небывалой скорости проходки ракета имеет и то великолепное достоинство, что её не надо вытаскивать из забоя: на намеченной глубине срабатывает особый заряд, который выбрасывает тело ракеты вверх со скоростью гоночного автомобиля. А после смены буровой головки, на что уходит не больше 20–25 минут, ракета снова готова к «полету» вглубь. Одним

«изделием» можно пробурить десятки скважин, себестоимость которых будет ничтожно мала.

Идея бурения с помощью реактивной тяги казалась настолько простой (как всё гениальное!) и очевидной, что Циферову далеко не сразу выдали патент на изобретение: специалисты организации, ведавшей этими делами, долго и тщательно искали во всех картотеках какой-нибудь аналог у нас или за рубежом и... не нашли. После чего вопрос об авторском свидетельстве решил сам собой.

Назвав ПРС Циферова техническим чудом XX века, Сенюков как никто усмотрел, что они делают ненужными баснословно дорогие и циклопических размеров установки для глубокого, особенно сверхглубокого бурения и могут стать незаменимым инструментом для познания тайны земных недр до самой мантии, а, возможно, и её самой. Иными словами, они позволят в десятки раз ускорить ход начатой им еще в 1947-м планомерной глубинной разведки недр в масштабах всего Союза.

Кстати, примерно в таком же плане высказывался о ПРС и известный геолог академик В.И. Смирнов: «Это предложение, которое, по моему глубокому убеждению, способно совершить революцию в средствах проникновения в земные недра, привести к скачку во всех технических показателях бурения скважин. Средняя расчетная скорость превышает существующую в 100 раз, бурение возможно производить до глубины 20–25 километров без боязни разрушения бурового снаряда из-за высокой температуры на такой глубине».

Сенюков никогда не забывал, каких невероятных сил и энергии потребовали от него исследования в Прибайкалье в далеком 1932 году, особенно при рытье шурфов. Но с тех пор мало что изменилось: геологам и гидрогеологам и ныне нередко приходится перевозить и переносить самим тяжелое и громоздкое оборудование, да и проходку почти 90 процентов разведочных шурфов приходится выполнять вручную, как и прежде, теряя на этом уйму времени. Сенюков убежден: ПРС и тут откроют безграничные возможности. Ракета сможет сделать подобную работу сказочно быстро, четко, аккуратно, и геологу останется только спуститься в готовую скважину и опытным глазом осмотреть её стенки, выложенные слоями осадочных пластов. О таком Сенюкову, как и его коллегам, прежде только мечталось.

Но главное, на что озарило Сенюкова изобретение Циферова, состояло в том, чтобы, возможно совместными усилиями, приспособить ПРС к прокладке подземных артерий для перекачки нефти и газа на

дальние расстояния. Как геологу ему отлично известно, что на глубине 100–400 метров чуть ли не по всей территории страны простираются мощные слои глин. И если, сначала соответственно изменив конструкцию, высокоскоростные ракеты пустить под землей горизонтально, они за короткий срок проделают в ней цилиндрический тоннель. Причем режим работы ракет должен быть отработан так, чтобы раскаленные выхлопные газы оплавливали глину. Тогда стенки тоннеля превратятся в гладкую керамику, а сам он может иметь диаметр самое меньшее три метра. В этом случае отпадет нужда в две-три «нитки» тянуть на тысячи и тысячи километров трубопроводы из стали, которая, как бы её не изолировали, всё равно со временем ржавеет, худится, а это неизбежно рано или поздно требует ремонта, замены, а, может, и приведет к авариям. Между тем тоннелепроводы с керамической облицовкой практически будут служить вечно. Что не менее важно, становятся ненужными траншеекопатели, трубоукладчики, бульдозеры, экскаваторы – огромное количество техники, которую к тому же зачастую крайне трудно доставить к месту работ! По самым скромным расчетам Сениюкова, только один газотоннелепровод от севера Тюменской области до центра страны способен сэкономить более 4 миллионов тонн металла. А каких неисчислимых затрат удастся избежать благодаря одному тому, что не будут изыматься из пользования, как это имеет место обычно, десятки и десятки тысяч гектаров земли и леса!

В широком, глобально-перспективном масштабе Сениюков не считал стальные трубопроводы адекватными эпохе. «Это что-то напоминающее переход Суворова через Альпы. Деяние героическое, но устарелое». Ему вполне реальными представлялись тоннелепроводы транссибирские и даже трансевропейские – не меньше. А это – пересмотр планов целых отраслей отечественного народного хозяйства, а, может быть, и мирового. Это – изменение лика Земли.

Словом, Сениюков, вдохновленный изобретением Циферова, развернул перед ним столь захватывающую экономико-поэтическую картину, что даже сам забеспокоился, не отпугнет ли нового потенциального сподвижника.

Как человек военный, Циферов знал, что теоретики считают возможным прорыв обороны при соотношении 6:1 в пользу атакующих, но при наличии у них только стрелкового оружия. Если есть артиллерия, для успеха достаточно преимущества в 3,5 раза. Но если в игру вступают танки, тут и двукратного преобладания достаточно. С Сениюковым «в операцию» Циферова против превосходящих сил недоброжелателей вошел танк.

Вскоре Циферов на деле ощутил таранный характер и пробойную силу сподвижника. Он словно только теперь понял, что это такое увлеченность и максимальная решимость. Как признавался Циферов, Сенюков написал и отправил такие письма и в такие инстанции!.. И ответы на них последовали сравнительно скорые.

Циферов постепенно начал привыкать к тому, что телефон в его квартире стал звонить часов с семи утра. Сенюков торопливо говорил компаньону, с которым быстро подружился, об идеях, родившихся со вчерашнего вечера, и о ближайших планах. Когда телефон молчал, генерал знал, что его друг уехал куда-нибудь в район города Лабитнанги или Салехарда, чтобы продолжать начатые исследования вариантов трасс будущих тоннелепроводов.

Свой «фантастический», как всем казалось, замысел Сенюков укладывал на приполярной натуре в рамки несложной технологической схемы. Вначале бурились вертикальные скважины до центра глинистого слоя грунта. Затем по всей их высоте закладывался заряд комбинированного взрывчатого вещества. Взрыв превращал скважины в шахты, а в их основании «рыл» выработку – шахтный двор. Стенки его уже крепились в момент взрыва – обжигом. Затем устанавливались стальные трубы, шахтные подъемники, создавалась система микроклимата и вентиляции. Из шахтного двора установками горизонтального бурения («кротами») сверлили ряд параллельных горизонтальных скважин до соединения с другими, прокладываемыми навстречу. Выработанное пространство заливали чаще, например, смесью аммиачной селитры и дизельного топлива. Систему выработок герметизировали и заполняли воздухом до давления около 50 атмосфер, после чего горючую смесь поджигали. При сгорании образовывались газы. Они, увеличиваясь в объеме, повышали давление и температуру по всей системе, а горизонтальные скважины расширялись в диаметре до 5–7 метров. Тяжелые нефтяные фракции, проникая в поры глины, закоксовывали её, а высокая температура обжигала поверхностный слой. После охлаждения газы удалялись продувкой. После этого система параллельных ниток тоннелей могла считаться готовой к эксплуатации.

Впрочем, как когда-то идею о кембрийской нефти, проект освоения газовых залежей под Саратовом или колдовство над опытами по генезису нефти и получением лабораторных углеводородов, так и новую затею Сенюкова многие коллеги окрестят если не очередным его чудачеством, то уж прожектерством – точно. Забывая, чем кон-

чались все подобные прежние «предсказания». Сознательно или по недомыслию упуская из виду, что во всех своих начинаниях Сеньюков неизменно был просто обречен на победы. Поскольку умел любую, увлекшую его проблему обязательно поднимать на самый высокий государственный уровень.

Не станет исключением в этом смысле и проект о дальних тоннелепроводах, который люди понимающие назовут не иначе как «проектом века», «проектом на грани фантастики».

Пройдет совсем немного времени после первой встречи генерала и ученого-геолога, как Сеньюков, на удивление Циферова, сможет сообщить:

– Министр Газпрома А.К. КОРТУНОВ наш отчет об экспериментах и исследованиях одобрил. Обещал оперативно помочь в их расширении.

Со своей стороны Сеньюков сумеет увлечь важностью начатого дела ученых Сибири. И вскоре появится документ, который даст идею Сеньюкова-Циферова официальный карт-бланш. Это будет подписанное Председателем Госкомитета Совета Министров СССР по науке и технике В. Кириллиным Постановление за № 172 от 20.V.70 г., в первом пункте которого записано:

«Принять предложение Министерства газовой промышленности и Сибирского отделения Академии Наук СССР о проведении в 1970 году дополнительных (подчеркнуто мной. – Авт.) научно-исследовательских работ по созданию газотоннелепроводов для транспортирования по ним больших потоков газа...»

Средства на проведение этих изысканий – и для того времени довольно немалые – специально выделяют за счет резервов Госкомитета по науке и технике. Постановление будет иметь два приложения, в одном из которых обстоятельно описано Задание на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а во втором – дана разбивка объема затрат по привлеченным к ним министерствам, ведомствам, организациям. А их немало – тех, кто отныне станет соучастником продвижения к цели идеи Сеньюкова-Циферова. В их помощники, согласно Постановлению, в частности, назначены, кроме Мингаза и подведомственных ему ведущих институтов в Москве и Киеве, Госстрой СССР с его НИИ оснований и подземных сооружений, Министерство геологии СССР, МГУ имени Ломоносова с его НИИ механики и кафедрой мерзлотоведения, Института горного дела и гидродинамики Сибирского отделения АН СССР и т.д.

Перед изыскателями поставлена задача – разработать основные исходные технические параметры сооружения опытно-промышлен-

ного тоннелепровода (Медвежье – Надым), а также технические требования к глубокозаложенным магистральным тоннелепроводам для транспортирования газа в обычных и вечномёрзлых грунтах.

Для координации всего комплекса исследований учреждается специальный Общественный Совет, который возглавит их главный «закоперщик» и инициатор – Сеньюков.

Прежде мало кого интересовавшее изобретение Циферова отныне обретало такую перспективу и востребованность, что даже дух захватывало.

Уже в апреле 1971-го Нижне-Обская экспедиция ВНИИгаза совместно со стройуправлением № 5 треста «Союзгазспецстрой», институтом «Гидропроект» имени Жука и Салехардской горнотехнической инспекцией в инициативном порядке провели первый пробный эксперимент близ города Октябрьский. Он показал, что создание элементов шахт в мерзлых грунтах взрывом – задача технически реальная. Как и намечавшееся строительство первого на Севере Тюмени тоннелепровода под рекой Обь, призванного показать, что это здесь не только решение проблемы транспорта нефти и газа, но и транспорта вообще. Что, кстати, позднее на практике доказали в США, Японии, Англии, Франции.

В то же время эксперименты подсказывали пути совершенствования циферовских ПРС. И сам не обделенный конструкторским даром, Сеньюков принимал самое активное и живое участие в обновлении образцов подземных ракет. В таком, к примеру, творческом содружестве удалось разработать пневматическую проходческую машину с рабочей головкой, где вместо огненных струй для бурения скважин используется сжатый воздух. Пневморакета легко разрушала грунты четвертой-пятой категории, углубляясь в землю со скоростью до двух с половиной метра в секунду.

Генерал Циферов не раз признавался, что Сеньюков для него появился счастливо, как дар судьбы – в период мертвого затишья с продвижением своих ПРС. Затишья, которому, казалось, не было видно конца. Но и Сеньюков не скрывал радости от знакомства с Циферовым: оно с лихвой компенсировало надломленность от невостребованности его геологической эрудиции, опыта, знаний, помогало быть «на высоте», находить точку полезного приложения неумной энергии, неугомонности, постоянно ощущать прелесть движения, которое для него было важно, как для реки. Ибо тихие заводи, рутина были ему противопоказаны, выводили из равновесия.

Эксперименты с ПРС проводились в самых разных районах страны – за Полярным кругом и на Украине, в степях под Саратовом и Челябинске. И Сеньюков с Циферовым старались участвовать в каждом из них, естественно, выезжая на места. Одним из адресов стал и Ельдигинский карьер в Щелковском районе Подмосковья.

Передо мной копия договора между фирмой «Орггазстрой» и Щелковским отделом экспериментальных работ о «передаче участка размером 20х40 для проведения бурения и взрывания опытных скважин в толще черных глин». Не помню, каким образом, но в моих руках оказалась синька-чертеж «Обзорный план Ельдигинского месторождения керамзитовых глин», где помечены точки для бурения скважин. А кроме того – и копия письма в адрес начальника Управления Центрального округа Госгортехнадзора СССР с просьбой разрешить проведение экспериментальных взрывных работ на этом карьере. Копия листа, в низу которого рукой Сеньюкова помечено: «Разрешено – с 11.07 до 1.12.75 года».

Далеко не случайно привожу такие подробности, связанные именно с этими взрывными работами. Дело в том, что экспериментальный объект в подмосковном Ельдигино стал последним в жизни Сеньюкова.

Приехав сюда 22 августа, Сеньюков обратил внимание на двух пышущих здоровьем парней, которым оказывалось не под силу перетащить в сторону разлапистый свежевыкорчеванный пень, мешавший въезду транспорта в карьер. Обозвав их слабаками, он вдруг по-мальчишески загорелся, вспыхнул соперничеством и больше самому себе напоказ подошел к неподатливому, тяжеленному пню, взял его за две лапы, приподнял и перенес в сторону, аккуратно опустил на землю, медленно распрямился, медленно, не сказав ни слова, зашагал прочь. Никто не знает, ругал ли он себя в эту минуту за то, что не послушался неоднократных и настойчивых советов врачей лечь на хирургическую операцию по поводу запущенной грыжи (всё оказывалось некогда и некстати!) и уж во всяком случае – оберегаться от переноски тяжестей. Но, как потом рассказывали, пройдя не больше метров десяти, как-то странно закачался и рухнул. Вызвали «скорую». Она прибыла полчаса спустя. Еще столько же ушло на проезд до клинической больницы имени Склифосовского... Пульс перестал биться уже на операционном столе. Врачи не ошиблись в предварительно поставленном диагнозе: интоксикация. Разлитой перитонит.

Нет, не знали врачи, кто ушел из жизни у них на глазах, потому и не могли вслед произнести вполне уместные в данном случае знаменитые, исполненные глубокой горечи строки:

«Какой светильник разума угас,
Какое сердце биться перестало!»

Нет, ни в центральных, ни в московских газетах не было некролога, подписанного высокими партийными, советскими и научными бонзами, да и просто людьми сведущими. Словно в мир иной ушел не великий благодетель, а самый что ни на есть рядовой человек.

Можно верить и не верить в магию совпадений, но об ЭТОМ нахожу нужным сказать обязательно: кончина Сенюкова пришлась на день образования автономии Республики Коми – края, некогда подарившего ему жизнь.

И именно делегация из Коми, приехавшая в Москву отдать последний долг своему славному представителю, пыталась добиться, чтобы Сенюков как выдающийся ученый был похоронен на Новодевичьем кладбище. Однако, к удивлению входивших в состав делегации Заместителя Председателя Совмина республики В. Путинцева и ученого секретаря Президиума Коми филиала Академии наук Е. Калинина, в высоких инстанциях эта просьба не нашла поддержки. Насколько известно, точку в окончательном – отрицательном – решении довольно деликатного вопроса поставил тогдашний Заместитель Председателя Совмина СССР, бывший первый секретарь Тюменского (! – Авт.) обкома партии Б. Щербина. И, можно полагать, не без ведома коллеги по правительству – Председателя Госплана СССР, бывшего министра нефтяной промышленности (! – Авт.) Н. Байбакова.

Так что неудобного и «верхам» неудобного Сенюкова скорехонько кремировали, а под его прах отвели крохотный участок маленького кладбища на окраине столицы. И уже третье десятилетие никому в голову не приходит мысль: а не НАЦИОНАЛЬНЫЙ ли ПОЗОР эта затерявшаяся среди других более чем скромная могила с нищенским самодельным надгробием?!

Видимо, для того, чтобы удостоиться положенного ему – по всем морально-этическим правилам – золотого памятника, Сенюкову и впрямь надо было родиться, жить и работать, скажем, в Кувейте, Саудовской Аравии или Объединенных Арабских Эмиратах, где по-настоящему знают толк в «черном золоте», умеют его надлежаще ценить, а главное, распорядившись им по-хозяйски, обращать его во благо и процветание собственных народов. Где высоко почитают тех, кто знаниями, умом и талантом освещает путь к тайникам нефтяных богатств.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

*«Идеалист – это человек, который
помогает другим людям процве-
тать».*

Генри ФОРД

*«Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь...»*

А.С. ГРИБОЕДОВ

Поскольку Сенюков всем своим существом действительно стремился «помогать другим людям процветать», его, пожалуй, и впрямь надо считать идеалистом в понимании американского мультимиллиардера Форда. Но злая шутка, которую сыграла с ним сама жизнь, состояла, по-моему, в том, что процветать-то он помогал не столько широкой массе народа, как был искренне настроен с самого начала пути, сколько тем, кто оказывался вблизи или около «царского трона». Тем, кто десятилетия имитировал власть для народа, а на самом деле представлял власть над народом. Тем, кто, прорвавшись в «верхи», заботу о нем больше просто декларировал на словах и на бумаге, нежели проявлял на деле, и у кого на первом месте стояла, как правило, дума о благоденствии собственном. Нет, Сенюкову на дух был чужд подобный прагматизм, и потому он, конечно никак не вписывался в их среду, отторгался, как чужеродное тело. И, понятно, воспринимался ими самое меньшее как чудак, как человек не от мира сего. И в общем они были по-своему тоже правы.

На сторонний, привычно-обывательский взгляд, вряд ли, к примеру, могло укладываться в норму то, что, почти всегда зарабатывая намного больше министров, он чаще тратил деньги на свою очередную затею или начинание, когда задерживали их финансирование или вообще считали таковое нецелесообразным.

Вряд ли можно было считать «домом» и его квартиру в центре Москвы, больше походившую на некий рабочий кабинет со спальней, бивуак или временное – между бесчисленными походами и экспедициями – пристанище, которое никогда не знало, что такое напольные и настенные ковры или мебельный гарнитур. И всю обстановку составляли

несколько шкафов отнюдь не с застекленными дверцами, туго набитых... научными трудами и книгами, рукописями и чертежами, обитый черным дерматином совсем не домашний диван с высокой спинкой, да огромный письменный стол с чернильным прибором из серого папье-маше и миниатюрным гипсовым бюстом Ломоносова.

В сущности, у Сеньюкова не было и семьи в обычно принятом смысле. Его брак с Ольгой Флеровой являлся скорее союзом двух коллег по профессии, с молодости зараженных бациллой кочевой жизни. И дочь Наталия фактически жила не под одной крышей с ними, а у бабушки по материнской линии.

Выпавшей из поля зрения Сеньюкова оказалась прежняя семья, ютившаяся в густонаселенной коммунальной квартире одного из ветхих деревянных домов в Сокольниках на бывшей Митьковской улице Москвы. Сын Ремир с младых ногтей не знал, что такое внимание и забота со стороны отца. Зато часто видел заплаканные глаза матери, так и не решившейся выйти замуж вторично. Незадолго до начала войны Реме только сравнялось одиннадцать и, как и его ровесники, он сполна испил чашу нужды и недоедания, вынужден был сам зарабатывать на кусок хлеба. Уже за первые два-три года войны пришлось задешево выменять на базаре чуть не всё имущество, нелегко нажитое прежде. А затем – устраиваться на посильные вспомогательные работы. Педагог по специальности, мать выбивалась из последних сил, чтобы только поставить сына на ноги, дать ему образование. И это, конечно, не могло не подкосить здоровье. Спустя шесть лет после войны, когда Ремиру шел двадцать первый год, её не стало. В возрасте чуть больше сорока.

Идя по стопам матери, Ремир оканчивает педагогический институт, становится преподавателем математики. Позднее получает еще одно высшее образование – на механико-математическом факультете МГУ имени Ломоносова. Работает научным сотрудником в номерном институте, позднее – под началом известного физика, Нобелевского лауреата Ландау. Защищает кандидатскую диссертацию.

Пусть поздно, но в его дальнейшей судьбе примет наконец участие и отец. Он уговаривает его заняться геологией и оформиться преподавателем нефтяного института, одним из первых выпускников которого являлся сам.

Но вряд ли Ремир Васильевич предполагал, что столкнется с далеко не однозначным отношением к самой фамилии «Сеньюков» со стороны профессорско-преподавательского состава института. Особенно почувствует это, когда встанет вопрос о защите подготовленной им дис-

сертации на соискание степени доктора наук. Мало кто в институте сомневается в её актуальности. Однако то по одной, то по другой причине защита откладывается в течение почти... двадцати (!) лет. Неизвестно, сколько еще было бы суждено длиться этим проволочкам, не появившись та, уже упоминавшаяся, моя книжка «Дорога к кембрию!»

В свое время, будучи в Тюмени, я познакомился с интереснейшим человеком – тогдашним начальником Главтюменьгеологии Фарманом Курбановичем Салмановым. Узнав, что к тому времени, когда вышла в свет моя книжка (это был 1987 год), Салманов переехал в Москву и стал первым заместителем министра геологии СССР, я напросился к нему на прием, чтобы вручить экземпляр с дарственной надписью. Он любезно меня принял, тепло говорил о герое моего повествования, одобрительно отнесся к его изданию.

Когда, простившись, я уже стоял у выходных дверей кабинета, Салманов неожиданно спросил:

– А у Сенюкова есть дети?

– Да. Сын, – ответил я и добавил:

– Работает в нефтяном институте, но только никак не может защитить докторскую диссертацию.

– Как его зовут?

Я назвал. И с тем откланялся.

Через пару-тройку дней об этой встрече рассказываю Сенюкову-сыну. Потом узнаю, что у него состоялось знакомство, наладился контакт с Салмановым. Тот, сумев подняться выше кое-чьих личных симпатий или антипатий к Сенюкову-отцу и будучи по натуре человеком дела, предпринял оперативные шаги, чтобы положить конец проволочкам с защитой докторской диссертации Сенюковым-сыном. И она вскоре состоялась и прошла более чем успешно. Правда, в другом институте, который зовется ВНИИгаз и одним из основателей которого некогда также являлся и Сенюков-отец.

Кое-кто считает: мол, деяния Сенюкова – это «давно ушедшие поезда». Не вижу смысла оспаривать подобные суждения. Ибо продолжает «плодоносить» его гениальная идея о стратегическом наступлении на недра земли на основе «опорного бурения». Да, ему не довелось реализовать «проект века» – проект транспортировки нефти и газа по тоннелепроводам на дальние расстояния, но и здесь еще не сказано окончательное слово. И можно быть уверенным – оно всё-таки будет сказано.

Уже основательно послужило Родине самое первое, студенческой

поры, открытие Сенюкова. Оно, по сути, стало своеобразным ускорителем темпов восхождения индустрии «черного золота» и «невидимого топлива» к современным высотам. Но и сегодня можно смело утверждать: значимость того великого открытия проявилась еще далеко не полностью. Потому что люди только слегка прикоснулись к неисчерпаемым богатствам, которые таит в себе древнейший земной пласт по имени Кембрий, и его всеохватное освоение – еще впереди. Как впрочем, по утверждению сотрудников Института докембрия Академии наук, – и более древних глубин Земли.

Одиссея Василия Сенюкова продолжается..

ХРОНОГРАФ

1907, 9 января (по старому стилю 27.12.1906)—родился в с. Онежье Турьинской волости Яренского уезда Вологодской губернии (ныне Княжпогостский район Республики Коми).

1915—1919—работа возчиком и лесорубом на Сереговском лесозаводе.

1918—1921—учеба в начальной школе в с. Шоюка.

1918—1922—вступление в комсомол, председатель волостного комитета помощи красноармейским семьям, председатель комитета деревенской бедноты.

1921, лето—проводник геологического отряда к верховьям р. Шомвуквы (в экспедиции А. А. Чернова).

1921, конец—побег в Серегово (в школу)—неудачно.

1922, осень—побег в Усть-Вымь (за 100 км)—неудачно.

1923—1924—работа лесорубом и на сплаве.

1925—побег в Глотова (за 250 км), учеба в семилетней школе.

1926—учеба в школе-семилетке с. Глотова (Удорский район).

1927—учеба в педтехникуме (Усть-Сысольск).

1929—учеба на двухгодичных землеустроительных курсах (Усть-Сысольск).

1929—проведение землеустройства колхозов и совхозов в Усть-Куломском районе Коми АССР.

1929, ноябрь—вступление в члены КПСС (Усть-Сысольская городская партийная организация).

1926—1929—председатель ревкома Усть-Сысольского областного профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих.

1926—1930—председатель Коми областного бюро пролетстуда.

1927—1930—работа в Усть-Сысольском ревкоме и горкоме комсомола, член бюро райкома.

1929, январь—делегат 5-го пленума Центрального бюро пролетстуда (Москва).

1929, 15—22 марта—делегат 7-го Коми областного съезда Советов (Усть-Сысольск).

1929—женитьба на Анне Филимоновне Богдановой.

1929, 24 декабря—рождение сына Ремира.

1930—1935—учеба на геологическом факультете Московского нефтяного института.

- 1932 — студенческая практика в Прибайкалье (гипотеза о кембрийской нефти).
- 1935, май — 1937, ноябрь — начальник Якутской экспедиции НГРИ.
- 1936, июнь — производственная практика с экспедицией Института горючих ископаемых АН СССР в Крым и на Кавказ.
- 1937, январь — выявил первую в мире кембрийскую нефть (на Кучугей-Билляхской структуре в Восточной Сибири) на глубине 372 м.
- 1937, ноябрь — зам. начальника Главнефтедобычи в системе Наркомтяжпрома СССР.
- 1938, 4 апреля — защита кандидатской диссертации, присуждена степень доктор геолого-минералогических наук (Москва); первый в СССР доктор геолого-минералогических наук.
- 1938—1945 — работа в Высшей аттестационной комиссии (ВАК).
- 1939—1942 — начальник Главгеологии (Москва).
- 1940—1942 — организация и руководство кафедрой геофизических и геохимических методов разведки в Московском нефтяном институте им. И.М. Губкина.
- 1940, лето — руководство экспедицией Мосгеолтреста на Северо-Западе СССР.
- 1941, 14 марта — Сталинская премия 1-й степени (Государственная премия СССР) — за открытие кембрийской нефти.
- 1938 — руководство нефтегеологической службой СССР (начальник Главгеологии Наркомата топливной промышленности СССР), затем начальник Главгеологии Наркомнефти).
- 1939—1942 — председатель Всесоюзного инженерно-технического общества работников нефтяной промышленности.
- 1941 — открыл саратовский газ (Курдюмо-Елшанское газовое месторождение).
- 1942, апрель — отстранен от должности начальника Главгеологии, переведен в Московский геолого-разведочный трест, назначен начальником Комплексной экспедиции по проблемам перспектив нефтеносности центральных областей.
- 1943 — награжден орденом «Знак Почета».
- 1946, январь — Сталинская премия 1-й степени за обоснование, открытие и исследование саратовского месторождения газа.
- 1946, апрель — и.о. директора Всесоюзного нефтяного научно-исследовательского института.
- 1946 — издание книги «К вопросу нефтеносности девонских отложений Русской платформы и Западного Приуралья».

1946 — письмо И.В. Сталину «Разработка и научное геологическое обоснование метода опорного бурения и системы размещения опорных скважин на территории СССР».

1947, с 24 января — директор Московского филиала ВНИГРИ.

1947 — издание книги «Геологическое строение Ульяновско-Саратовской синеклизы».

1942—1952 — начальник экспедиций Московского геолого-разведочного треста Наркомнефти, Московского филиала ВНИГРИ и зав. геологическим отделом ВНИИ.

1948 — присвоено звание профессора.

1948, весна — открыл нефтяное месторождение в Татарии (с. Ромашкино).

1951, 31 августа — снят с должности директора Московского филиала ВНИГРИ, переведен на работу по «закрытой» урановой проблеме, против него фабрикуется «дело о пропаже» секретных государственных документов.

1952 — арест, санкционированный Берией; камера-одиночка; смертный приговор; освобождение.

1952 — начальник Ергенинской экспедиции треста «Союзнефтеразведка».

1952 — Сталинская премия 1-й степени (Государственная премия СССР) (по специальному «закрытому» постановлению правительства) за открытие месторождения урановых руд.

1953—1975 — старший научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института природных газов (ВНИИгаз), с 1957 — зав. лабораторией геохимических исследований.

1967 — присвоены звания заслуженного деятеля науки и техники Коми АССР и Якутской АССР.

1975, 22 августа — скончался от травмы, полученной при экспериментальной работе во время взрыва (апробировал идею подземных трубопроводов). Похоронен на Введенском кладбище (Москва).

Из материалов каталога личного фонда В.М. Сеньюкова (отв. редактор, доктор культурологии М.И. Бурлыкина). Сыктывкар: Изд-во СГУ, 2003. С. 101—103.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ РАБОТЫ В.М. СЕНЮКОВА

1935

Проблема нефтеносности в бассейне рр. Лена—Алдан // Нефтяное хозяйство. № 2.

1938

Река Толба и нефтеносность северного склона Алданского массива // Тр. нефт.-геол.-разв. ин-та. Сер. А. Л.-М.: ГОНТИ. Вып. 107. 62 с.

1941

Проблема нефтеносности Ленинградской области и пути ее практического решения // Советская геология. № 1. С. 29—38.

Основные задачи разведки на нефть в 1941 г. // Разведка недр. № 1. С. 7.

Нефть в тайге // Известия. 30 апр.

Где мы ищем нефть? // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 30 мая.

Создать новые нефтяные базы вблизи промышленных центров страны // Советская геология. Сб 6. С. 3—12.

1945

Теоретические основания районирования Русской платформы в отношении перспектив нефтеносности и газоносности // Нефтяное хозяйство. № 10. С. 28—34.

1946

Нефтяные богатства — на службу народному хозяйству // Спутник агитатора. М.

К вопросу нефтеносности девонских отложений Русской платформы и Западного Приуралья (По данным работ компл. экспед. Мосгеолтреста Наркомнефтиза 1942 г.). Пенза—Москва. 56 с. (Соавт. Тихонович Н.И.).

1947

Геологическое строение Ульяновско—Саратовской синеклизы. (В связи с перспективами нефтегазоносности Пензенского, Саратовского и Сталинградского тектонических узлов) / Под ред. Н.Н. Тихоновича. М.; Л.: Гостоптехиздат. 96 с.

О процессах нефтеобразования в связи с движениями земной коры // Происхождение нефти и природного газа. Современное состояние вопроса / Под ред. А.В. Толмачева, И.О. Брода, М.М. Чарыгина, М.А. Мессиневой. М.С. 84—89.

Перспективы нефтеносности девонских отложений Русской платформы и Западного Приуралья // Советская геология. Сб. 13. С. 5—21. (Соавт. Тихонович Н.И.).

Нефтегазоносность палеозойских отложений северо-западных областей СССР / Под ред. Н.Н. Тихоновича. М.; Л.: Гостоптехиздат. 84 с. (Соавт. Кнобпок В.Г., Мосякин П.Ф.).

1948

Опорные скважины — метод познания глубинной геологии СССР и путь к открытию новых нефтегазоносных провинций и месторождений // Материалы 3-й геол. конф. Коми АССР. Сыктывкар: Коми Госиздат. С. 255—320.

Геологические черты строения Русской платформы в связи с нефтеносностью западной части // Сб. геол. работ, посвященный памяти акад. И.М. Губкина / Под ред. А.В. Топчиева, В.М. Сенюкова. М.: Гостоптехиздат. С. 86—102.

1949

Задачи нефтяной геологической науки в решении проблемы нефтегазоносности Русской платформы // Тр. Моск. фил. ВНИГРИ. Вып. 1. С. 5—31. (Соавт. Бакиров А.А.).

Работы комплексной экспедиции в Ульяновско-Саратовской синеклизе и южной части Окско-Цнинского вала // Тр. Моск. фил. ВНИГРИ. Вып. 1. С. 31—83. (Соавт. Тихонович Н.Я.).

1950

Выдающийся советский геолог-академик И. М. Губкин (Стенограмма публичной лекции, прочитанной в центральной лектории общества «Знание» в Москве). М.: Правда. 22 с.

Геобиогенное разложение органических масс на жиры. Экспериментальные работы в связи с изучением закономерностей образования горючих ископаемых // Бюллетень МОИП. Отд. геологии. Т. 27. Вып. 4. С. 80. (Соавт. Талдыкина Н.И.).

1955

Выступление // Материалы совещания по итогам геологических и геологоразведочных работ, проведенных различными организациями на территории Коми АССР за период 1948—1953 гг. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С. 159—168.

Некоторые вопросы изучения генезиса нефти и газа и выяснения прогнозов нефтегазоносности // Материалы совещания по итогам геологических и геологоразведочных работ, проведенных различными организациями на территории Коми АССР за период 1948—1953 гг. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С. 319—401.

Геологическая роль бактерий // Методы увеличения нефтеотдачи пластов: Материалы Всесоюз. совещ. М.: Гостоптехиздат. С. 195—197.

1960

Некоторые вопросы изучения генезиса нефти и газа по экспериментальным данным // Проблема происхождения нефти и газа и условия формирования их залежей: Тр. Всесоюз. совещ. Москва, 20—27 октября 1958 г. М.: Гостоптехиздат. С. 67—75.

Проблемы поисков крупных месторождений нефти и газа в Тимано-Урало-Пайхойской нефтегазоносной провинции // Геология и полезные ископаемые северо-востока европейской части СССР и севера Урала: Тр. 6-й геол. конф. Коми АССР. Т. 1. Сыктывкар. С. 86—93.

Новые сравнительные данные по геологии и нефтегазоносности Русской и Сибирской платформ, направление и методы поисков и разведки месторождений на нефть и газ // Тезисы докладов Всесоюзн. совещ. по оценке перспектив нефтегазоносности («Геологическое строение и нефтеносность восточной части Сибирской платформы и прилегающих районов»). Якутск.

1967

Новое в теории происхождения и формирования залежей нефти и газа. М. 20 с.

У истоков нефтяной реки // Социалистическая Якутия. 9 сент.

1968

Край несметных богатств (интервью для журналиста В. Круковского) // Красное Знамя. 30 июня.

Будьте неутомимы // Журналист. 12 июля.

Богатства подземного океана // Красное Знамя. 27 июля.

1970

Микробиологический метод обработки нефтяной залежи с высокой минерализацией пластовых вод // Микробиология. Т. 39. Вып. 4. С. 705—710. (С соавт.).

1971

Геологические основы развития газовой и нефтяной промышленности Коми АССР и строительство разветвленной сети газопровода «Сияние Севера» // Геология и полезные ископаемые северо-востока европейской части

СССР и севера Урала: Тр. 7-й геол. конф. Коми АССР. Сыктывкар. С. 43—52.

1972

Рекомендации по направлению газонефтепоисковых исследований в вендпалеозойских отложениях Вилюйской геосинеклизы. М. 22 с. (Соавт. Барыкин С.К.).

Создание тоннелепроводов для транспортирования больших потоков газа и сооружение переходов через крупные реки. М.: НТС Мингазпром. С. 37—38.

К вопросу заводнения залежей с различной окислительно-восстановительной активностью нефтей // Тр. БашНИПинефть. Вып. 30. Уфа. С. 441—445. (Соавт. Юлбарисов Э.М., Пелевин Л.А. и др.).

Рекомендации по геологическим критериям поисков газовых месторождений на Сибирской платформе // Тр. НГРИ. Сер. А. Вып. 107. М. 20 с. (С соавт.).

1976

Основание заложения сверхглубоких скважин в пределах Тимано-Печорской провинции // Вопросы газоносности Европейской части СССР и Среднеазиатских районов. М. С. 6—13.

1978

Прогноз газоносности в зависимости от распределения соленосных отложений // Проблемы прогноза газоносности. М.: Недра. С. 50—59. (Соавт. Поливанова А.И.).

2002

Избранные труды. Т. I. Кембрий мира. М. 214 с.

Избранные труды. Т. II. Кембрий мира. М. 80 с.

2003

Избранные труды. Т. III. Кембрий мира. М. 165 с.

ПОСЛАНИЕ В.М. СЕНЮКОВА ИЗ 1936 ГОДА

В один из последних дней марта 2007 года в Национальном музее Республики Коми проходили чтения, посвященные юбилейным датам двух известных представителей Коми земли – геолога, профессора, лауреата трех Сталинских премий СССР В.М. Сеньюкова (100-летие со дня рождения) и первого коми этнографа Г.А. Старцева (105 лет со дня рождения). После прозвучавших докладов ученых Института геологии и Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, сотрудников Национального музея, Сыктывкарского университета, Коми педагогического института, состоялась презентация выставки «В.М. Сеньюков и Г.А. Старцев: линии судьбы».

Действительно, в судьбах этих людей можно найти много общего: оба родились в селе Онежье на Выми в крестьянских семьях; оба имели большое желание получить образование, оба пришли в науку, оба подверглись репрессиям.

Имя доктора геолого-минералогических наук, заслуженного деятеля науки и техники Коми АССР и Якутской АССР В.М. Сенюкова достаточно известно и в Республике Коми, и за ее пределами. Василий Михайлович остался в памяти людей, знавших его, как неординарная личность, талантливый ученый, высокий профессионал своего дела.

Всю свою жизнь он посвятил геологии, занимался вопросами научного обоснования поисков нефти и газа, первооткрыватель кембрийской нефти. (Кембрийский период, или кембрий – первый геологический период палеозойской эры в истории Земли. Начался кембрий около 570 млн. лет назад, закончился 505 млн. лет назад, продолжался 65–70 млн. лет) Поэтому в литературе Василий Сенюков получил громкое звание «лоцман кембрийского моря». В 1938 году, через три года после окончания Московского нефтяного института, ему одному из первых в стране была присвоена ученая степень доктора геолого-минералогических наук. С 1937 года он занимал должности главного геолога и заместителя начальника Главгеологии Наркомата тяжелой промышленности СССР.

Он был легок на подъем, много ездил по стране – то в составе геолого-разведочных экспедиций, то во время очередного отпуска. Он был приятен в общении, его любили, немного завидовали. Его карьера складывалась успешно. Геолог Сенюков в поисках новых месторождений нефти и газа побывал в Якутии, Прибайкалье, в Крыму, на Урале и Кавказе, Татарии, Московской и Саратовской областях, Узбекской ССР. Трижды за разработку новых месторождений нефти, газа и урана ему присуждалась Сталинская премия I степени (с 1963 года – Государственная премия СССР).

Судьба не убергла от маховика репрессивной машины и знаменитого геолога Сенюкова. В 1952 году против него было сфабриковано «дело о пропаже» секретных государственных документов, связанных с урановым производством. Арест, санкционированный Берией, смертный приговор, освобождение – всё это ему пришлось пережить. В 1952 году по специальному «закрытому» постановлению правительства за открытие месторождения урановых руд В.М. Сенюкову была присуждена Сталинская премия I степени. Этот факт в биографии Василия Михайловича был обнародован совсем недавно, в начале 2000-х годов.

Василий Михайлович на протяжении всей своей жизни не пре-

рывал связь с Коми республикой. Разработанный им метод опорного бурения при поиске новых месторождений нефти и газа получил широкое применение и в Коми АССР. Усинская скважина стала первооткрывательницей нефти в Большеземельской тундре – новом для страны нефтеносном регионе. По некоторым вопросам разведки и бурения ему приходилось консультировать геологов и инженерно-технических работников. В 1944 году он был участником II республиканской геологической конференции и последующих, проходивших в Сыктывкаре. В 1946 году он был приглашен в Сыктывкар в качестве почетного гостя для участия в праздничных мероприятиях в честь 25-летия Коми АССР. С открытием в 1972 году Сыктывкарского государственного университета ректорат университета пригласил В.М. Сеньюкова прочитать для студентов спецкурс, в том числе с освещением вопросов, связанных с проблемами опорного бурения.

В Княжпогостском районе Республики Коми жили его многочисленные родственники, которых он регулярно навещал и принимал у себя дома в Москве. Приезжая в Сыктывкар, В.М. Сеньюков посещал своих коллег-ученых А.А. Чернова, П.Д. Калинина, поддерживал дружеские отношения с первым секретарем обкома партии И.П. Морозовым и Председателем Президиума Верховного Совета Коми АССР З.В. Паневым, ректором университета В.А. Витязевой и др.

Василий Михайлович более сорока лет вел переписку с преподавателем Сыктывкарского педагогического техникума Ф.Г. Гавриловой, у которой он учился в 1926–1927 годах.

Жизнь В.М. Сеньюкова оборвалась 22 августа 1975 года, в возрасте 68 лет при проведении испытаний прокладки беструбных тоннелепроводов на закрытом полигоне в Подмоскowie. Сын Василия Михайловича, Ремир Васильевич, передал многочисленные награды и личные вещи отца в 1977 году в Республиканский краеведческий музей Коми АССР. Многие из них впервые были представлены на выставке, посвященной памяти земляков-онежцев В.М. Сеньюкова и Г.А. Старцева.

Награды, помимо того, что они говорят о высоких трудовых или научных заслугах владельца, это своего рода и вехи человеческой жизни. Два ордена «Знак Почета», орден Трудового Красного Знамени, орден Красной Звезды, два знака «Лауреат Государственной премии СССР I ст.», медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Пятьдесят лет Вооруженных сил СССР», «XX лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1941 гг.», «В память 800-летия Москвы», знак «Заслуженный работник науки и культуры Коми АССР» – вот далеко не

полный перечень наград, которыми советское правительство отметило научную и организационную деятельность нашего земляка.

Неожиданно имя Василия Сенюкова «прозвучало» осенью того же года. Охотники из Сыктывкара, выехав в Княжпогостский район на отдых и за боровой дичью, на берегу реки Чисвы обратили внимание на засохшее дерево, которое вот-вот могло сползти в реку. Внимательный глаз охотника заметил на стволе многовековой ели какие-то надписи, сделанные простым карандашом. Хорошо сохранившийся текст, написанный на предварительно освобожденном от коры стволе, гласил: Пункт 1936 Биохимическая экспедиция сотрудники: Сенюков В.М. Попов Ив. Ив. Попов Ал. Фед.

Надо отдать должное этим охотникам и еще раз сказать слова благодарности за их равнодушие и за спасенный памятник-документ, открывший еще одну неизвестную страницу из жизни геолога Сенюкова. Егор Васильевич Игнатов и Александр Гаврилович Михалев, первый – бывший работник авиалесной охраны Сыктывкара, проработавший в этой структуре 15 лет, второй – специалист-энергетик, вторично выехав на это же место, прихватили с собой бензопилу и аккуратно выпилили фрагмент ствола с текстом. Перевязав веревкой ценный груз, по очереди несли его на плечах через лесную чащу, плыли на лодке – и так почти 60 километров до места, где их ожидал автотранспорт.

При первом телефонном разговоре с одним из них выяснилось, что имя Василия Сенюкова им ни о чем не говорило. Значит, не корысти ради люди преодолевали не однажды этот нелегкий маршрут.

Первоначальное желание любого музейщика – сразу же показать широкой аудитории необычный раритет. Однако «послание геолога Сенюкова», как, не стовариваясь с учеными-геологами и биологами Коми научного центра Российской академии наук, назвали новый предмет музейного значения – так сегодня называют на профессиональном языке музейные работники предметы, не выставленные на экспозиции, следовало детально изучить. Поиски информации об этой неизвестной экспедиции с участием В.М. Сенюкова продолжаются по сей день. Консультации с учеными, родственниками Василия Михайловича, работа в архивах города Сыктывкара, изучение периодических изданий 1930-х годов окончательных результатов пока не дали.

В качестве подтверждения того, что в экспедиции 1936 года участвовать мог именно В.М. Сенюков, приведу выдержку из письма профессора, доктора геологических наук Г.П. Вдовыкина (г. Москва), адресованное Е.П. Калинину в Институт геологии города Сыктывкара:

«Ваше сообщение о таежной находке, связанной с В.М. Сеньюковым, интересно. Полагаю, что надпись на ели [...] подлинная, и относится к 1936 г. Мои обоснования следующие:

В.М. Сеньюков в 1935 г. окончил Московский нефтяной институт, в июне 1936 г. выехал в экспедицию Института горючих ископаемых в Крым. Летом 1936 г. он мог сделать эту таежную надпись у себя на родине. Он регулярно навещал родственников.

В.М. Сеньюков знал о работах В.И. Вернадского о биогеохимии, о том, что В.И. Вернадский в 1928 г. создал в Ленинграде Биогеохимическую лабораторию, и что в 1935 г. В. И. Вернадский издал свой 1 выпуск «Проблем биогеохимии». В.М. Сеньюков с уважением относился к памяти В.И. Вернадского, выпуски В.И. Вернадского «Проблем биогеохимии» находились в лабораторной библиотеке В.М. Сеньюкова в Москве на проезде Владимирова в 1960 г., когда я там работал.

Летом 1936 г., когда В.М. Сеньюков был у себя на родине, он, вероятно, организовал экспедицию /поездку/ с двумя своими родственниками по р. Чисва. Места красивые. В.М. Сеньюков любил природу, простор. Он говорил мне: «Глаз должен видеть горизонт». Красивая природа, тайга – совмещение орографии и биосферы /тайги/, идеи В.И. Вернадского о биогеохимии – дали основание В.М. Сеньюкову организовать поездку 1936 г. как геобиохимическую экспедицию. Таковы мои соображения.

Для подтверждения нужно Вам организовать официальную платную экспертизу с привлечением экспертов для подтверждения почерка В.М. Сеньюкова на ели и определения возраста надписи. Это несложно. Затем Вы с музеем и экспертами напечатайте эту статью. Поскольку эта надпись документально характеризует многогранную разностороннюю деятельность В.М. Сеньюкова...

Ваше письмо и эти свои комментарии я передам Р.В. Сеньюкову, как Вы и рекомендовали.

24.12. 2008 г.».

Сегодня можно с уверенностью сказать, что спутниками экспедиции Василия Михайловича Сеньюкова в 1936 г. были его односельчане из с. Онежье. Александр Федорович Попов (Дзеля Саш, как звали в его в селе) был в 1920-е гг. лесничим, помог будущему ученому-геологу бежать из отцовского дома для поступления в Глотовскую семилетнюю школу.

Ученый секретарь Национального музея

Республики Коми В.А. Сова

23.10.2011 г.

ОБ АВТОРЕ

Автор книги «Одиссея Василия Сенюкова, или Король нефти и газа» А.И. Попов – журналист, писатель, общественный деятель. Альберт Иванович – один из основателей и активистов Московского коми национально-культурного объединения «Парма», создатель и бессменный главный редактор информационно-культурного и литературно-публицистического журнала «Парма», востребованного в 90-е годы прошлого столетия в странах и регионах финно-угорского содружества.

Впервые документальная повесть о В.М. Сенюкове была издана в 1977 году отдельной книгой, тиражом 100 экземпляров. Следующая попытка распространить знания о великом коми ученом была сделана в 1997 году, когда повесть была напечатана в журнале «Парма».

А.И. Попов уже много лет занимается увековечением памяти В.М. Сенюкова – родного брата матери, память о котором живет в народе. Шошкинской восьмилетней школе Княжпогостского района постановлением Совета Министров РСФСР присвоено имя В.М. Сенюкова. На Готовской средней школе, где он учился в 1925–1926 гг., установлена мемориальная доска, так же, как на родительском доме в селе Онежье и на здании учебного корпуса Ухтинского государственного технического университета. Именем ученого названа одна из новых улиц города Ухты и старейшая (бывшая Рабочая) улица поселка Железнодорожный. В здании Института геологии Коми НЦ УрО РАН установлена мемориальная доска с портретом В.М. Сенюкова. 2 августа 1996 года в Емве состоялось торжественное открытие памятной стелы в связи с 50-летием газовой промышленности страны и 90-летием ученого, с барельефом В.М. Сенюкова. Руководство «Севергазпрома» и ректорат Ухтинского государственного технического университета с 1 января 1997 года учредили стипендию имени В.М. Сенюкова для лучшего студента газонефтепромыслового факультета. Имя крупного советского ученого с мировым именем, основоположника газовой индустрии страны,

геолога-нефтяника, доктора геолого-минералогических наук, профессора, лауреата Государственных премий СССР звучит на научно-практических конференциях геологического сообщества и студенческой молодежи. Василию Михайловичу посвящаются научные симпозиумы и конференции. Сыктывкарской студией телевидения созданы документальные фильмы о жизни и деятельности В.М. Сенюкова.

Региональной общественной организацией «Землячество Коми» при непосредственном участии председателя Н.Н. Рулёва, членами КНКО «Парма» Ефремовой Н.П., Игнатовым С.В., Черных Г.А., Макаровой В.А. и др., при поддержке Постоянного представительства Республики Коми при Президенте Российской Федерации подготовлены и переданы в Правительство Москвы все необходимые документы для установления памятной доски на ул. Тверская, д. 17, где долгие годы проживал и работал Василий Михайлович. В 2014 году получено официальное разрешение на установку мемориального знака. Есть надежда, что когда-нибудь это осуществится.

Прошло два десятилетия после первого издания книги «Одиссея Василия Сенюкова...» Благодаря финансовой помощи генерального директора Группы Компаний «Нобель Ойл» Григория Семёновича Гуревича стало возможным переиздание книги с небольшими дополнениями.

Выражаем благодарность за оказанную помощь директору Музея истории просвещения Коми края ФГОУ ВПОСГУ им. П. Сорокина, профессору культурологии М.И. Бурлыкиной, директору музея РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина Н.Б. Ефимочкиной, директору музея УГТУ Е. Зеленской-Зисман, академику КНЦ УрО РАН М.П. Рошчевскому.

Председатель МКНКО «Парма»,
Заслуженный работник РК,
Лауреат Премии Правительства РК

С.Б. Терентьева.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	2
Слово вступительное: от славы к забвению	5
Начало начал	18
Ступенями горной академии.	41
Ради разгадки тайны Байкала	53
Тропами первопроходцев	65
Две встречи с Серго Орджоникидзе	83
По заветам Учителя.	100
У истоков газовых рек.	113
Стратегия глубокой разведки	156
В эпицентре противостояния	180
Долгожданный вулкан	191
Ключ к сокровищам родного края	202
За кладами... ракетой, или Проект на грани фантастики	209
Вместо эпилога.	220

Региональная Общественная
Организация «Землячество Коми»
(г. Москва)

ООО «НОБЕЛЬ ОЙЛ» (КО)
ГРУППА КОМПАНИЙ НОБЕЛЬ ОЙЛ

**КИРОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
ТИПОГРАФИЯ**

Подписано в печать 14.06.2017 г.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15.00. Тираж 300 экз. Заказ № 0634.

Отпечатано в ООО "Кировская областная типография".
610004, г. Киров, ул. Ленина, д. 2. Тел/факс: (8332) 38-34-34
E-mail: print@printkirov.ru

